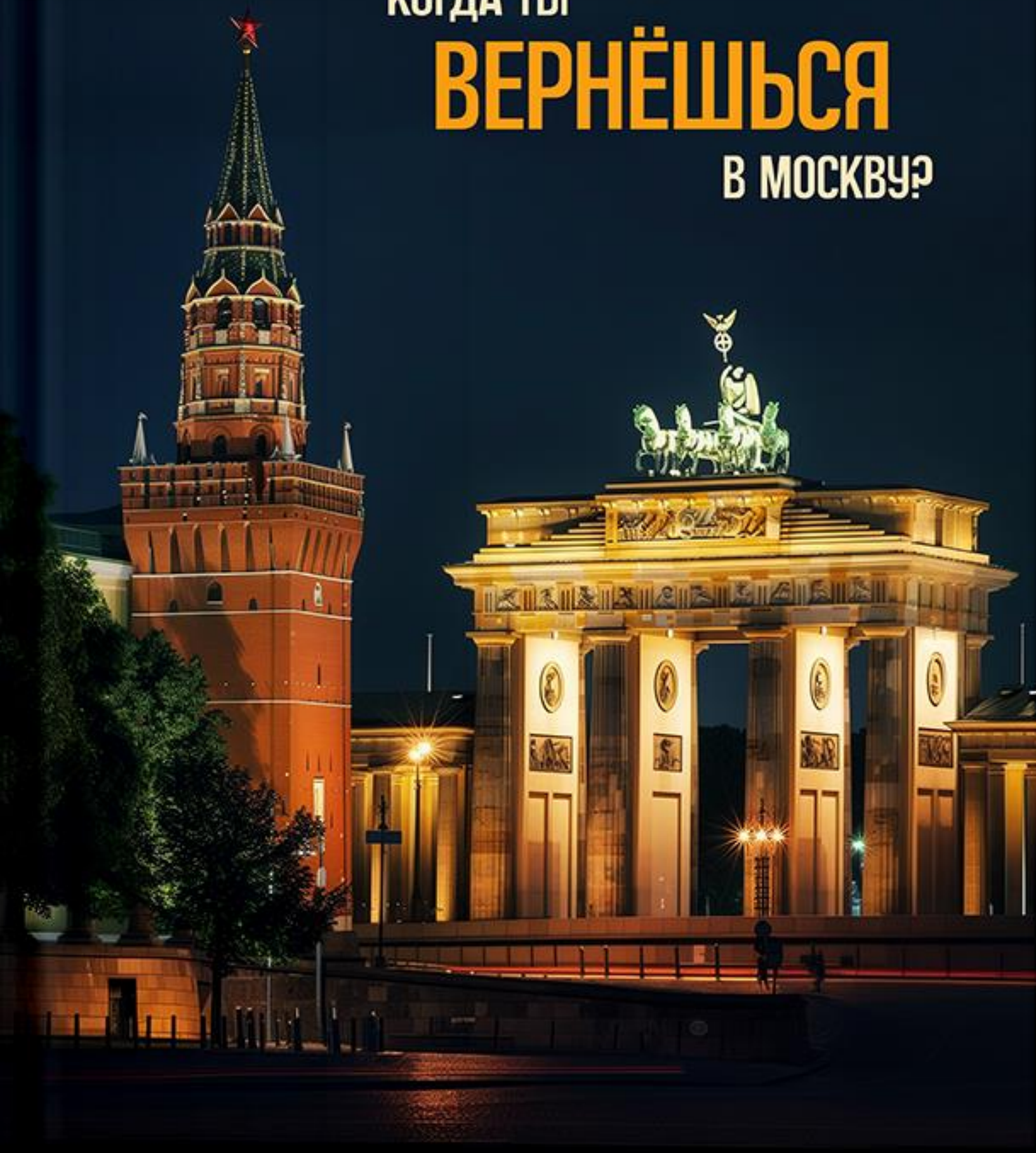

КОГДА ТЫ
ВЕРНЁШЬСЯ
В МОСКВУ?

Дарья Тихонова

КОГДА ТЫ ВЕРНЕШЬСЯ В МОСКВУ?

2024

Даша, Ольга и четверо детей — обычная семья, жившая в Москве. У них было будущее в родной стране, и страна была. А потом всего этого не стало, потому что наступило 24 февраля 2022 года, и оказалось, что «будущее» и «страна» им только казались. Все перевернулось с ног на голову, черное стало белым, недопустимое правильным, невозможное реальным.

(с) Дарья Тихонова, 2024

(с) VAbook, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Египет	8
Кошмарный сон	16
Антон	22
Важное решение.....	27
Работа	33
Отъезд.....	36
Марсель	40
Бадалона.....	45
Барселона	50
Берлин	58
Квартира.....	67
Москва	78
Вторые родители.....	81
Ваня	91
Новый дом	98

Язык.....	103
У нас «на районе»	108
Мобилизация.....	114
Дети с нами	118
Бюрократия.....	122
Подготовка.....	128
Новые друзья	130
Эмиграция.....	133
Германия и ее прошлое.....	143
Первый Новый год в Берлине	151
Роды.....	155
После родов	165
Дома.....	170
Привыкаем.....	174
Постродовая.....	182
Отношения с Берлином.....	187
Оля	193

Депрессия.....	201
Шарлоттенбург.....	210
Няни	217
Книжные	224
Блошки	228
Снова Барселона.....	231
Корфу.....	234
Будапешт.....	237
Депрессия продолжается	240
Малыши	245
Лето.....	250
Тео	254
Новости Германии	259
Гей парад.....	262
Персонажи	266
Стало легче.....	271
Ваня и его особенности	274

Один день из жизни многодетной матери.....	286
Каминг аут	288
Мир открывается.....	300
Турция	303
Осень.....	313
Уроки вождения	318
Геннадий	321
Рождество в Испании	333
Зима	340
Саманта	345
Голосование	353
Что дальше?	360

Египет

Меня зовут Даша, мне сорок лет, у меня чудесная жена Оля и четверо детей. Мы обычная семья, жили в Москве. У нас было будущее в родной стране. И страна была. А потом всего этого не стало. Потому что наступило 24 февраля 2022 года. И оказалось, что «будущее» и «страна» нам только казались. Все перевернулось с ног на голову, черное стало белым, недопустимое правильным, невозможное реальным.

Но начну с Египта.

Я работала в крупной западной IT компании, занималась продажей консалтинговых услуг. Работа нервная и непростая, но хорошо оплачиваемая. Никогда не думала, что буду продавать, всегда счи-

тала, что это не мое (я, вообще-то, филолог по образованию). Но так сложилось, что пришлось, и оказалось, что могу. Я продавала уже третий год, и, кажется, у меня начало получаться. Было интересно, я постоянно узнавала много нового, а там, где знаний не хватало, часто просто везло.

Как у всех «продажников», моя жизнь делилась на кварталы. Первый квартал года обычно был спокойный. В начале 2022 года ковид уже отступал на задний план, люди потихоньку начинали снова летать. Январские праздники мы провели с детьми, пока еще их было только двое. А отдых с детьми, как известно, так себе отдых. Хотелось нормального отпуска, вдвоем, поэтому мы купили путевку в Египет — в феврале там еще довольно тепло, и я думала, что смогу нормально отдохнуть и набраться сил. Но, как назло, прямо перед отпуском на меня свалились сразу три сделки, которые в совокупности могли покрыть мой годовой план. Не отмахнешься, надо делать. Так что пришлось работу тащить с собой на отдых. Снова так себе отдых, но что поделаешь.

Я была новенькой в своем отделе. Пока что у меня на счету был всего один большой серьезный проект, все остальное — мелочи. Нужно было всем доказать, что я тоже оного и могу приносить большие интересные сделки. Почему жизнь решила сделать из гуманитария до мозга костей продавца IT консалтинга, для меня до сих пор загадка. Очень многому приходилось учиться «на ходу». Не только, как продавать, это целая отдельная наука, но и разбираться в сервисах, в том, как устроен проект, какие продукты выпускает компания, как устроен бизнес клиентов. Каждый день я узнавала что-то новое, и с каждым маленьким новым открывалось еще больше неизвестного. Иногда это было очень круто, как будто передо мной не только море неизведанного, но и море возможностей. А иногда я просто захлебывалась. Не иногда. Часто. Я чувствовала себя самозванкой. Иногда идя по офису, смотрела на коллег и думала: хоть бы никто из них не узнал, что я ничего не понимаю в том, что делаю. Возможно, они об этом догадывались, но план я выполняла, так

что вопросов не было. Но работала я не просто много, а очень много. После ковида стало и того хуже. Теперь рабочую почту я проверяла допоздна, пока не засыпала, и первым делом, только проснувшись. Я отвечала на звонки в любое время дня и ночи, в будни и в выходные, в рабочие дни и в отпуске. Тревожность, усталость, выгорание — вот с чем я подошла к отпуску в Египте.

Красное море уже, конечно, холодное, хотя были еще смельчаки, рисковавшие в него окунуться. Я это сделала лишь раз, на несколько секунд, на большее меня не хватило. Но солнце было ласковое, грело, не обжигая. Туристов мало, в отеле тихо и спокойно. Возле бассейна всегда можно найти свободное место. Идеально. Но нет. Я же привезла с собой работу. По каждой сделке надо было приготовить коммерческое предложение, согласовать его по всем правилам компании и отправить клиенту в течение недели. А их целых три. И бесконечные созвоны с коллегами, что и как будем предлагать клиенту, да как это будем считать. Так что сам «отдых» в Египте я

помню смутно. Помню, отель был хороший, особенно лобби, потому что я весь день проводила именно там из-за вайфая, отлучаясь только на завтрак и обед. Удобные диванчики, ненавязчивая музыка. Даже на экскурсию я взяла с собой комп и созванивалась с коллегами прямо из автобуса. А ведь я давно мечтала посетить Луксор и неизвестно, будет ли у меня другая такая возможность. Теперь вся красота Луксора, его колонны, гигантские каменные фараоны, удивительная роспись потолков и стен — все это навеки будет ассоциироваться с работой и с несостоявшимся проектом внедрения ВТС. Даже не буду объяснять, что это такое. Пусть уж там, в Луксоре и останется.

Был только один день, когда я полностью отдыхала от работы — в Москве был праздник, никто не работал, а значит, никто не дергал по телефону и не ждал ни звонков, ни имейлов. Мы взяли экскурсию на морскую прогулку: темно-синие волны, ветер, солнце, быдловатые соотечественники (куда ж без них) и технологический детокс. Моя темноволосая

жена с точеной фигурой в купальнике, соленые мурашки на ее коже, когда она выбирается на палубу из воды и закутывается в мои руки с полотенцем. Вот таким должен быть отдых. В Египте у меня такой был всего один день.

А завтра было 24 февраля.

Вечером накануне мы слушали выступление Путина, где он долго и подробно объяснял, что Украина не такая уж и страна, а украинцы не такой уж и народ. Сначала мы поглядывали друг на друга в недоумении (зачем все эти долгие исторические экскурсии?), а потом стало страшно.

Я бы рада сказать, что, когда началась война, я осознала, как вот эти мои тревоги из-за клиентов, коммерческих предложений, выполнения плана и так далее, мелки, как ничтожны по сравнению с такой катастрофой. Я бы рада сказать, что я бросила все дела и проводила все время с женой, потому что только семья важна. Так и было, но не сразу. Тогда, в начале, казалось, что война быстро кончится. Что вот сейчас они встанут на границе друг напротив

друга, потрясут оружием и разойдутся. Работа повисла в воздухе, но только потому, что все замерли в ожидании, что теперь будет. Все ждали, что война скоро закончится, и мы продолжим с того места, где остановились. Снимем работу с вешалки, даже пыль стряхивать не надо, наденем и пойдем дальше. Но прошел день, другой, третий. А война не думает заканчиваться, а только набирает обороты. Гражданские самолеты летают абы как, а нам домой возвращаться к детям. Многие рейсы задерживали на несколько часов, иногда на сутки. И никто уже не летал напрямую — все делали большой крюк, чтобы не лететь над войной. Нам повезло. Наш самолет задержали всего на час. Я была спокойна и уверена, по крайней мере, старалась казаться такой моей жене Оле, потому что она буквально дрожала. Редко и крайне мало пьющая, Оля попросила купить бутылку виски в Дьюти Фри, и мы весь шестичасовой полет над Казахстаном пили виски с колой. Наши места были в середине, далеко от окон, иначе Оля не отлипла бы от иллюминатора. Каждую минуту ей

казалось, что сейчас в нас прилетит шальная ракета.

И все же наш самолет долетел, хотя мог и не долететь.

Наконец-то Москва. Вроде все буднично: прилетели из отпуска, заказали такси, едем домой из Шереметьево. Над Ленинградкой низкое небо резкими линиями очерчивает многоэтажки, единым серым размазаны вдоль дороги деревья, асфальт, машины. Я смотрела в окно на знакомые здания, на парк Речного вокзала, на бизнес-центры Водного стадиона. Все то же самое, но, в то же время, все переменялось, стало другим. Я повернулась к Оле и сказала:

— Мне страшно. Страшно здесь быть.

Она крепче сжала мне руку.

Кошмарный сон

Дальше все как в страшном сне, от которого мы не могли проснуться многие недели. Каждое утро, едва открыв глаза, хватались за телефоны и смотрели новости. Потом плакали. Перед сном снова читали новости и снова плакали. Говорили и думали только о войне. Мы уже не ждали, что война быстро кончится — поняли, что дальше будет только хуже: что ничего нельзя будет говорить, что начнут сажать сначала всех несогласных, а потом просто всех, кто не такой, как все, не такой, как надо. А мы ведь как раз не такие, как надо. Невозможность что-либо изменить оглушала. Было стыдно, ничего не понятно, и все время страшно. Поддавшись приступу паники и для того, чтобы делать хоть что-то, мы собрали самые необходимые вещи и продукты, купили канистру бензина, побольше воды и сложили все в багажник машины, чтобы в случае опасности быстро уехать подальше от Москвы.

Еще нам казалось, что мы совсем одни. Впервые меня будто холодной водой окатило, когда мне позвонила мама узнать, как дела. Я сказала, что с учетом общей ситуации, ничего, держимся.

— А что случилось? Какой ситуации?

— Ну вообще-то война идет, — удивилась я.

— Какая война? Нет никакой войны! Есть спецоперация, но ее давно надо было сделать. Там же фашисты!

Тогда мы с мамой впервые за долгие годы поссорились. Я не могла поверить, что мои родители поддерживают ЭТО. А мама считала, что американцы промыли мне мозги.

Чтобы не чувствовать свою изолированность, мы стали чаще звать в гости друзей. Тех, кто был с нами на одной стороне. Так, хотя бы ненадолго, казалось, что еще не весь мир сошел с ума.

И еще это чувство вины. Из-за границы многие говорили и писали — почему вы не выходите на улицы? Почему не протестуете? Как им объяснить, что для них выйти на улицу — это как воды попить.

Совершенно естественная реакция. Но мы-то не в цивилизованной Европе. У нас Страх. Мы боимся, что нас посадят, что «космонавты» будут бить дубинками, что отберут детей, в конце концов. И вина за этот страх. Бессилие. И вина за бессилие. Постоянные мысли: когда мы это упустили? Что мы сделали не так? Хотя в чем мы виноваты? Вот мы с Олей? Мы за Путина никогда не голосовали, за Единую Россию тоже. На протестные митинги не ходили, это правда, но потому, что за детей волновались — как они без нас? Мы же в группе риска — при желании на нас можно было натянуть закон о пропаганде ЛГБТ. Но все эти рассуждения как-то не уменьшали чувство вины. Противное такое. Липкое. Мало того, что наш мир рухнул, его больше нет и не будет, так еще чувство, что мы сами в этом виноваты. Пусть субъективное, может, даже неправильное, но кому от этого легче? И такое оно едкое. Плюс страх. Плюс стыд. Радиоактивная смесь. А радиация в больших количествах, как известно, опасна. Даже смертельна.

Но все это ерунда, по сравнению с тем, что люди переживали ТАМ, прячась от бомбежек и возвращаясь к руинам вместо домов, видящих трупы на улицах и теряющих своих близких. Но если все время думать об этом, то можно свихнуться. И мы старались думать о более близких проблемах, с которыми хоть что-то можно было сделать. Не очень получалось, правда, но мы старались.

Хотелось куда-то убежать, хотя бы на время. Но начались санкции с запада, и стало казаться, что нам перекрывают кислород отовсюду, что мы в помещении, где выход заложили кирпичами. Мышеловка захлопнулась. И что делать — не понятно.

Но мы все равно думали об отъезде, хотя все никак не могли принять окончательное решение, уезжать или нет. Каждый день об этом говорили, это был главный вопрос. Мы брали его в руки, как кубик Рубика, вертели, рассматривали с разных сторон, крутили туда-сюда, пытаясь что-то из него собрать,

сами не зная что. Эта невозможность на что-то решиться связывала. Даже мелкие бытовые дела мы не могли довести до конца. На все опускались руки. И тогда мы поставили себе срок принятия окончательного решения — до конца апреля. Эти качели изматывали не меньше всеобщего хаоса и страха будущего, страха неизвестности. Хотелось с них спрыгнуть, как бы больно это ни было.

Мы взвешивали все за и против, обсуждали варианты, а что будет если так, а что если туда, а что если здесь. Сложно было решиться, когда здесь вроде все есть: хорошая работа, высокая зарплата, большая квартира, машина, друзья, родственники, привычная жизнь, у детей школы, педагоги, врачи, терапевты — все налажено и исправно работает. Пока. Но это «пока» могло длиться годами, а могло кончиться завтра. Нам не по двадцать лет, у нас двое детей, старший из которых нейроотличный. Так просто не сорвешься с места, решение должно быть взрослым, взвешенным и очень, очень хорошо обдуманным. И тогда пришла новость: компания, в

которой я работала, объявила о приостановке продаж в России. Мы поняли, что скоро я останусь без работы. Оля тоже работала в западной компании, которая точно так же могла в любой момент закрыть московский офис. Мы решили, что уж если быть без работы, то лучше там, где безопаснее.

Не помню, как и когда это произошло, но в один прекрасный день мы приняли решение: уезжаем. И как только решили, хоть и потянулся прицепом целый миллион новых вопросов, стало легче. Война случилась, когда у нас было все, и это все обещало стать еще лучше. Но оказалось, что из этого всего надо просто выбрать самое главное и только это увезти в другую страну. Война отделила важное от неважного. Поставила перед выбором, с чем и как мы можем жить, а с чем нет. Оказалось, что отказаться от привычного уровня жизни, сдать квартиру и продать машину не так уж сложно. Оказалось, что можно пойти ва-банк, попросить у судьбы максимум, и если ты принял правильное решение, то ты получишь то, о чем просишь. А может, даже больше.

АНТОН

Нашему сыну Антоше в тот год исполнялось семь лет. В сентябре он должен был пойти в школу. Мы понимали, что уехать сразу с двумя детьми было бы слишком сложно. Ваня — это отдельная сложная история, к его переезду надо подготовиться, и его надо подготовить, а это кропотливая и долгая работа. Его надо было приучать к переезду постепенно. С Антошей проще. Он более гибкий. Чувствительный, да, но он как раз вошел в такой возраст, когда ребенок чуть меньше зависит от родителей и больше открыт миру.

Ваня и Антон — дети Оли от первого брака. После развода дети жили с воскресенья по четверг у папы, а с четверга по воскресенье у нас. Паша, бывший муж Оли, всегда говорил, что надо валить из РФ, как минимум, детей надо увозить. Он, правда, вообще, много чего говорил. Но нам нужно было совместно решить будущее детей. Мы имели с ним серьезную беседу и договорились, что мы поедем сначала

вдвоем с Олей, устроимся на новом месте, снимем квартиру, найдем школу, и к сентябрю заберем Антона, чтобы в первый класс он пошел уже в новой стране. Ваню будем сначала забирать на каникулы, а как только найдем для него школу и всех нужных врачей, педагогов и терапевтов, то заберем и его.

Когда я впервые увидела Антона, ему было 4 года. В лице еще была детская пухлость щек, длинные волосы, смешной птичий язык (Антон тогда не выговаривал чуть ли не половину букв). Поначалу он страшно ревновал ко мне свою маму. Отталкивал меня от нее, даже прогонял. Это было больно, но ждала, и со временем он уже бежал ко мне, раскинув ручки, когда встречал меня после «папиных» дней. Сейчас, когда я ему это рассказываю, он говорит, что я все придумываю и ничего такого не было. Для него я как будто всегда была.

Поначалу Антон очень стеснялся всех новых людей. Если кто приходил к нам в гости, он прятался за нашими спинами, и надо было делать вид, что его здесь нет. Иногда прятался в шкафу или под столом.

Но всегда так, чтобы он мог наблюдать за новым человеком. А еще он очень волновался за старшего брата. На улице все норовил его поймать за футболку или за рукав и не отпускать, чтобы он не убежал, чтобы не попал под машину, чтобы не потерялся. Как будто это он старший брат и его задача оберегать младшего. Ему очень хотелось общаться и играть с братом, хоть какого-то взаимодействия. Но Ваня долго не воспринимал его, как равного. Не реагировал на его вопросы или комментарии. Для него Антон долго был как привычная часть жизни, тот, кто постоянно присутствует рядом. Просто часть его окружающего мира. Только когда Антон начал комментировать что-то из Ваниных интересов, подкидывал ему вопрос на любимую тему, тогда Ваня, наконец, заметил его и стал реагировать на его вопросы и замечания. Не полноценное, конечно, взаимодействие, но лучше, чем ничего. Все, что Ваня мог дать.

Потом Антоша подрос, перестал стесняться. Появились приятели в школе и во дворе, с которыми

он без конца носился по детской площадке и которым он очень хотел нравиться, а потому подстраивался под них, перенимал их интересы. Если им нравится играть в войнушку, то он тоже просил покупать ему игрушечные пистолеты и автоматы. Когда началась война, как-то мы собрались с ним гулять, и он захотел взять с собой автомат. У меня перевернулось все внутри. Не разрешила. Там люди умирают, а здесь дети будут играть в войну? Это не игры уже.

Поэтому Антона надо было скорее вывозить из этой атмосферы. Хорошо, что мы договорились. Вроде бы.

А еще Антон очень много говорит. Не переставая. Иногда мы специально играем с ним в молчанку, чтобы выиграть хоть немного тишины. То он включает режим «акын» и комментирует все, что видит. То спрашивает о чем-то неожиданно важном, о чем, видимо, много думал и хочет разобраться, например, что такое религия или кто такой Христос, или как заработать много денег. Иногда он задает

вопросы, будто отстреливается пулеметной очередью — не глядя, во всех направлениях и не дожидаясь ответов на свои вопросы. Может спросить и тут же забыть твой ответ. Мы подозреваем у него СДВГ. Не такой выраженный, как у Вани, но точно что-то есть. В школе он еще держится, может сосредоточиться, но вне школы все тормоза слетают. Иногда он затрагивает интересные темы и бывает интересно наблюдать, как развивается в его голове мысль, откуда она берется и как он ее обдумывает. Иногда он выдает очень верные выводы или замечания. Но в целом, его бывает очень много. Удивительно, но иногда даже больше, чем Вани.

При этом он довольно рассудительный и осторожный. Когда мы смотрели Гарри Поттера, он без конца удивлялся и возмущался:

— Зачем они туда идут? Это же запрещено! Им же сказали, что это опасно!

Папа — важный для него авторитет, но мама — самый любимый человек на свете. Он уже иногда стал уворачиваться, если пытаешься его поцеловать при одноклассниках, но дома с мамой ласковый, как котенок.

Важное решение

Нам нужно было принять еще одно очень важное решение. Мы с женой очень хотели еще одного ребенка. Мне хотелось самой родить, потому что у Оли уже был такой опыт, а у меня нет. С прошлого лета я пыталась забеременеть. Миллион анализов, узи, врачей. Три неудачных попытки, после каждой я неделю плакала. Перед поездкой в Египет мы решили сделать паузу. А потом снова пытаться. И вот как теперь быть? Снова отложить? Но мы так этого хотели и прошли уже такой большой путь. Как сложится за границей — неизвестно. Решили делать, и будь что будет. Если получится, то на роды у нас деньги есть, даже если придется рожать платно. Мы поставили все на карту и надеялись на джекпот.

Снова начались анализы, узи, врачи, уколы, таблетки горстями. Я точно помню дату: 10 мая 2022 года. Мы пришли в больницу на забор яйцеклеток. Меня отвели в отдельную палату, где я переоделась

в больничное: смешные шапочка и ночнушка, тапочки. На улице было солнечно и по-летнему тепло, окно в палату открыто. Оля стояла под окном, я смотрела на нее со второго этаж, и пока меня не забрали в операционную, мы говорили. Она все улыбалась и смотрела с такой нежностью и надеждой, что мне совсем не было страшно. На операционном столе мне сделали анестезию. Анестезиолог попросил представить какое-нибудь место, где мне бы хотелось сейчас оказаться.

— Представили?

— Да.

— Ну расскажите нам.

— Я на море, здесь тепло, море си...

А дальше темно.

Я открыла глаза. Где я? Роюсь в ворохе мыслей в голове, ищу воспоминания, пытаюсь собрать все в коробочку. Потом открываю глаза и начинаю медленно выползать из мягкой ямы, как будто заваленной перинами и подушками, а я их разгребаю, раскидываю. И вот я на кровати в палате. В сгибе локтя

капельница. Поднимаю одеяло, там кровь. Больно. Входит медсестра.

— Как себя чувствуете?

— Очень больно. Это нормально?

— Да, так бывает. — дает мне таблетку. — В туалете есть прокладки, если нужно.

— Нужно, у меня кровь. Это тоже нормально?

— Да. Не волнуйтесь. Как сможете, собирайтесь и приходите к доктору в кабинет, она расскажет, что дальше делать.

Прошло минут пятнадцать, прежде чем я собралась с силами подняться. Я села на кровати. Как же больно. Как самые худшие месячные, в самый худший свой день. Машу Оле из окна, и мы идем к врачу.

— Все прошло хорошо. Мы забрали 6 яйцеклеток. Через 5 дней встречаемся для пересадки.

Боль продлилась еще несколько дней, но к моменту пересадки все прошло.

— Может, две яйцеклетки пересадим? — говорит мне Оля.

— Да ты что! А вдруг будет двойня?

— Но зато больше шансов, что получится. А остальные можно заморозить, вдруг пригодятся на будущее.

15 мая мы снова были в больнице. Из шести яйцеклеток пригодна к пересадке только одна. Замораживать нечего. Или получится или нет.

Пересадка заняла от силы пять минут. Никакого общего наркоза на этот раз. И сразу узи. Прямо на столе мне дали маленький черно-белый квадратик с белой точкой по середине:

— Первое фото, — улыбнулась медсестра.

Я скрестила пальцы.

Ждать было мучительно. Мне казалось, что это мой последний шанс. Что если сейчас не получится, то все. У меня ведь возраст, прямо скажем, не юный. Таблетки продолжались. Шли дни, недели.

Вообще, то, что было до пересадки, в апреле, и после, в мае, я помню смутно. Кажется, я чем-то постоянно была занята, но чем — не помню. С марта моя компания прекратила продажи, нам разрешили

только работать по текущим договорам. Их у меня было не много, так что на работу я тратила в день от силы 1–2 часа: делала пару звонков, писала 2–3 имейла. И все. Но что я делала остальное время, не знаю. Ходила ли я гулять? Смотрела ли я кино? Читала ли книжки?

Помню, что за неделю до того, как можно было сдавать анализ ХГЧ, у меня по ночам стал нереально сильно болеть живот. Очень страшно. Почему болит? А вдруг внематочная? А вдруг что-то пошло не так? Врач на мои жалобы только пожала плечами — у вас все нормально, пройдет. А у меня ощущение, что меня разрывает изнутри Чужой. Только он не рвется наружу, как в фильме, а просто крутится и пожирает все внутри, как пакман. Оля просыпалась от моих стонов, держала за руку и ждала, когда меня отпустит и я усну.

Потом я сдала кровь.

Как только проснулась на следующий день, сразу проверила почту, а там имейл из клиники с результатом. Но открывать не решилась.

— Посмотри ты, я боюсь, — сказала я, отдавая телефон Оле. А сама спрятала лицо в подушку.

Оля тоже очень волновалась. Она открыла имейл, а там какие-то цифры и буквы. Надо же еще разобраться. Вдруг она не так поймет, обнадежит меня, а потом окажется, что она ошиблась? Большая ответственность. Но Оля собралась. Как-никак дочка и внучка химиков. Проверила референциальные значения и все стало ясно.

— Дашенька! У нас получилось! Ты беременна!

Я снова плакала, но уже от облегчения и радости. Где-то в глубине души я давно знала, что получилось. Все мои ощущения были другими, не такими, как после неудачных попыток. Но я боялась надеяться, потому что уже надеялась раньше, но ничего не получалось.

Мне назначила УЗИ на 11 июня в 9 утра. В этот же день в 17 часов у нас был самолет.

Работа

В офис мы уже не ходили, работали из дома. Было ясно, что моя компания рано или поздно уйдет с российского рынка, как уже сделали многие ее конкуренты. Я только надеялась, что она это сделает до моего отъезда, чтобы я смогла подписать все нужные документы. У Оли про сокращения на работе пока никаких слухов не было, но им запретили работать из другой страны. Можешь работать из дома, не приезжая в офис, но только на территории РФ. Поэтому Оля взяла отпуск, а дальше думала скрывать, откуда она работает, пока не уволят.

На следующий день после «положительного» анализа крови меня вызвали в офис. Нам назначили видеозвонок для всего отдела с руководством из главного офиса. Всем было понятно, что нас закрывают. Но когда и на каких условиях? Сколько дадут денег? Разрешат ли оставить компьютеры? А вдруг решат кого-то перевести в другой офис? Много говорили про офис в Казахстане, некоторые мои коллеги

очень рассчитывали на такой вариант. Нам он, конечно, не подходил. Однополая семья, старший сын особенный — нам не место в любой азиатской стране. Нам надо в цивилизованную Европу.

Мы сидели в большой переговорной с видом на Москва-реку. С экрана телевизора говорящая голова рассказывала, как наша работа важна для компании, как они дорожат своими сотрудниками и все такое прочее.

Я слушала ее и вспоминала, как мы с женой ездили на Гавайи. Я в тот год перевыполнила план, за что мне полагалась неделя на Гавайях с моим «+1». Компания брала на себя расходы за наш перелет и отель. Это была, наверно, самая красивая наша поездка. Мы видели горбатых китов, летали на вертолете над островом, объехали почти весь остров на машине, загорали лежа на белом песке и ели божественные рыбные такос. Каждый вечер, придя в номер, мы находили какие-нибудь подарки. И обязательно большой концерт с приглашенной звездой. В тот год выступал Эд Ширан. Концерт он завершил

песней со словами: «You need me, I don't need you», что меня очень повеселило. А еще перед нами выступал генеральный директор компании, он говорил, что мы — элита компании, что мы ее основной двигатель и самая большая ценность.

А теперь, когда пришли трудные времена, первыми увольняли именно нас, продавцов. Компания закрывала бизнес в России.

Я подписала документы за пару дней до вылета. Мне выплачивали весь неиспользованный отпуск, обналичивали все акции, небольшой бонус и пакет в размере нескольких месячных окладов. Так закрывалась большая и важная страница в моей жизни. С точки зрения финансов, закрывалась неплохо.

Отъезд

Мы были готовы к отъезду. Ну то есть как готовы — раздали знакомым или сдали для беженцев большую часть вещей, собрали чемоданы и продумали план. Но в этот план входило столько неизвестных, столько того, что от нас не зависело и что могло поменяться в любой момент, что это был план, который вибрировал, как желе. Наш отъезд был похож на прыжок с корабля на пристань, когда трап уже убрали — допрыгнем или нет? Но не прыгнуть нельзя. Пусть пока нам никто не угрожал непосредственно, но ощущение опасности было под кожей. Мне никогда не было так страшно. Так страшно, что беременность и неизвестность пугали гораздо меньше. Что-то было в воздухе. Он стал разреженным, как в горах. Я как-то ходила в поход в Гималаи по пути вокруг горы Анапурна. Максимальная точка маршрута была на высоте 5200 м. Я дошла до 4000 м. Дальше идти не смогла из-за горной болезни: как будто кто-то держал в огромной руке мою

голову и сжимал ее, а другой рукой давил на грудь. Голова болела не переставая, и никакие таблетки не помогали. По ночам я просыпалась от того, что вроде бы дышу полной грудью, наполняя легкие доверху, а кислорода все равно не хватает. И еще я часто плакала. Горько, навзрыд. Без причины. Просто вдруг начинала выть, а потом также вдруг переставала. Так было в Гималаях в 2019 году. А потом в Москве, в 2022-ом.

Мы должны были уехать.

Мы выбрали Барселону. Я там уже жила, знала город и язык, были местные друзья. А еще Испания признает однополые браки и там нормальное отношение к особенным детям и взрослым. Это чуть ли не единственная страна в мире, где в университете преподает профессор с синдромом дауна. Не то же самое, конечно, но все же. У нас был действующий Шенген, по которому можно въехать и подать документы на студенческую визу. Часть справок была уже готова, остальное мы планировали собрать на месте.

11 июня, упаковав вещи, мы приехали на УЗИ, чтобы сделать последнее важное дело перед отъездом. Я села в гинекологическое кресло, и когда на экране появилась картинка, Оле разрешили подойти и снимать на видео. Мы хотели запечатлеть нашу первую встречу с малышом.

— Так, вот здесь вот эта небольшая окружность, это плод, — сказала врач, показывая на маленькую белую точку на черно-сером экране.

— А это что такое? — спросила Оля, ткнув пальцем в экран.

Врач задумалась.

— Кажется их двое! Яйцеклетка разделилась на две — это большая редкость.

— ААААА! — закричала Оля, — Я так и знала, я так и знала!

Наверное, обычный человек на нашем месте бы разволновался, а может, даже расстроился. Ну хоть какое-то напряжение должно было бы быть, все-таки мы уезжали в эмиграцию уже имея двух детей, а тут дополнительно не один ребенок, а два — это же

вдвое больше забот и ответственности. Но когда мы вышли из кабинета врача, мне казалось, что мы все сможем, что все происходит именно так, как надо. Радость от новости о беременности удвоилась, так что уже не вмещалась в меня, а все вокруг заполняла и окрашивала радужными красками. Я думала, что теперь я точно все смогу. Как будто бы сил и здоровья тоже стало в два раза больше.

В таком состоянии и улетать не страшно.

Марсель

Первой нашей остановкой, как у многих эмигрантов 2022 года и эмигрантов столетней давности, был Стамбул. Он встретил нас невкусной едой в отеле и хамоватым таксистом, пытавшимся зажать сдачу. Но в отличие от многих других эмигрантов, мы провели в Турции всего одну ночь, чтоб и самим отдохнуть, и кошке дать прийти в себя. Да, мы еще и с кошкой поехали — не могли же мы ее оставить. Она у нас пожилая и довольно ворчливая дама.

Наутро прилетели в Марсель, где мы задержались чуть дольше. В аэропорту нас встретила Мод-Сесиль, бывшая Олина учительница французского из Женевы (Оля много лет назад там работала). У нее была добрая улыбка и смеющиеся глаза. У Мод-Сесиль русские корни и она страстная фанатка всего русского, хотя язык пытается выучить уже много лет, но все безуспешно. Встретила нас на машине мужа, потому что ее машину неделю назад украли прямо со двора дома.

— Цыгане, конечно. Они живут неподалеку. У них большая группировка, торгуют наркотиками и воруют машины, это их основной бизнес. Теперь мы установили камеру, надеюсь, больше машину не угонят.

И все таким тоном, будто рассказала об утреннем походе в булочную за свежим багетом. Сейчас Мод-Сесиль преподает французский онлайн. Она строгая и требовательная учительница. Но очень мягкая и легкая при личном общении. Муж ее, Франси, высокий, с красивой сединой и благородной осанкой, помог нам затащить чемоданы и провел небольшую экскурсию по дому. Дом находился на крутом склоне горы на самой окраине города. На втором этаже гостиная с волшебным окном и кухня. Окно огромное, во всю стену, с видом на порт. Вечерами море золотило закатное солнце. С такого расстояния Марсель казался воздушным и каким-то игрушечным. На первом этаже спальня хозяев и две гостевые комнаты. Саманту, кошку, мы поселили в отдельной комнате, чтобы хозяйские собаки и коты не напугали ее. Во дворе был большой стол и гриль

для барбекью, лужайка и небольшой бассейн. Бассейн особенно нас порадовал, потому что жара стояла нещадная.

Марсель нам понравился. Если бы не криминал, который местными воспринимался очень буднично, мы бы, возможно, даже задумались о том, чтобы остаться там жить. Мод-Сесиль нам так и предлагала, если в Испании не срастется. Мы поднимались к базилике Нотр Дамм де ла Гард. Оттуда спустились тенечками к морю. Осмотрели в порту старый форт и маяк, поели в ресторанчике морепродукты, побродили по набережной в Л'Естак, попробовали панис (местную закуску из нута и специй). В общем, вели себя как самые настоящие туристы. В голове пока не укладывалось, что мы эмигрировали. Да и не до того было. Я, в целом, чувствовала себя хорошо, токсикоза не было, но я очень быстро уставала.

— Когда я была беременна старшим сыном, — рассказывала Мод-Сесиль, — у меня была угроза выкидыша, поэтому почти все девять месяцев я

должна была лежать. Чтобы совсем не умереть от скуки, я постоянно пила мартини.

— Как мартини? — Оля аж подпрыгнула на месте. — Алкоголь?

— Ну конечно! Иначе я бы с ума сошла дома лежать. Ничего в этом страшного нет. Посмотри на него — вырос здоровый и умный парень, — смеялась она.

Оля строго посмотрела на меня:

— Это не наш метод, правда же?

Мне оставалось только соглашаться и слушаться. Вообще, в беременности я постоянно советовалась с Олей, что мне можно есть-пить, что нельзя. Мне было строго-настрого запрещено гуглить любые симптомы в интернете. Этот вопрос отдавался на аутсорс Оле, а мне потом давались выдержки или статьи, прошедшие цензуру. Не слушалась я Олю только в том, что не слишком много отдыхала и не особо наслаждалась отсутствием необходимости работать. Мне некогда было отдыхать. Но этом потом.

С нашими французскими друзьями было уютно и спокойно. Франси недавно вышел на пенсию и, по большей части, занимался домом. А Мод-Сесиль помимо работы помогала беженцам. Незадолго до нас у нее в доме останавливалась семья украинцев. Сейчас вот мы. Параллельно она еще помогала одному молодому сенегальцу двадцати лет. Он живет со своей беременной девушкой в каких-то трущобах, у них даже мебели нет — один матрас на полу. Парень готов на любую работу, но ему никак не делают документы, а без документов никто не берет на работу. Мод-Сесиль постоянно звонила по благотворительным организациям и в официальные структуры, пытаясь хоть чем-то им помочь. Помню, меня резанула ее фраза «эмигранты, как вы». Неужели мы, правда, эмигранты? Страшно было даже начинать об этом думать. Вот мы и не думали. Решали задачи постепенно.

Бадалона

Перелет в Барселону из Марселя был коротким. Только взлетели, как уже садимся. Из одной жары в другую. Море то же, только язык другой. Во Франции Оля чувствовала себя, как дома, потому что свободно говорит по-французски. А в Испании уже я, как дома, потому что говорю по-испански. Но самое сложное это не язык.

Самое сложное на первых порах были деньги. Они вроде есть, но их как бы и нет. Виза и Мастеркард отказали российским гражданам в обслуживании вне РФ, так что снять деньги со своих российских счетов за границей — не вариант. Покупку валюты в РФ не просто ограничили, а совсем запретили перед нашим отъездом, так что мы не успели снять рубли и обменять на валюту. Родители и брат кое-как наскребли у себя запасы евро и долларов наличными, все, что осталось после турпоездов в доковидные времена. Через фейсбучные группы

Оля договорилась с одной русскоговорящей женщиной в Бадалоне, что мы у нее остановимся на две недели. 50 евро в день. Кошку можно. Нам обещали отдельную комнату, оплата наличными. Из аэропорта мы сразу к ней и поехали.

Бадалона (Badalona) — это маленький городок под Барселоной. Население примерно 200 тысяч. Здесь большие пляжи, но туристы обычно дальше от Барселоны уезжают, поэтому я не назвала бы Бадалону туристической. Это самый что ни на есть каталонский город. К Барселоне так близко, что можно на метро доехать до центра. Десять лет назад, когда я жила в Барселоне, летом я иногда ездила в Бадалону купаться. Море там чище, чем в Барселоне, и народу обычно меньше. Из всех достопримечательностей я знала только длинный мост, на котором есть памятник обезьяне с бутылкой.

Квартира оказалась довольно большой и убогой. Помимо нас в квартире, кроме хозяйки, жил еще молодой светловолосый парень, кажется, моряк. Он обычно приходил очень поздно и сразу падал на

кровать, которая занимала почти всю его комнату. Нам досталась большая спальня. Мебель, конечно, старенькая, но зато кошка не слишком испортит, если что. Гостиной нам не разрешалось пользоваться из-за кошки — она была застукана за попыткой поточить когти о хозяйский диван. Так что мы пользовались только своей спальней, кухней, ванной и террасой. Терраса была самым лучшим в квартире. Она протянулась от нашей спальни до гостиной, вся засажена зеленью и с навесом, так что там почти всегда была спасительная тень.

Жара в тот год была самая что ни на есть африканская. Никакого вентилятора или кондиционера в квартире не было. Стекланную дверь на террасу мы не закрывали никогда, так что, когда хозяйка курила на террасе, пахло во всей квартире.

Первым делом мы начали собирать недостающие документы для подачи на студенческую визу и искать способы, как вывести из РФ деньги. Где-то на фейсбуке вычитали, что BBVA банк открывает счета россиянам по студенческой визе, но это не точно.

Мы поехали в центр и зашли в отделение BBVA на Рамбле попытать счастья, ни на что особо не рассчитывая — визы-то еще нет. Но оказалось, что достаточно паспортов и подтверждения от школы, что мы оплатили курс. Так что мы открыли счета в испанском банке. Мы смогли вздохнуть более спокойно — на одну проблему меньше.

К этому времени Олин отпуск закончился, и она начала работать, скрывая, что работает из другой страны. Вообще-то она с самого начала войны просила ее перевести в какой-нибудь европейский офис. Ее начальник обещал помочь, но в больших корпорациях такие вещи быстро не делаются, так что нам оставалось только ждать либо пока ее не переведут в Европу, либо пока не уволят, потому что работать за пределами РФ им запретили. Так что оставшиеся бумажки я собирала сама, пока Оля работала.

Жара сильно изматывала. Пару раз мы доползли до пляжа. Оля дерзко загорала топлесс, ужасно гордясь своей смелостью. Я рассказывала

ей, как лет двадцать назад я делала то же самое и тоже в Испании, что ее возмущало и возбуждало одновременно. Моя грудь всегда вызывала у нее восторг и восхищение. Я иногда ее спрашиваю в шутку, смогла бы она полюбить меня, будь моя грудь не такая красивая. На что она, загадочно улыбаясь, обычно отвечает: «Не знаю, не знаю...».

Бадалона нам не понравилась. Наша улица выходила на пляж, но на ней не было ничего интересного: жилые дома коробочного типа, грязный тротуар, супермаркет. И обратно с пляжа идти в эту квартиру приходилось все время в горку, да по жаре. Ничего приятного. Рядом с метро был небольшой парк с баскетбольными площадками и скамейками, но не слишком густой растительностью. Хотя в Испании густая растительность — это роскошь, потому что слишком жарко.

Как только у нас появились счета и местные карты, Оля забронировала отель в районе Побла Ноу в Барселоне, куда мы немедленно переехали.

Барселона

Побла ноу (Pobla Nou), как многие районы Барселоны, раньше был отдельной деревенькой. Название переводится как «новая деревня». Сейчас это район почти на окраине города, недалеко от Бадалоны. Здесь даже есть своя Рамбла — Рамбла де Побла Ноу. Так же, как всем известная Рамбла в центре Барселоны, это прямая улица, идущая к морю.

Побла Ноу нам понравился больше Бадалоны. Редкие платаны на Рамбле, уютные кафешки и ресторанчики, до моря недалеко. Там даже был театр, в нем раз в неделю давались бесплатные представления. Мы сходили на танцы из мюзиклов какого-то американского ансамбля. Оля вспомнила свое танцевальное прошлое, а я пыталась представить ее в перьях на сцене.

Вообще, это было странное время. Чувство вины стало меньше, как только мы уехали. По крайней мере, мы больше не платим налоги, не спонсируем войну. И уехав, мы четко обозначили, что мы «не с

ними». Но голова все еще была там. Мы по-прежнему постоянно читали новости с родины. А вдруг все же это все кончится, и мы сможем вернуться.

Комнатка в отеле была крошечной, чем кошка была страшно недовольна и очень страдала, когда нас не было дома. При любой возможности пыталась вырваться в коридор, думая, что мы от нее что-то скрываем. Зато там был кондиционер. Из-за него-то мы и переехали.

Но нужно было найти квартиру. Мы смотрели в самых разных районах. Запомнились две: одна поменьше в районе Грасья за 1200 евро в месяц и побольше в районе Сантс за 1500. Сантс (Sants) известен большой железнодорожной станцией, и оттуда рукой подать до площади Испании, одной из достопримечательностей Барселоны. В Сантс квартиру нам показывали хозяева, аргентинцы, много лет назад переехавшие в Барселону. Большие спальня и гостиная, две небольшие комнаты и кладовка. Квартира была сильно заставлена мебелью, сложно было представить, как она будет выглядеть без

всего. Окна выходили на школьный двор, откуда густым потоком неслись крики, визги, смех детей. Грасья (Gràcia) — это совсем другой район. Это творческий уголок Барселоны. Здесь живут художники, писатели, музыканты и другие творческие личности. Квартира была в старом доме. Деревянные полы, высоченные потолки, окна в пол. Большая спальня для нас и малышей, маленькая комната для Антона, просторная гостиная и даже крохотный закуток под кабинет рядом с кухней. Я влюбилась в квартиру в Грасье, хоть она и была маловата. В ней чувствовалась своя история, дух Грасьи. Но, к сожалению, нам ее не сдали, мы получили отказ. Зато нас полюбили аргентинцы из Сантс и готовы были сдать квартиру хоть сейчас.

Школу мы хотели найти англоязычную, чтобы Антоше было проще — английский он хоть чуток знает, испанский же не знает совсем. Платные школы готовы были его взять, стоили они, в среднем, 1000–1200 в месяц. И почти все находились в элитном районе Педральбес (Pedralbes). Вот здесь

зелени было побольше, чем в других районах. И именно здесь я узнала, что Оле не нравится Барселона.

— Смотри, сколько здесь зелени! Я хочу в этом районе жить. Везде, где мы смотрели квартиры, так мало зелени, мне от этого тоскливо.

Барселона казалась Оле большим каменным нагромождением. Да, есть красивые дома, да, есть море. Но Барселона ее не трогала. Ей не нравилось, что мало зелени, что шумно, не нравилось испанское «маньяна». Почему-то мне до сих пор грустно от того, что она не влюбилась в Барселону, как я. Я там чувствую себя, как дома. Для нее же город был и остается чужим.

Квартиру и школу нашли, осталось подать документы на визу.

И тут на сцену выходит Саша. Она училась с Олей в Вышке и когда-то работала в той же компании, что и Оля. Саша — очень общительная, активная девушка. В тот момент она жила с семьей в Дюсельдорфе. Полгода назад вышла из долгого декрета и

вовсю рвалась в рабочие будни и карьеру. Она увидела на фейсбуке пост Оли о том, что мы уехали из России, и начала настойчиво просить Олю с ней созвониться что-то обсудить. А нам было в тот момент ну совсем не до «отвлечений». Оля весь день работала, выкраивала время на совместные просмотры школ и квартир, я ходила то в банк, то к врачам за справками, стирала вещи в постирочной на соседней улице. А в итоге оказалось, Саша предлагала Оле работу. Но в Берлине. Ей в команду нужен был человек с ее бэкграундом.

Берлин не Барселона. Мы не это планировали. Но работа у одной из нас в Германии лучше, чем никакой работы у обеих в Испании. Мы задумались. На всякий случай Оля согласилась на интервью с финансовым директором.

Одновременно с этим активизировался Олин начальник — он же обещал найти для нее позицию в Европе. Он предлагал работу финансовым директором на заводе компании в городе Льеида.

Мы поехали на разведку. Из Барселоны до Льеиды шел скоростной поезд. Всего час, но билет дорогой — 30 евро в один конец. От Льеиды до завода еще минут 20 на машине. Но Оля не водит машину. Работу они хотели полностью онсайт, никакой удаленки. Так что селиться нужно было бы либо в деревне при заводе, либо в Льеиде, но оттуда еще как-то добираться.

Льеида (Lleida) — старинный маленький городок. Аж 12-го века. Старая часть города совсем крохотная, есть замок на горе, куда мы забрались, несмотря на жару. За два часа обошли почти весь город. Англоязычных школ нет, только на каталонском. Такой вариант нам не подходит. Где будет учиться Антон и на каком языке? А как насчет больницы? Где мне рожать? А уж найти что-то для Вани — школа, педагоги, терапия — об этом и речи не могло быть.

Мы отказались.

Между тем Оля успешно прошла собеседование с финансовым директором берлинской конторы. Он

был от нее в восторге, и на следующий же день Оля получила оффер. Она взяла время подумать.

Ей нужно было возвращаться в Москву по делам, а мне предстояло остаться одной. Мне стало страшно. Панические атаки замаячили так близко, что их можно было рукой потрогать. Мне сразу вспомнились мои первые месяцы в Барселоне десять лет назад. Тогда я была совсем одна, язык знала плохо, местных друзей еще не было. Зато были каждодневные панические атаки. Бывали дни, когда для меня каждый час нового дня был пыткой, и я думала только об одном: скорее бы кончился день. И сейчас, когда я представляла, что буду опять одна, без Оли, меня начинало потряхивать. Мы были в Барселоне уже две недели. За это время почти никто из моих местных друзей не смог с нами встретиться. Все говорили — ну вы же теперь тут будете жить, успеем еще увидеться. Когда нам больше всего нужна была поддержка, никого рядом не оказалось. Будто бы все воспринимали наш приезд, как развлечение, очередной отпуск, а мы строили новую

жизнь с нуля. Только один мой друг нашел время встретиться и даже помог с документами. Но у всех были свои заботы — работа, дети. И это нормально.

Тогда мы с Олей решили, что пока Оля улаживает дела в Москве я подожду ее в Берлине. Поживу там у ее друзей, заодно посмотрю город и подумаю над тем, готовы ли мы туда переехать.

Берлин

Третий город на «Б» за нашу эмиграцию встретил не остывающей жарой и потерянным чемоданом с Олиной одеждой и новеньким айфоном для подруги в нем в придачу. Оформили документы о пропаже и поехали на такси к Олиным друзьям тете Наде с Марио. Впервые в моей жизни чемодан был потерян, но найден и возвращен аж через три месяца. И из него даже ничего не пропало. Странное начало.

Пейзажи и архитектура по дороге были какими-то скучными, глазу не за что зацепиться. Все было чужим, надписи непонятными. А еще Берлин оказался довольно грязным городом. Позже, побывав в разных уголках города и повидав разные районы, я заметила, что редко вижу уборщиков. Поэтому в Берлине чисто только там, где не сорят. В общем, первое мое впечатление от Берлина было не очень.

Зато Оля повеселела. Ей все было знакомо, все нравилось. Она все повторяла, как хорошо, что

здесь много зелени. А мне было грустно. Я уже чувствовала, что в Барселону мы не вернемся, и что, наверно, это правильно, но все же было грустно и почему-то одиноко.

Тетя Надя, к которой мы нагрянули сразу из аэропорта, родом из Перми, как и моя Оля. Очень спокойная и интеллигентная, всегда просто, но одновременно элегантно одета, очень уютная. Ее дочь Наташа с детства дружила с Олей. Все они жили в одном подъезде в Перми. С Марио тетя Надя познакомилась в Монголии, где она была в командировке, и с тех пор они всегда вместе. В Марио все необычно: колоритная монгольская внешность, веселые глаза, общительность, даже имя — Марио. Очень даже романтично. Он учился на театрального режиссера-постановщика. Настроений и взглядов всегда придерживался, что называется, диссидентских. Из Перми они все вместе переехали в Питер. Марио работал на радио — делал передачи о разных интересных людях и событиях, документальные ис-

тории. Когда границы открыли, его стали приглашать на радио в Берлине, куда они с тетей Надей стали часто ездить. А потом Марио взяли на постоянную работу, и они переехали в Берлин насовсем. Тетя Надя немного поработала фармацевтом, а потом стала сопровождать русских, приезжавших на лечение в Германию — договаривалась с врачами, искала клиники, доставала лекарства, помогала с документами. Наташа закончила школу уже в Берлине, училась в университете на вебдизайнера, но потом выучилась на медсестру, и сейчас уже много лет работает в частной клинике. Наташа очень нам помогала с поисками врачей, пока наш немецкий оставлял желать лучшего.

Сложно сказать, кто из них троих Оле ближе. Все они были и остаются ей, по сути, родными людьми. Еще в Перми Оля любила приходить к ним в гости, даже когда Наташи не было дома, и часами разговаривала с тетей Надей и Марио. Когда они переехали в Питер, Оля приезжала в гости на каникулы. А когда

они переехали в Берлин, Оля стала навещать их уже там.

Живут они в районе Панкоу (Pankow) в соседних домах — Наташе повезло найти квартиру совсем близко от родителей. Меня поселили у тети Нади с Марио, а Саманту мы отдали пока Наташе, потому что у тети Нади есть кот Дасти, большой толстый британец, который другое животное в доме не потерпит.

В гостиной, где меня поселили, был балкон, я его держала все время открытым, чтобы пустить в дом хоть немного прохлады с улицы. Флораштрассе (Florastraße), куда выходили окна, была тенистая, а балкон так засажен цветами и зеленью, что улицу почти не видно. По утрам слышно уханье горлицы и чирикание воробьев, иногда проезжающий по соседней улице автобус.

Когда Оля уехала, тетя Надя с Марио очень меня опекали и заботились. Иногда водили по улицам района, рассказывая про некоторые дома. Вот бывшая фабрика, ее переделали в многоквартирный

дом. Вот заброшенный дом — после войны так и не отыскали хозяина, вот он и пустует. А в этом доме из одной квартиры сделали музей — можно посмотреть, как жили немцы в первой половине двадцатого века. Большая часть домов альтбау, то есть, старые дома. Здание станции метро Pankow из темно-коричневого кирпича, с резной острой крышей. Его построили на рубеже двадцатого века. Рядом есть большой парк Бюргерпарк (Bürgerpark) с маленькой речкой. В парке есть поляна с редкими высокими деревьями, на поляне часто загорают, иногда ню. Кто-то устроил пикник, кто-то бросает мяч или фрисби. Рядом с парком небольшое кладбище с мшистыми каменными надгробиями. Под одним из них лежит человек, кому весь этот парк когда-то принадлежал, так как был частью его имени. Все улицы в Панкоу зеленые, засажены платанами, акациями, липами. В конце нашей улицы есть дачи, оставшиеся еще с соц времен. Панкоу — это восточный Берлин, но довольно спокойная его часть. И

народ вокруг спокойный и расслабленный, в отличие от центра. Только мне все время было тревожно и беспокойно, может, потому что Оля уехала в Москву, а может, наше неустойчивое положение и отсутствие ясности на ближайшее будущее, наконец, придавили меня. Я настроилась на Барселону, но жизнь закинула нас в Берлин, и надо было хвататься за этот шанс, каким бы чужим ни был мне город, страна, язык.

Оля приняла предложение работать в Берлине. В Барселоне нас ничего не держало — мы не успели ни подать документы на визу, ни подписать договор на квартиру, ни подтвердить школу. В Берлине с Олей готовы были подписать бессрочный договор, зарплату предлагали ниже, чем была у нее в Москве, но выше того, на что мы рассчитывали на первых порах в Европе. На таких условиях Оля могла получить *Blau karte*, вид на жительство для крутых специалистов. И мы все — я и дети — получаем документы прицепом, причем, я даже имею право работать. Мы

почему-то всегда думали, что в Германии устроиться очень сложно, но оказалось, что, по крайней мере, с точки зрения документов — это едва ли не лучший вариант в Европе.

Оля уволилась со старой работы и сразу же начала новую.

Тетя Надя с Марио очень радовались, что мы теперь будем жить с ними в одном городе. Они настоящие фанаты Берлина. Все, что связано с Россией, они считают совком, потому что покинули родину, когда она еще была совком. Берлин им кажется во всем лучше, с чем мы никак не могли согласиться тогда, да и теперь тоже. Но в одном они были правы — здесь мы чувствовали себя свободными. В противовес им моя близкая подруга Нина, которая уже десять лет живет в Берлине, ругала город и говорила, что это далеко не самое лучшее место для жизни и для воспитания детей. Как будто мы могли выбирать. Так сложилось, я смирилась, что так лучше для нашей семьи и надеялась, что со временем смогу привыкнуть, а если повезет, то и полюбить Берлин.

Пока не было Оли, мне нужно было найти школу Антоше и квартиру. Я ездила на просмотры квартир в самые отдаленные уголки города, ежедневно заполняла анкеты и писала письма в школы. Все безрезультатно. Школы отвечали, что у них нет мест, а квартиры ни одна не подходили — либо слишком далеко, либо слишком маленькие.

Очень не хватало Оли. Мы никогда так надолго не расставались. Грустно было засыпать и просыпаться без нее, не чувствовать ее кожу, запах, не трогать ее волосы, не видеть складочки в уголках ее глаз, когда она улыбалась. Я часто плакала, особенно по вечерам, перед сном, и считала дни, если не часы, до ее возвращения. С ней я могу что угодно выдержать, а без нее тоска.

Она вернулась к моему дню рождения. Я встретила ее в аэропорту. Обняла, уткнула нос в ее шею и заплакала.

— Это не я, это все гормоны, — всхлипывала я.

Зато у меня была радостная новость: нам нашли временную квартиру на полтора месяца. Это была

квартира приятелей Марио и тети Нади. Немцы Ульрика и Фриц, спортивные, несмотря на возраст за 70, подтянутые и очень активные. Ульрика даже чуть-чуть говорит по-русски, потому что выросла в ГДР. Они уезжали путешествовать, и квартира оставалась пустой, так что я с ними встретила, договорилась о цене, получила ключи, и Олю из аэропорта повезла уже на новую квартиру.

Квартира

Мы переехали в район Вайсензее (Weißensee). Он не очень интересный. Это восточная окраина города, здания здесь, в основном, коробочного типа. Глаз мало за что может зацепиться. Наша квартира была небольшая: всего одна спальня и гостиная. Новый дом, новая мебель, свежий ремонт в современном стиле. Стены белые, но много красных «пятен»: шкаф и занавески, покрывало на софе. В гостиной во всю стену картина — объемный, живой лес, в глубине, за деревьями туман. Но главное — это балкон: широченный, на всю длину гостиной, и окно во всю стену на этот балкон, от пола до потолка. С балкона вид на парк, больше похожий на лес, такой густой, что за деревьями почти не разглядеть озеро Вайсензее. По воде плавали утки разных сортов и видов, в центре озера бил фонтан. Вокруг озера несколько пляжей разной степени цивилизованности, постоянно забитые полуголыми и голыми телами. Одно такое совершенно голое тело прошло как-то по

парку мимо меня, когда я шла от трамвайной остановки. Мне было неловко, зато девушке было норм, и она совершенно не стеснялась ни полноты своей, ни наготы. Чем вызвала восхищение шедших за ней молодых ребят.

Когда Оля вернулась в Берлин, мы пошли к гинекологу. Пожилой мужчина в очках, спокойный, как удав. На все мои вопросы отвечал — это нормально, не нужно беспокоиться. Что для меня было в самый раз. Мы впервые увидели наших малышей с тех пор, как уехали из Москвы. Я скачала на телефон приложение, которое каждый день рассказывало и показывало в картинках, как меняется малыш в утробе, какого он размера, какие органы у него развиваются, какие ощущения у мамы. Для наглядности, каждую неделю там писали, размером с какой фрукт малыш. На тот момент малыши были размером с оливки. Мы так их с Олей и называли: наши оливочки. Врач принимал в клинике напротив метро Панкоу, недалеко от наших друзей. Каждый раз по-

сле приема, мы заходили в гости к тете Наде с Марио. Обычно мы общались с тетей Надей, но иногда и Марио выползал, сонный, взъерошенный (он часто работал по ночам, монтировал новые истории для своих передач, поэтому вставал обычно после полудня). Болтать с ними можно было бесконечно. Мы всегда сидели на кухне, крохотной, но как-то всегда всех вмещавшей. И чувствовали себя как будто дома. Мне никогда не выразить всей моей благодарности им за их поддержку и помощь, за то, что они приняли нас, как родных, за то, что благодаря им Берлин уже не был для меня таким чужим, за то, что вдали от дома, от родных и друзей, мы нашли близких людей, с которыми можно обо всем говорить, кто никогда не осудит и всегда поможет, чем может, даже если нужно просто посидеть вместе и помолчать. Как будто мы нашли еще одних родителей вдали от дома.

Временная квартира — это, конечно, хорошо, но нам нужна была постоянная, причем, достаточно

большая, чтобы вместить всю нашу многочисленную семью. Мы с Олей погрузились в поиски, и это превратилось в настоящую работу. В течение трех недель мы каждый день рассылали заявки на квартиры по 5-10 штук. Приглашений на просмотр было мало, но мы смотрели все, что предлагалось. После каждого просмотра заполняли длиннющие анкеты, убеждая сдать квартиру именно нам. Однажды Оля так замучалась заполнять анкету, в которой постоянно происходил сбой, заставлявший заполнять одно и то же снова и снова, что Оля со всего размаху бросила ноутбук об пол. У него потом на пол экрана были разноцветные полосы. И все зря, результата ноль. После десятков просмотров мы поняли, что можем на что-то рассчитывать в двух случаях: либо если квартиру показывает сам собственник (тогда есть шанс понравиться ему лично и наладить контакт), либо через агентства, которые сдавали квартиры без просмотров. Чаще всего это были фирмы, которые построили новые дома и сдавали их поквартирно. Их требования к нанимателю обычно

были ниже, чем у остальных, но зато цена повыше. В этом году цены на квартиры в Берлине подскочили в несколько раз из-за наплыва беженцев из Украины и эмигрантов из России вроде нас с Олей. Спрос настолько превышал предложение, что квартиры сдавались моментально. Иногда мы отправляли запрос на квартиру, которую только что выставили, а она уже сдана. В Барселоне цены тоже выросли, но в Берлине они были раза в два выше. И все равно за такую дорогую квартиру надо было еще побороться. Мы даже, грешным делом, думали о варианте взять квартиру поменьше, чтобы потом через год, когда малыши подрастут, найти квартиру побольше. Мы почти что были согласны на любой вариант.

Еще перед началом поиска я пыталась представить себе квартиру, в которой хочу жить: темные деревянные полы, высокий потолок, большой балкон с видом на природу и зелень, минимум 4 комнаты, чтобы всех нас разместить. Более или менее под эти

критерии подходила одна квартира: самый западный Берлин, район Шарлоттенбург (Charlottenburg), между станциями метро линии U2 Теодор-Хёйс-Плац (Theodor-Heuss-Platz) и Ной Вестенд (Neu Westend). Белые стены, деревянные полы, правда, не везде и не коричневые, а какого-то рыжего оттенка. Потолки самые обычные по высоте, но зато целых два балкона, 4 комнаты и вид на зелень. Из мебели только кухня, выдавшая виды, но большая и с кучей шкафчиков. Квартиру показывала сама хозяйка. Просматривающих было мало, вероятно, потому что фотографии в объявлении были ужасного качества. Мы ей рассказали нашу историю, кто мы такие, почему переехали, что у нас есть работа и деньги и все такое. После просмотра сразу же отправили ей все документы и сопроводительное письмо, где в красках себя расписали и изъявили огромное желание снять ее квартиру. Не надеясь на успех, мы продолжали смотреть другие квартиры. Из реальных вариантов была одна трехкомнатная квартира на востоке, без мебели, только с кухней,

совершенно новый дом, но район такой тоскливый, что мне хотелось плакать, когда я представляла свои одинокие прогулки с коляской по его улицам. Зато она была сравнительно недорогой. Еще была одна квартира в самом центре западного Берлина, тоже трехкомнатная, полностью меблированная и очень дорогая. Мы уже склонялись к варианту дорогой, с ужасом представляя, как быстро растают наши сбережения, когда нам позвонила хозяйка той четырехкомнатной квартиры, и сказала, что выбрала нас. Мы онемели от неожиданности и радости. Эта квартира была тоже дороговата, но достаточно большая, чтобы вместить нас всех на ближайшие несколько лет. Мы не могли понять, почему она нас выбрала, но на подписание договора она пришла со своей женой, и все стало понятно. Квартира была наша с 1 августа.

Какое облегчение! Теперь можно подавать документы на визу, но делать это можно только в Москве, а на подачу еще нужно записаться. Олина

запись была на конец июля, а вот моя аж на середину августа, так что Оля поехала раньше. Заодно она должна была забрать Антона. А то от Саши вдруг начали поступать дополнительные требования и условия, и нас начинало это беспокоить.

Я снова осталась одна в Берлине. На этот раз совсем одна, в нашей временной квартире на Вайсензее. Я часто гуляла вдоль озера, но на дальние поездки куда-нибудь в центр меня уже не всегда хватало. Жара, постоянная слабость, постоянное желание сходить в туалет (не всегда реальное) не отпускали далеко от квартиры.

Единственное, куда я иногда ездила, был центр восточного Берлина — Александерплац (Alexanderplatz), или, как говорят местные, просто Алекс. Когда нет никаких праздников и событий, это довольно просторная пешеходная площадь, по середине разрезанная трамвайными рельсами. В одном углу футуристический фонтан с трубами и пластинками. В другом — зонтик знаменитых часов, под которыми всегда кто-то поет или играет. Площадь

окружают коробки торговых центров. И возвышается надо всем этим шар со шпилем — символ города, телебашня. В самом шаре есть музей и ресторан, который крутится, так что, сидя за столом, можно обозреть город на 360 градусов. Мы однажды в нем ужинали, пока его не закрыли на многолетний ремонт. Сидели у самого окна и медленно плыли над городом внутри шара и угадывали достопримечательности ночного города. На Алексе большой железнодорожный хаб, а значит, всегда много народу: бездомные в палатках под метромостом, алкаши, занырывающие в урны, уличные музыканты и художники. Обычно здесь довольно суматошно и грязно.

А может, это мне все казалось неприглядным и непривлекательным.

Оставшись одна, я много думала. Было ощущение, что мой мир рухнул, и я по крохам собираю свою жизнь, строю ее заново, даже не по кирпичику, а по маленькому камушку. А в это время внутри

меня растут две новые жизни, и я одна за них в ответе, по крайней мере, пока они во мне. Помню, мне приснилось извержение вулкана. Я была где-то высоко, на горе, и вдруг земля затряслась, стены домов пошли трещинами. Я бросилась вниз. Пробегая мимо библиотеки, я решила спасти хотя бы одну книгу и схватила толстенный том Стругацких, в названии было что-то про корабль. Раздался громкий хлопок, и все вокруг стало покрываться пеплом, моя голова будто поседела, лицо, плечи и руки стали серыми. Весь мир вокруг стал другим, не таким, к какому я привыкла.

Хорошо хоть не было токсикоза. Но в какой-то день заболела голова, сильно и надолго. Три дня я мучалась, надеясь, что покой и сон принесут облегчение, но напрасно. Иногда боль уходила куда-то вглубь лба, таилась там, а потом снова выскакивала из укрытия, сжимала череп, казалось, что он вот-вот лопнет. Таблетки нельзя, от боли накрывает отупение и мрачные мысли. Ощущение бессмысленности всего вокруг, жизни вообще. Ничего полезного не

делаю, не работаю, не пишу, не обустроиваю новый дом. Только валяюсь на софе весь день, иногда сплю, но больше тыкаюсь в телефон. Даже не читаю.

Хотя кое-что полезное я все-таки сделала. Каждый день я проверяла сайт посольства Германии в Москве, надеясь перенести дату моей подачи документов, и мне удалось поймать день через три дня после Олиной подачи. Я была так рада, что скоро увижу Олю, так быстро купила билет, что чуть не забыла ее предупредить, что прилетаю.

Летела я через Баку. Прямых рейсов давно не было из-за санкций. Вариантов, как добраться до Москвы, очень мало. На самолете только через Баку или через Турцию. Мой рейс был наиболее комфортным. Но мне еще и повезло: меня пересадили в бизнес-класс, так что летела я как королева. И со мной летел один известный человек — Герхард Шрёдер, деловой и полный самомнения старичок в окружении таких же старичков. Потом в новостях писали, что он прилетал на встречу с Путиным про газ.

Москва

Я не была в Москве меньше двух месяцев, но почему-то казалось, что прошло значительно больше времени. Город стал чужим. Напряжение стиснуло сразу. Я его почувствовала еще в такси из аэропорта. Эти плакаты про «защитников Родины» и про «героев» — меня от них озноб пробивал. И снова надо сдерживаться, не целовать Олю на улице, думать, кому и как ее представлять, как и где себя можно вести. Как будто стыд и страх прилипают к тебе вместе с воздухом. Стыд незаметно вгрызается в мозг с самого рождения, как ржавчина в железо. Возможно, самое токсичное чувство из всех, какие есть. Если принимать его регулярно даже в маленьких дозах, то оно накапливается и становится ядовитым. Избавиться от него можно, но очень сложно. Лучшее лекарство от стыда — это свобода. Чем больше и чаще ее принимать, тем быстрее наступает выздоровление. Только пожив в свободной стране начинаешь замечать, насколько

ты был несвободен раньше. В Германии я могу выглядеть, как угодно, одеваться, как угодно, и это нормально. Могу сделать маникюр, а могу ходить без маникюра — и то и другое одинаково нормально. Могу держать мою жену за руку, целовать ее и не думать, что нас кто-то видит и что об этом могут подумать. Здесь это тоже нормально. Могу подойти на улице к полицейскому в бронежилете с автоматом в руках и спросить, почему перекрыта улица. И мне дружелюбно и вежливо объяснят. Да просто видеть полицейских и не вжимать голову в плечи, чтоб тебя не заметили, а просто пройти мимо. Это тоже нормально. Не помню, когда я спокойно проходила мимо ментов или «космонавтов» в Москве. В Германии я могу носить радужную символику и ходить на гей-парады. Мы здесь такие же люди, как все остальные. А в Москве мы никто. Понадобилось уехать из Москвы, чтобы осознать это.

Но что-то ностальгическое еще осталось. Москва летом хороша. Мы сняли квартиру в нашем доме на Черняховского, с видом на наш зеленый

двор с огромной детской площадкой, с дорожками между деревьями, со столами для пикника посреди газона. Если просто смотреть в окно, то иногда даже казалось, что ничего не изменилось, что все осталось таким, как было прежде. Но ничего уже не было прежним, конечно. Мы приехали в свой родной город, но уже не как хозяева, не как полноправные жители, а как гости. Так что было и хорошо, и грустно одновременно.

С визой проблем не возникло, все приняли, оставалось ждать. Проблемы пришли оттуда, откуда не ждали. Вернее, наверно, все-таки ждали, но надеялись на совесть и здравый смысл там, где этого не оказалось, поэтому у нас состоялся пренеприятный разговор с Пашей и его девушкой Таней.

Вторые родители

Оля вышла замуж рано, еще студенткой. Паша учился с ней в Высшей школе экономики. Интеллигентного вида, худой очкарик. Он был довольно замкнутый, друзей почти не имел. Ему, вообще, трудно общаться с людьми, хотя с виду он довольно добродушный. Во многом большой ребенок, но в работе своей настоящий дока. Ему повезло, он устроился в крупную российскую компанию, где от него не ждали коммуникативных способностей, но зато очень ценили его способности финансиста. Паша очень хорошо зарабатывает. Это он умеет без вопросов. При этом не жадный и не зазнается — редкое сочетание. Когда Оля решила от него уйти, это было для него ударом. Они пытались сохранить семью, ходили на психотерапию. Но Паша не мог дать Оле того, что ей было нужно. А нужно ей было, чтобы ее слышали и видели, чтобы ее не воспринимали как само собой разумеющееся. Когда она ушла, Паша испугался потерять детей. Он настоял на том,

чтобы дети были 50 % времени у него, 50 % у нее. Он впервые погрузился в детские заботы, узнал, как много всего нужно. Удивительным образом, на какое-то время отношения Оли с Пашей стали даже лучше, чем когда они были женаты. Они как будто даже стали друзьями. Но так было до того, как он начал встречаться с Таней.

Паша и Таня познакомились где-то на полгода раньше нас с Олей. Таня — худощавая девушка с длинными волосами и вкрадчивым голосом. Носит очки, как и Паша. Увлекается фотографией, театрами и выставками. Всегда мило улыбается. У Паши с Таней у обоих в прошлом были травмы, которые оставили отпечаток на всю жизнь. Мне иногда кажется, что они оба — два оголенных нерва. Наверно, сложно таким людям жить вместе, не причиняя боль.

Поначалу у нас с ними были вполне сносные отношения. Непосредственно с Таней мы мало взаимодействовали, Оля обо всем договаривалась с Пашей напрямую. Но постепенно Таня начала сильнее

вовлекаться в жизнь детей, особенно что касается Вани. Очень была заботливая с детьми. С нами была предельно вежлива, но явно старалась минимизировать общение. Со временем мы узнали, что Таня просто на дух не переносит Олю, считает наши с ней отношения аморальными, нас считает плохими родителями, в то время как она лучше нас всех (включая Пашу) знает, что хорошо для детей, а что нет. Если день рождения кого-то из мальчишек выпадал на «их день», она могла сделать все, чтобы Оля даже ненадолго не повидалась с сыном. Иногда доходило до смешного: она требовала, чтобы дети приходили к ним в той одежде, которую они с Пашей им покупали, а наши вещи всегда возвращала до беззгливости аккуратненько сложенными. Паша, когда ее не было рядом, говорил о ней иногда с пренебрежением, петушился, что никогда не женится, а если не нравится — ее проблема. Но он настолько боялся конфликтов, что всегда ей уступал. А потом и вовсе стал говорить ее словами, ее интонациями. Когда

мы передавали им детей, они всегда выглядели спокойными, как будто познали дзен. На самом деле, они оба были на сильнейших антидепрессантах и транквилизаторах. Паша много лет ходил на терапию, правда, к сомнительной психотерапевтке. Сомнительной потому, что изначально они, когда еще были женаты, ходили вместе с Олей на семейную терапию, а когда развелись, то она вела их обоих по отдельности. И даже Таня к ней пару раз ходила на терапию. Сплошной конфликт интересов. Я, со временем, отговорила Олю к ней ходить, потому что после встреч с ней, Оля становилась тревожной и растерянной, часто плакала. А Паша все продолжал к ней ходить. Таня же один раз сходила на психотерапию и больше не пошла и теперь наотрез отказывается идти к кому бы то ни было.

В общем, с ментальным здоровьем у них не очень хорошо. Хотя у кого с ним сейчас хорошо?

Во всем, что они говорили и делали была позиция, что они идеальные родители, а мы вообще не

пойми что. И вот с ними мы должны были договориться о будущем наших детей. Тот факт, что к разговору решила подключиться Таня, не сулил ничего хорошего.

Мы встретились в кафе во дворе их дома. Дети гуляли на площадке с Олиной мамой, которая в это время приехала в Москву повидать внуков. Говорила Таня, Паша сидел рядом и молчал. Когда мы уезжали, мы договорились с Пашей, что как только устроимся, заберем Антошу, и в первый класс он пойдет уже в новой стране. Паша всегда говорил, что надо из России валить, а как началась война, разговоры были только о том, куда именно валить. Мы от слов перешли к делу — уехали. Паша все никак не мог решиться. И вот, когда мы должны были забрать Антошу, он вдруг заявил, что ничего такого не было, и он ничего не обещал. Таня распиналась, какой несамостоятельный и слабый Антоша, что его нельзя в другую среду, он там не сможет. Потом посыпались каким-то градом колотых стекол обвине-

ния, что мы бросили детей и уехали. Что я буду занята малышами, мне будет не до Антоши, что он там будет брошенный.

— Да какая ты мать! — кричала она на мою Олю. — Ваня скучает по маме, он рыдает каждый вечер у меня на руках!

— Это он не последние ли дни рыдает, потому что вы неожиданно решили уехать с детьми в отпуск в Дубаи именно в те даты, что Оля в Москве? Конечно, он рыдает, вы его от мамы увозите! — я тоже переходила на повышенные тона. — И с чего вы взяли, что Антон не самостоятельный? Ему 7 лет! Вы от него ждете поведения подростка что ли?

— Он даже читать не умеет! — не унималась Таня.

— Паша, — спросила я. — Ты когда научился читать?

— В первом классе, — нехотя ответил Паша.

Но все наши аргументы разбивались на их «решение» — ведь не могли же мы детей силой увезти против воли папы. Олю трясло, но она понимала, что

ничего поделать мы не можем. Наше мнение и прежние договоренности никого не волнуют. Я боялась, что они совсем заберут у нас детей, но, по крайней мере, Паша не отказывался подать документы Вани с Антоном на ВНЖ. Мы держались хотя бы за это.

— Через год, когда Антоша окрепнет, а вы там обустроитесь, сможете забрать обоих мальчишек, — заявила Таня.

— А где гарантия, что через год вы опять не передумаете? — спросила я.

— А гарантии никакой нет, — мрачно проговорила Оля.

— А если сейчас произойдет какая-нибудь жопа, например, закроют границы?

— Тогда мы обоих детей экстренно катапультируем к вам.

Это все, о чем мы договорились. Вернее, нас просто поставили перед фактом, никакой договоренности не было. Зато мы увидели настоящую Таню. Не улыбающуюся через силу, еле выдавлива-

ющую из себя «привет», а шипящую мегеру с перекошенным от злобы лицом. Мы ужасно боялись, что она может наговорить о нас гадостей детям, но Паша божился, что ничего такого нет. Но откуда он может знать? Он же допоздна на работе.

Покидали мы «поле боя» совершенно разбитые.

И вишенкой на торте выступила мама Оли. Нам отдали детей до вечера, и пока я сажала их в машину, мама встретила Олю словами:

— Мне Антон сказал, что Даша беременна, что там какие-то близнецы. Это правда?

— Что значит «какие-то»? Да она беременна, и у нас будут близнецы.

Ну и дальше все по сценарию: что я ее использую, что я вешаю ей на шею дополнительных двоих детей, что мама в шоке, что все это ужасно и так далее. Олина мама никогда не могла смириться с нашими отношениями. Когда она приезжала к нам в гости, она даже смотреть на меня не могла, даже когда обращалась ко мне, то всегда смотрела вбок.

Оля чувствовала себя так, будто наше самое радостное, самое дорогое окунают в какую-то грязь.

Зато Ваня с Антошей были в восторге, что у нас будут малыши. Ваня без конца об этом говорил, Антон задавал разные вопросы. И обоим было страшно интересно, какими они будут, их маленькие братики.

Из Москвы в Берлин мы все-таки ехали с мальчишками. Нам «разрешили» их взять на неделю, пока у них каникулы. Ну и вообще, обещали, что мы сможем забирать их на каникулы, чтобы они постепенно привыкали к новому месту.

Тетя Надя писала нам поддерживающие сообщения и предложения детей потом просто не отдавать, но, к сожалению, так нельзя было не только по морально-этическим соображениям, но и по документам. Дети должны были подаваться на немецкую визу только в Москве, а запись у них была аж через месяц.

Детей нам передали в Минске. Там мы переночевали на съемной квартире, а утром на автобусе выехали в Вильнюс и поехали маршрутом, которым

Оля за это лето не раз моталась в Москву и обратно. На границе с Литвой простояли около двух часов, что довольно быстро, так что к вечеру мы были уже в Вильнюсе. Там мы переночевали в гостинице. Ваня проснулся в три утра, ходил по номеру и включал везде свет. В 7 часов Оля ушла с ним гулять, чтобы я могла поспать. В 12 мы улетели в Берлин.

Поначалу мы жили в нашей маленькой квартире на Вайсензее. Квартира в Вестенде уже была наша, но там пока что не было мебели. Но маленькая квартира не нравилась мальчишкам, а в большой было столько места, просторно и интересно, так что мы спешно купили кровати и переехали туда. Антоше все было весело. Одна из комнат была забита коробками от кроватей. Антон назвал эту комнату своей мастерской и без конца что-то там мастерил: склеивал скотчем, дырявил картонки отверткой или стучал по ним молотком. А вот Ваня был совсем грустный и тревожный. Для него любые перемены — это невероятный стресс, который обычные люди вряд ли смогут понять.

Ваня

На момент нашего отъезда Ванюше было одиннадцать лет. Родился он с атрезией пищевода — его пищевод не соединялся с желудком, а заканчивался просто мешочком. Поэтому первый год своей жизни он провел в бесконечных операциях и процедурах. Я тогда с Олей не была знакома. Паша закрылся в своих переживаниях, родственники жили далеко, поэтому помочь мало чем могли. Олина мама в силу своего воспитания и жизненного опыта душевно поддерживать не умела. Так что Оля в эмоциональном плане переживала все это одна. Она даже плохо помнит этот год, многое по фотографиям восстанавливала в памяти. Где-то к двум годам, когда физические проблемы, казалось бы, позади, Оля поняла, что Ваня развивается не так, как обычные дети. Через полгода ему поставили диагноз РАС — расстройство аутистического спектра. И тогда Оля с головой погрузилась в эту тему. Прочитала миллион книг,

училась, бесконечно водила его во всякие развивательные группы, которые далеко не все Ваню принимали. В два года он уже умел читать и прекрасно считал. Чтение и математика до сих пор его любимые занятия. Ваня — стопроцентный визуал. Символы — буквы, цифры — он легко запоминает и воспроизводит. Есть проблемы с речью, во многом, из-за многочисленных операций и вмешательств через гортань — связки были частично повреждены, плюс отсутствие кормления через рот долгий период, а значит, отсутствие глотательного и артикуляционных движений эту сферу «деятельности» заметно тормозили. Отсюда многолетние занятия с логопедом. Оля выучилась на АВА терапевта и даже сама какое-то время работала, но недолго — работать со сложными детьми и потом приходить домой и заниматься своим сложным ребенком было слишком тяжело. Через какое-то время добавился еще один диагноз — СДВГ. Так что до рождения Антона вся жизнь Оли была целиком и полностью сосредоточена вокруг Вани.

Когда я впервые увидела Ваню, я не сразу поняла, что он меня спрашивает. Мне понадобилось время, чтобы привыкнуть к его речи. Пока это не произошло, я для него почти не существовала. Любой, кто его не понимает, не может поддержать интересующую его тему, для Вани не существует. Ваня редко молчит, он почти всегда что-то говорит либо в полный голос, либо бубнит под нос. Он может неожиданно вскрикивать и подпрыгивать, когда читает или вспоминает что-то интересное. И еще он рано встает. Пока мы не выбрали для него лекарства он вставал в 5 или в 6 утра. А как только Ваня встал, не спит уже никто.

Однажды, в самом начале наших с Олей отношений, Ваня ворвался в нашу спальню и пронесся по ней с криком:

— Умер Аркадий Бриш! Большая потеря для науки!

Мы аж подпрыгнули. 6 утра, выходной. Какой Аркадий Бриш? Как умер? Почему умер?

А это просто у Вани появилась новая любимая тема — физики-ядерщики. У него есть постоянные любимые темы, такие как космос или московское метро, и временные, которые его занимали днем и ночью периодами в неделю, месяц, иногда несколько месяцев. Так был период увлечения Толкиным. Ваня прочитал все его книги и по сто раз пересматривал фильмы. Любимой книгой был Сильмариллион. Был период увлечения Китаем, особенно их космонавтами. Война 1812 года, Айвазовский, Исаак Бабель, таблица Менделеева. У Вани обширный диапазон. И не всегда понятно, почему та или иная тема поражает его воображение настолько, что он хочет узнать о ней все и буквально бредит ей. Пресловутый Аркадий Бриш продержался около месяца и исчез так же неожиданно, как и появился. Память у Вани феноменальная. Все, что он когда-либо прочитал, он будет помнить, особенно числа и даты. Так таблицу Менделеева он знает наизусть, включая вес каждого из элементов.

Я до сих пор не понимаю, как Оля пережила самый тяжелый его период — раннее детство. Он занимал абсолютно все ее время, все ее мысли. Это тяжело и физически, и эмоционально.

Как-то получилось так, что я осталась одна с детьми. Оля уехала на пару дней к маме в Пермь, Паши с Таней тоже не было. Вечером в пятницу я уложила детей спать, и все было хорошо. Пока не проснулся Ваня, а проснулся он в 4 утра. Это даже для него рано. И с 4 утра он то шумел на кухне, что через стенку от спальни, то врывался ко мне в комнату — типа, поспать. Лежал пару минут, бесконечно крутился и вертелся, пока я не отправляла его обратно на кухню. Дверь в спальню, к сожалению, не запиралась. Потом встал Антон, я покормила обоих завтраком. Когда пришла няня, и Ваню я отвела на кружок, я буквально валилась с ног. А это было только 10 утра. За несколько часов, проведенных с Ваней, я была никакая, а Оля так жила долгие годы. Няня у детей появилась только, когда родился Антон, Ване тогда было 4 года.

Для Вани крайне важна структура, правила и расписание. Он тяжело переживал, что мама больше не живет с папой, и ему теперь надо жить на два дома. Потом он тяжело пережил наш переезд в Москве из одной квартиры в другую. Ваня привык, что с воскресенья по четверг он у папы, а с четверга по воскресенье у мамы. Поэтому, когда мы с Олей уехали из России, он не понимал, почему все изменилось и почему нельзя, чтобы было как раньше.

Пока они были у нас на каникулах, Ваня часто плакал, говорил, что хочет остаться с мамой и Дашей и с малышами.

— Но ведь Антоша будет в Москве с папой и Таней, — говорили мы.

— Нет! Ты хочешь с Антошей здесь остаться.

Ваня путает личные формы глаголов, поэтому часто про себя говорит во втором лице.

Или так:

— Хочешь с Антошей в Москву, и с мамой и Дашей. Почему нельзя вернуться?

Мы объясняли ему про войну, что никто не знает, сколько это продлится и как плохо все будет дальше. Ваня хотел знать точную дату, когда закончится война и все снова станет, как прежде.

Мы тоже хотели бы это знать.

В конце августа Оля отвезла детей Паше, и мы снова остались вдвоем.

Новый дом

Беременность, меж тем, перешла во второй триместр, и у меня открылось второе дыхание. Я больше не уставала, наоборот, чувствовала прилив сил. Во мне все кипело и жаждало деятельности. Конечно, чувствовались изменения в организме. Живот рос, но еще был не слишком тяжелый, бывал, конечно, дискомфорт, но ничего ужасного. Жара спала, погода стояла теплая и ясная.

А главное, чувствовались изменения в мозгу. Раньше, до беременности, мне постоянно хотелось видиться с друзьями. Социализироваться, так сказать. А сейчас мне никто, кроме Оли, был не нужен. В целом, я стала спокойнее и расслабленнее. Но это не значит, что я сидела дома и ничего не делала. Наоборот, я носилась по магазинам, заказывала мебель, закупала всякое нужное в квартиру, покупала продукты, собирала документы на ВНЖ. Мне хоте-

лось успеть как можно больше, пока я полна энергии, потому что на третьем триместре я могла сдуться.

И к Берлину я начала привыкать. Местами он мне даже нравился, особенно после Москвы. Каждый район — как отдельный городок, непохожий на все остальное. Где-то Берлин хаотичный, творческий, буйный, суматошный, где-то даже грязный и опасный. А где-то тихий, уютный, зеленый, спокойный и размеренный, будто ты не в столице, а в деревеньке.

Мы с Олей здесь совершенно свободно чувствуем себя как пара. Я легко и без страха представляю ее новым знакомым как свою жену, целую и обнимаю, когда и где хочу. Это обалденное чувство.

Наш район спокойный и красивый. Все улицы здесь с названиями деревьев: Дубовая аллея, Ореховая, Вишневая, Аллея Акаций. Мы живем на Платановой аллее (Platanenallee). Кроны платанов сходятся аркой над дорогой, образуя длинный зеленый туннель. И все-то у немцев четко: если Каштановая

аллея, то обязательно засажена каштанами, если Липовая, то липами. Но в Германии, вообще, очень строго с растениями. Есть специальное учреждение, которое ведет учет всем растениям в Берлине. Ни одно дерево или куст не может быть самовольно пересажено или, не дай Бог, уничтожено. Тогда вам грозит огромный штраф, плюс вы должны будете возместить ущерб — то есть посадить такое же. Если растение нужно убрать с территории по какой-либо причине, то надо сообщить в специальную службу, и они сами аккуратненько выкопают и пересадят куда надо.

Дома в нашем районе все разные, ни одного похожего, в основном, особняки, конца 19 — начала 20-го века. Некоторые отданы под посольства или резиденции послов: Намибии, Турции, Танзании, Армении, Камеруна, Вьетнама, Марокко. У таджикского посла довольно скромная резиденция, а вот у казахского — почти замок.

В доковидные времена я очень много путешествовала. После того, как пожила полтора года в

Барселоне, я хотела туда вернуться, только уже в другом качестве — с работой. Но все никак не получалось. Потом я встретила Олю, и все остальные планы отодвинулись. Но со временем мы уже вместе с Олей обсуждали возможность переехать за границу. Оля тогда подалась в своей компании на перевод в Женеву, но, к сожалению, не выгорело. А когда решили эмигрировать после февраля 2022 года, то было много разных вариантов, но никогда мы не обсуждали Германию. Никогда я не думала, что буду жить в Германии. Никогда меня не тянуло даже просто попутешествовать по Германии. Немцы мне тоже никогда не нравились, хотя я работала в немецкой компании и даже пару месяцев встречалась с одним немцем. Немецкая культура и история никогда не интересовали. Архитектура тоже «не моя». Это, возможно, последняя страна, в которой я могла бы себя представить. Но оказались мы именно тут. Нет, конечно, ощущения, что мы здесь навсегда, все кажется, что мы тут временно. Но, как известно, нет ничего более постоянного, чем

временное. Даже в нашем сознании «временно» измеряется как минимум несколькими годами. Теперь живя в Берлине, я начала по-другому Германию воспринимать. История 20 века оказалась очень интересной. Первая мировая, потом Гитлер и вторая мировая, холокост, разделение на ГДР и ФРГ, берлинская стена — все это меня затянуло. Книги, документальные фильмы, статьи. Даже Ремарк стал восприниматься по-другому.

Язык

С немецким языком у меня долгие и сложные отношения. Это не первый мой иностранный язык. Английский я начала учить в 4 года, и он всегда давался легко. Я участвовала в школьных и городских олимпиадах, всегда занимая призовые места. Потом в университете помимо английского я взяла дополнительно испанский, который был, вообще-то, не обязательным, на моем отделении факультета достаточно было одного иностранного, но я всегда мечтала выучить испанский. Потом я как-то делала попытку выучить французский. Правда, меня хватило только на полгода — слишком тяжело было совмещать все мои бесчисленные занятия, увлечения и работу. Но я до сих пор что-то помню, хотя прошло уже лет пятнадцать. Я всегда считала себя способной к языкам, по-английски и по-испански говорю свободно. Эти языки я чувствую, слышу все нюансы, понимаю и ценю игру слов. Мечтаю когда-нибудь и французский дотянуть до такого же

уровня. Мне нравятся эти языки. Немецкий я учила 5 лет в школе, два года в университете. У меня даже стоит 5 в дипломе, но, если честно, пятерка эта ни за что. Мой уровень никогда не поднимался выше A1. Мне категорически не нравился немецкий. Некрасивый и слишком мудреный. Эти гигантские слова, эти падежи, этот глагол в конце предложения. Все в нем казалось мне неудобным и неестественным. Когда я работала в немецкой IT компании, иногда я думала, что хорошо было бы все-таки выучить немецкий. Но мотивация «закрыть давнишний гештальт» или «удивить немецких коллег» не работала вообще. От слова совсем.

Пока я не оказалась в Германии, которая приняла всю нашу семью, обеспечила школами старших, детским садом младших, и небольшим денежным пособием на каждого из детей, которое нам будут платить до их 18-тилетия. Киндергельд называется, то есть «детские деньги». Страна, язык которой мне всегда казался таким чужим, вдруг стала моим домом, и приняла нас более, чем хорошо. Первые

месяцы я не понимала совсем ничего и чувствовала себя совершенным лузером. Ощущение изолированности. Вокруг есть люди, но из-за языка ты как будто окружен стеклянной стеной. Даже когда я начала интенсивно учить язык, у меня все еще было отторжение. Не знаю, как у других беременных, но мой мозг как будто находился в тумане и отказывался запоминать хоть что-то. Это тоже не способствовало любви к немецкому. Но когда перебарываешь, вернее, просто переживаешь этот период ощущения себя тупым отстоем, когда вдруг ты начинаешь понимать отдельные фразы, когда ты почти без скрипа можешь составить предложение, и тебя понимают, вот тогда ты как будто расправляешь плечи, поднимаешь голову и думаешь: «А я ничего так!». Даже если ты просто сказал в магазине: «Mit karte, bitte». Тут, конечно, и среда помогает — в нашем районе, в основном, немцы живут, мало иностранцев. Но и дополнительная мотивация тоже: с уровнем языка B1 можно подавать документы на

ПМЖ вместо ВНЖ. ПМЖ дается на 10 лет и дает такие же права, как и гражданам, кроме возможности голосовать. Но самая главная мотивация появилась через полтора года нашего проживания в Германии — упрощенное получение немецкого гражданства. Можно подавать документы на гражданство всего через три года проживания (при условии, что ты все три года исправно платишь налоги, а не сидишь на социальном пособии), если знаешь язык на уровне С1 и имеешь опыт волонтерской работы в Германии. Или же можно получить гражданство через пять лет, если знаешь язык на уровне В1. И если раньше для получения немецкого гражданства не только нужно было прожить в стране 10 лет, но и отказаться от текущего гражданства, то теперь не только срок сократили, но и отказываться от твоего гражданства не нужно. Выучить язык с нуля до С1 за три года при наличии четырех детей и проблем с ментальным здоровьем, наверно, не очень реально. А вот за 5 лет выучить до В1 вполне реально. Получить второй паспорт приличной европейской

страны — вот это отличная мотивация. С таким паспортом мы сможем жить практически где угодно. И тогда немецкий как-то стал звучать красивее, и в длинных словах находишь некую прелесть, и твой мозг иногда вдруг выдает грамматически правильные предложения, так что дух захватывает от гордости.

Для Оли немецкий, в отличие от меня, был совершенно новым, она никогда его не учила. Она свободно говорит по-английски и по-французски. Поначалу для нее немецкий был все равно что китайский. Но моя Оля талантлива во всем. Я никогда не встречала человека, который бы так быстро и легко учил языки. Она ходила на курсы или занималась онлайн, как и я. Но пока я все еще с трудом продираюсь, она уже довольно бегло говорила и очень многое понимала. Как будто впитывала язык прямо из воздуха.

У нас «на районе»

Сам Берлин пока сложно почувствовать. Но начинаю подмечать какие-то только ему свойственные особенности. Например, в Берлине сохранились мостовые из крупных булыжников, а на тротуарах помимо плитки почти везде есть мелкая брусчатка — небольшие камушки кубической формы. Их вбивают в землю по одному, вручную, специальными молоточками. Такой молоточек с вытянутым хвостом, как у кирки, чтобы можно было подцеплять и вытаскивать камень, и другой стороной вбить его на место. Некоторые камни такие небольшие, что легко поместятся в кармане.

А еще в Берлине очень много намешано разных культур, наций, людей: нищие в палатках под мостами, бездомные в метро, холеные пенсионеры в ретро авто, безликие панельки и арнуво, альтбау и особняки, развитая экономика и бумажная почта, плохой дорогой интернет и одинаково цивилизованная жизнь в больших городах и в деревнях. Много

контраста, но при этом какое-то единство и цельность.

Берлин не очень большой город. Население порядка 4 миллионов. Это больше, чем в Барселоне, но из-за своей малоэтажности Берлин кажется меньше Барселоны. Но он такой же космополитичный и многонациональный. Порядка $\frac{1}{4}$ населения Берлина — иностранцы из 200 стран. В основном, конечно, беженцы из Украины, Сирии, Афганистана, эмигранты из Турции, из России. И все они размазаны по Берлину. Где-то ровненько, где-то плотными комочками.

В нашем подъезде одни немцы, преимущественно пенсионеры. Есть только одна молодая семья с двумя дочками. Единственные, с кем мы общаемся. Маму зовут Лаура, ее родители живут также в нашем подъезде, и девчонки прямо босиком и в пижаме бегают по подъезду из своей квартиры к бабушке с дедушкой. Дедушка этот, очень брюзгливый, все время делает замечания. Он главный по подъезду, то есть, у него хранятся ключи от

некоторых подвальных помещений, видимо, поэтому считает, что всем просто необходимы его советы и комментарии. Он знает несколько слов по-русски, потому что жил в молодости в ГДР. Высокий, почти лысый, в очках, с вечно недовольным лицом. Как-то пришел к нам и заявил, что мы сломали замок от двери, которая ведет в кладовки. Почему мы? Потому что мы ей часто пользуемся. Логично же. Мы, правда, ей часто пользуемся, потому что через кладовки можно выехать с коляской на улицу, а не тащить коляску по ступеням. Но мы замок точно не ломали. Оля так разозлилась, что тут же сбежала вниз, проверила замок, потом поднялась прямо в дедову квартиру и накричала на него, что он задолбал нас обвинять и совать свой большой нос в чужие дела. Что замок работает, ничего он не сломан. Все это она прокричала при жене деда. Жена удивленно смотрела то на Олю, то на деда, причем, на последнего с укором, мол, что опять натворил? Он потом несколько недель ходил как шелковый. А Оля очень

гордилась собой, что смогла поругаться на немецком.

Вообще, у нас пенсионерский район. Здесь живут самые настоящие западные немцы. Аккуратненькие, чистенькие, пожилые, но активные. Иные с ходунками передвигаются, но все равно дома не сидят: идут в магазин, в банк, в ресторан поесть. Даже в спортзале у нас процентов пятьдесят пенсионеры. Я никогда не видела столько пожилых людей. В России они больше по домам да по дворам прячутся, максимум, в поликлиники ходят, а тут они везде. И это прекрасно! Просто непривычно.

Забирала как-то посылку, а рядом, в табачной лавке, где продают также прессу, молодой продавец никак не мог понять, что хочет купить сгорбленный дедушка за 80. Попросил помочь рядом стоящую женщину, и она громко объяснила:

— Playboy!

— Аа, понятно! — сказал продавец, протягивая дедушке журнал с голой девушкой на обложке, пока

тот отсчитывал мелочь трясущимися руками и с предвкушающей улыбкой.

Вся очередь реагировала очень добродушно, а дедуля нисколько не был смущен.

Есть у нас и несколько домов престарелых. Только на нашей улице их два, расположены рядом друг с другом. Первый дом — это массивная пятиэтажка белого цвета с коричневой черепичной крышей. Совсем обыкновенное здание, похожее на поликлинику. Как-то летом мы проходили мимо него, на первом этаже было открыто окно. Это оказался туалет, и в открытое окно, воровато посматривая на дверь, курил дедушка в распахнутом халате на пижаму. Второй дом престарелых больше похож на дом отдыха. Это красивое здание, растянувшееся неправильной буквой «П», включает внутри большой двор со скамейками и цветочными клумбами. Здание смотрит на двор уютными балконами с белыми колоннами и даже лепниной. Наверно, этот дом престарелых подороже.

Есть у нас и местный сумасшедший. Он ходит всегда нерешительно, сторонясь людей. Неловко теребит в руках пластиковый пакет или тряпичную сумку. Волосы невнятного цвета, сильно поредевшие. Глаза бегают, губы шевелятся сами собой, как будто он постоянно с кем-то говорит. На вид ему лет сорок, хотя возраст может быть какой угодно. На нем всегда одна и та же одежда: футболка, сверху поло, потом длинный пиджак ярко-голубого цвета и поверх всего этого бесцветная потертая куртка. Несмотря на столько слоев одежды он выглядит полупрозрачным и плоским, почти двухмерным. Если случайно встретиться с ним взглядом, он становится боком, как будто смотрит в другую сторону, но один глаз обязательно опасливо косится на тебя. И он всегда один.

Мобилизация

Мы начали свыкаться с мыслью, что первый год будем жить только с малышами, а старшие будут наездами, на каникулы, хоть это и было грустно. Но мы старались найти в этом положительные стороны. Нам было, чем заняться: Оля осваивалась на новой работе, я моталась в Икею, как на работу — закупала мебель и всякую всячину, нужную и не очень. Записалась на курсы немецкого, ходила шесть недель каждый день по пол дня. Где-то на второй неделе я стала задавать себе и окружающим вопрос, зачем я это сделала? Каждый день было многовато, но зато полезно. Я рассчитала все так, чтобы курс закончился к приезду детей на осенние каникулы.

В общем, все как-то начало входить в колею, когда случилась она. Мобилизация. Мы смотрели обращение президента, а потом я плакала. Мне снова стало так же страшно, как в феврале. Только теперь

страх был более конкретный — за брата, за племянника, за всех друзей, оставшихся там. Весь день я списывалась и созванивалась с близкими, хотела убедиться, что все в безопасности, что никого не забрали. Реакции были разные, но, в основном, все говорили, что затаились или что уезжают. Один наш хороший знакомый трое суток простоял в очереди в машине, на границе с Грузией. Некоторые отсиживались на даче. Кто-то уехал в Казахстан.

У меня в голове была какая-то пустота. Не было возможности осознать весь ужас происходящего, какой-то кошмар наяву. И полное бессилие. Опять.

На следующий день мы поехали в Дрезден на выходные — надеялись отвлечься. И в первый день нам это даже удалось — погода солнечная, настоящее бабье лето. Плавали на старинном пароходе, прям реально паро-ходе. Ходили в театр, в музей, бродили по брусчатке центра. Но мы выбрали не самый удачный город, чтобы отвлечься от войны. После бомбежки союзниками город восстанавливали

по камушкам, где, вообще, было, что восстанавливать. И «камушки» эти так и оставили черными, обгоревшими, так что половина зданий в историческом центре черно-коричневым напоминала о войне. Жутковато.

Нет ничего страшнее войны. Эпидемии, цунами, извержения вулканов, землетрясения страшны до мурашек. Но война еще хуже. Любая. Потому что она исходит из самого темного и мерзкого, что есть в человеке, и пробуждает самое ужасное. И потому что любой войны могло бы не быть, если бы не люди. Нет ничего, что могло бы оправдать войну. Никакая идея, ничего. Война — это страшное, грязное дело. В ней нет и не может быть победителей. Это одно большое черное зло.

В Дрездене мы видели в черноте стен вторую мировую. А где-то там, не так уж и далеко, шла новая война.

Потом позвонил Паша, сказал, что он убежал от мобилизации в Дубаи, что ему дико страшно. Дети

остались в Москве с Таней. Попросил Олю срочно эвакуировать мальчишек. Обоих. Насовсем.

Оля смогла поехать за ними только через два дня — не было билетов. Я снова осталась одна. Волновалась, как все пройдет на границе, да и грустно было спать одной, кровать казалась слишком большой и пустой. Но в одну из таких ночей, мучаясь бессонницей, которая надолго поселилась в нашей спальне, я перевернулась на бок и вдруг явственно почувствовала движение в животе. Малыш внутри поменял положение, когда я поменяла свое. У меня аж дыхание перехватило. Я улыбалась, как дурочка, и плакала одновременно. И говорила с малышами. И гладила живот. Наверно, я тогда осознала, наконец, что внутри меня есть жизнь. Это было так волшебно, что на какой-то миг даже перестало быть страшно.

Дети с нами

Я встретила их в аэропорту. Оля измучена дорогой, Ваня рыдает. Только Антону норм, как будто приключение. Ваня сквозь всхлипы все спрашивает: «Когда ты вернешься в Москву?» (он про себя часто во втором лице говорит). Московские родители никак не подготовили аутиста к переезду, они сказали, что он просто едет к маме на каникулы. В дороге Ваня, как всегда, стал спрашивать, когда он полетит обратно — ему же нужны четкие сроки. Иначе для него мир превращается в хаос, а это безумно страшно. Оле пришлось честно ему сказать, что в Москве стало небезопасно, и папа уехал, так что оставаться ему там не с кем, поэтому его забирает мама, и жить он теперь будет в Берлине. Вот с этого момента он и начал рыдать. Сетовал, что пропустит уроки, что у него завтра доклад по музыке, что там осталась любимая няня Катя. Он плакал каждый день в течение двух недель. Ел очень мало. Его рацион сузился до макарон и риса, и уговорить

его съесть что-нибудь другое в первый месяц было невозможно. Только потом, постепенно, мы добавляли по одному продукту в день, так что к нормальному питанию он вернулся через три месяца. И только через полгода он перестал постоянно спрашивать про Москву.

С Антоном, которого нам совсем недавно не отдавали со словами «он не справится, он не самостоятельный и недостаточно взрослый» вообще не было проблем. Он быстро освоился, его совершенно не огорчал переезд. Он пошел в немецкую школу в Willkommen класс. В такой класс идут все новые ученики, особенно иностранцы, и ходят в него, пока не будут готовы учиться в общем классе с остальными учениками. Иногда ходят год, а то и больше. Антоша проходил две недели, и его перевели в первый класс. Там он быстро подружился с украинским мальчиком Тадеем и русской девочкой Маргаритой, которые свободно говорили по-русски и по-немецки, и помогали Антоше, если что-то не понятно.

Со школой для Вани было сложнее. Мы довольно быстро подтвердили его диагноз у местного психиатра, и он же нам выписывал необходимые Ване лекарства. Но, видимо, именно из-за диагноза нам долго не могли найти школу. С октября 2022 по июнь 2023 он сидел дома. Мы нашли педагогов, которые с ним занимались почти каждый день индивидуально, но с таким трудом годами приобретенные навыки терялись на глазах. Поведенческой терапии не было, зато были постоянные вопросы: когда я пойду в школу? Только после того, как Оля наняла адвоката, который стал писать угрожающие судом письма, нам подтвердили место в школе для Вани. В Германии нет домашнего обучения — все дети обязаны учиться в школе. Но этот закон работает и в обратную сторону — чтобы дети учились в школе, государство обязано предоставить им место. Сбылась Ванина мечта, и он, наконец, пошел в школу, за две недели до конца учебного года. Школа была совсем рядом, всего в одном квартале от

нашего дома. Инклюзивная — им не в новинку работать с особыми детьми. Они даже предоставили тьютора, правда, немецко-язычного. Они слушали наши советы, как лучше с Ваней взаимодействовать, чтобы он слушался и выполнял задания, и старались следовать им, когда могли. Они искренне старались сделать так, чтобы Ване было интересно и комфортно. Они поняли, что он очень умный мальчик, и главная проблема — язык, который ему пока тяжело дается, но он старается. Ему даже делали распечатки на русском языке по его любимым темам. Или в качестве приза позволяли почитать немного в компьютерном классе Википедию. Сначала на русском, а потом постепенно перешли на немецкий.

Бюрократия

Вообще, мы не в первый и не в последний раз имели дело с местными властями и правилами. Для ВНЖ надо было собрать миллион бумажек, долго ждать ответ, выбивать «термины» (время для визита) и все такое. Но только при попытке устроить Ваню в школу мы столкнулись в полный рост с великим меж- или, вернее, наднациональным божеством — с Бюрократией. Слово-то какое. В нем есть что-то благородное, как Аристократия, есть что-то древнее и основательное, как религия или философия, и есть что-то раздражающее, как тупость или убирать лего за детьми. Многорукое такое божество с маской вместо лица. Многочисленные руки забирают время и документы и просовывают в щелку в маске на месте рта, где они исчезают бесследно. Накормить его досыта невозможно, потому что внутри у него космическая пустота. Любимое его слово «нет» или «нельзя». От человека он требует

беспрекословного и абсолютного подчинения и осознания и подтверждения собственного ничтожества. У его служителей власти, подчас, больше, чем у иных правителей. Они вершат судьбы. В Германии эти служители хотя бы вежливы, а некоторые даже эмпатичны. С ВНЖ было долго, но все понятно и четко, и мы были уверены в результате. Зато со школой для Вани была сага, достойная пера Кафки. Бесконечные отсылки туда-сюда. А напишите после такого-то числа, а то такая-то в отпуске. А нужно получить такие-то документы, а теперь такие-то. А потом просто: нет мест, очень жаль, но нет мест. И сражаться со всем этим пришлось Оле. Ванин регресс и бессилие что-либо сделать буквально доводили ее до истерики: она не могла уснуть, металась ночью по комнате, то плакала, то кричала, то стучала кулачками о стену.

Моя битва была позже, когда я выбивала ваучер на детский сад для близнецов. Отправила документы еще в октябре, обещали время обработки 6–8 недель. Через 8 недель я написала имейл. Через 4

месяца я пошла ногами, потому что ответа по-прежнему не было. Пришла в комнату 007, где написано, что к ним обращаться по поводу ваучера. Вежливый мужчина проверил в системе — нас там нет. Значит, говорит, еще не обработали документы или есть вопросы. Иди на третий этаж к фрау К., вот ее телефон и часы для обращений — среда с 10 до 12. Как раз была среда. Я пошла к фрау К., но никто не открыл. Вернулась в 007. Он записал мои данные и телефон, обещал сам узнать. Через неделю я снова к ним пришла. Пошла сразу на третий этаж к фрау К. Никто не открывает. Из соседней комнаты вышла женщина. Сейчас, говорит, не время обращений. Я говорю — как так? Среда с 10 до 12, вот мне написали в комнате 007, куда вы всех отправляете. Это, говорит, для звонков. А когда можно лично прийти? А лично нельзя приходить. Иди в комнату 007 — и захлопнула дверь. Я пошла в комнату 007, все объясняю снова. У меня, говорю, все документы с собой, мне надо уже срочно. Он взяли мои документы, но ска-

зали, что лучше все-таки до них попытаться дозвониться. А документы они на третий этаж передают раз в неделю в среду в 9 утра, так что документы мои они взяли, но передадут только через неделю. Каким-то чудом я все-таки дозвонилась. Оказалось, что в документах чего-то не хватает и надо донести. Как я должна была об этом узнать — неизвестно. Как показала практика: чтобы добиться чего-то в Берлине, надо постоянно звонить, ходить и спрашивать. Потому что, если не спрашиваешь, они откладывают в долгий ящик — значит, не очень нужно. А им некогда.

У нас с бюрократией было двойное удовольствие, когда родились близнецы. Потому что помимо немецких документов нам надо было получить еще российские. Зато я часто бывала в Посольстве РФ.

Посольство РФ находится в самом центре Берлина, в двух шагах от Бранденбургских ворот, от посольства США и Великобритании. На том же месте,

где до войны было посольство Российской Империи. В войну оно было разрушено, но зато новое посольство в виде нескольких зданий в сталинском стиле (построены были в районе 1950-го года) и занимает целый квартал. С начала войны с Украиной его огородили и усиленно охраняют, на всякий случай. Напротив посольства есть самодельный мемориал в поддержку Украине и еще там часто бывают митинги.

Вход для обычных посетителей с боковой улочки. Попасть внутрь можно только по записи. Дальше нужно подняться на второй этаж, где куча квадратных окошек на колючей стене, как в советских госучреждениях, будто стену обсыпали бетонной крошкой. Окошек много, каждое за что-то свое отвечает. И хотя все по записи, народу все равно полно. Вызывают всегда громко по фамилии, так что весь этаж слышит. Пока ждешь своей очереди, видишь и слышишь самые разные истории. Вот женщина пытается восстановить фамилию матери. Вот

пара подтверждает гражданство ребенка, мама которого русская, а папа гражданин Казахстана. Здесь получают загранпаспорт, здесь заверяют документы у нотариуса. Я побывала почти в каждом окошке. Я приходила одна, приходила с Олей и малышами, приходила даже с Ваней. Он давно мечтал попасть в посольство и был счастлив. Особенно его поразила детская площадка во внутреннем дворе, которую он разглядел в окно.

Подготовка

Мне удалось найти постоянную няню для старших детей. Карина из Украины. Живет в Берлине с мужем уже несколько лет. Молодая, бойкая, толковая. Все быстро схватывает, инициативная, но в душу не лезет. То, что надо. Но она работала только пол дня, до 14, потом ехала в другую семью. Антоша стеснялся оставаться в продленке, поэтому его надо было забирать сразу после уроков, то есть около 14. А Ваня был все время дома. Я писала ему расписание на каждый день, какие педагоги во сколько придут, когда он пойдет гулять с няней, во сколько обед, ужин, сон. Всего этого было, конечно, недостаточно, но хотя бы вносило какой-то порядок в его жизнь.

Мой живот продолжал расти. Мальчишки, а мы уже знали наверняка, что у нас снова мальчишки, толкались ножками и ручками. Мебель мы почти всю закупили, быт налажен. Я уже так не моталась в

Икею — не надо было, да и наступил третий триместр, и силы начали покидать. В середине дня меня просто валило в сон. Все в доме тогда ходили на цыпочках, потому что по ночам я по-прежнему плохо спала, так что дневной сон был особенно важен. Если бы я знала, что с ночным сном проблемы будут еще не меньше года, я бы, наверно, любым способом проспала бы всю беременность.

Незаметно подкралась зима. Я уже больше не ездила на прием к своему гинекологу — теперь я ездила на узи в роддом ДРК. Мальчишки оба уже лежали головами вниз, вес у них было больше 2 кг у каждого, так что были все предпосылки рожать естественным путем, чего я, собственно, и хотела. Мой срок был 01.02.2023, но по местным законам близнецов надо рожать не позднее 37 недель. Так что мне назначили ложиться в больницу 10.01.2023.

Новые друзья

Приближалось католическое Рождество, по всему городу открылись рождественские ярмарки. На улицах пахло корицей и глинтвейном. Я была похожа на громадного пингвина. Передвигалась вперевалку с черепашьей скоростью. Продолжала ходить на йогу для беременных, хотя с каждым разом это давалось все сложнее, да и жалко было пугать инструктора своим кряхтением и стонами. И постоянно хотелось в туалет. Даже если там ничего нет, все равно было ощущение, что мочевого пузыря сейчас разорвет.

Несмотря на мою малую мобильность, мы продолжали с Олей ходить на игры. Еще в Москве мы ходили на Мозгву, КвизПлиз и другие. Оля была в высшей лиге игры 60 секунд. Она у меня умная. В Берлине еще летом я вписалась во всевозможные русскоязычные группы в соцсетях. Так мы узнали, что здесь тоже играют. Мы быстро нашли команду и сразу подружились с капитаном Наташей Н.

Наташа уехала из Москвы сразу после начала войны, в начале марта. Жила она на Соколе, так что мы были соседями по Москве. Она журналистка, была продюсером на ТВ, которое теперь закрыли и запретили. Ей слегка перевалило за тридцать, деловая и активная, имеет кучу знакомств не только благодаря профессии, но и потому, что она всегда на виду — яркая, улыбчивая. Ее родители уже много лет живут в Берлине и давно звали ее к себе, но она настоящий фанат Москвы и уезжать не хотела. Пока не пришлось. Виза у нее беженская — она просила убежища, потому что, если бы не уехала, ее могли бы посадить за работу в запрещенном медиа. Уже в Берлине сделала на руке татуировку с географическими координатами своего дома в Москве.

Наша команда росла и крепла, появился постоянный состав, мы начали занимать призовые места. Наташа этим очень гордилась и очень серьезно воспринимала игры и свое капитанство, иногда даже чересчур. Но самое главное, что нам было в кайф не только играть вместе, но и встречаться вне игр — у

нас дома, в кино, на концертах, мы ходили друг к другу на дни рождения, пили глинтвейн на рождественских ярмарках.

Все наши новые друзья были русскоязычные эмигранты. Кто-то уехал после и из-за войны, как Наташа и мы; кто-то переехал раньше как этнические немцы, как Лариса и ее муж; были евреи (им в Германии легко получить ВНЖ), как Аня, как Миша с семьей; кто-то уехал из РФ по работе лет 15 назад, как Марк или Маша, кто-то пару лет назад, как Ваня.

Вообще, русскоязычных эмигрантов было очень много. И все мы, или почти все, когда бы ни уехали, жили с оглядкой на прошлое и на родину. Следили за новостями там, а не здесь, в Берлине, сравнивали Берлин и все тутошнее с тамошним, как оно там было у нас до. Многие из нас были замкнуты друг на друге, жили в своем обособленном мирке.

Эмиграция

Это не первая моя эмиграция, хотя тогда я это так не называла. Может, потому и не задержалась в Барселоне надолго, всего на полтора года. Сейчас мы точно знаем, что мы уехали надолго, на годы, может быть, навсегда.

Вообще, я все делала не вовремя. Мою первую эмиграцию можно назвать дауншифтингом. С очень хорошей зарплаты в крупном инвестиционном банке я переехала в студенческую жизнь, когда нет ни работы, ни денег. Самая большая волна дауншифтинга в мире была в 90-е. В России в 2000-е. Я же опоздала на 10 лет — уехала в 2012 году. Я не думала, что это будет дауншифтинг, но я, вообще, тогда плохо думала. Сбережений у меня не было, рубль упал, так что приходилось считать каждую копейку. Я бы, может, не считала, но я пыталась увезти с собой свою московскую жизнь, а это стоит денег. Но все же это был очень важный, хоть и довольно

насильный над собой, опыт. Десять лет назад я часто оставалась одна, и мне приходилось заново узнавать себя, привыкать к себе, учиться жить с собой. Только тогда, в 30 лет, я научилась жить в одиночестве и получать от этого удовольствие.

Сейчас, в Берлине, у меня странное состояние. Не могу никак его осмыслить, ухватить. Оно какое-то зыбкое, как будто я вишу в воздухе, и под ногами, там, в пустоте, может оказаться пропасть, а может земля в пяти сантиметрах. Может, это от того, что я постоянно что-то делаю, решаю какие-то задачи: быт, документы, педагоги, дети, магазины. А может, я загружаю себя всеми этими делами, чтобы почувствовать какую-то определенность, свою применимость, важность. Мне стало неуютно оставаться в одиночестве, тем более, без дела. Потому что я больше не узнаю себя. Это не тот человек, который десять лет назад вернулся из Барселоны. Слишком много всего произошло за короткий срок.

Ощущение нереальности не оставляет почти никогда. Как будто все не со мной происходит, а с кем-

то другим, и я наблюдаю со стороны, будто кино смотрю. Будто настоящая жизнь была там, до, а здесь все ненастоящее. Чувствую двойственность во всем. Выгляжу по-другому. Живу по-другому. Думать вообще редко получается, потому что и мозг тоже другой. Тело другое и ведет себя по-другому. Старые связи меняются. Вынужденная эмиграция — это та еще неоднозначность и неприкаянность. Найдём ли мы свой новый дом? К Москве я лет десять привыкала, прежде чем смогла назвать ее домом. Сложно жить без будущего. Невозможно представить, каким оно будет, и тем более, что-то планировать, потому что последние годы научили, что жизнь может развернуться в любую сторону, даже самую неожиданную. Мы перестали жить в России, а здесь еще жить не начали.

Мой мозг не успевает обрабатывать. Я ничего не знаю. Одиноко ли мне здесь? Не знаю. Скучаю ли я по семье, по друзьям? Тоже не знаю. Жизнь все перевернула с ног на голову. Скажи мне кто-нибудь десять лет назад, да даже пять лет назад, что в 2022-м

году я буду жената на чудесной девушке, мама двум мальчишкам и беременна еще двумя, и что все мы будем жить в Берлине, я бы не поверила. Однако же вот я здесь, и жизнь все страньше и страньше.

Тогда, в Барселоне, было детское приключение, важное и нужное, но больше похожее на репетицию. Настоящая эмиграция сейчас.

Один из наших первых выходов «в свет» был на концерт группы «Океан Эльзы». Как только мы зашли, то попали в море украинских флагов: кто-то размахивал флагштоком, кто-то повязал на себя, словно плащ. Кто-то был в национальной рубашке или блузке. Все пели, танцевали, кричали. Атмосфера была очень радостной, но такой радостью, которая наперекор, с горечью. У меня, как только увидела все эти флаги, было желание сжаться в маленькую точку. Я все время судорожно сглатывала, потому что в горле был ком, из последних сил сдерживалась, чтобы не заплакать. И тут я повернулась к Оле и увидела, что по ее щекам текут и текут слезы. Она плачет, не сдерживаясь, со всхлипами. Я обняла

ее и шепнула в ухо: «Почему ты плачешь?». Как будто надо было спрашивать. «У них же у всех ТАМ сейчас кто-то. У каждого.» И я тоже расплакалась, не смогла больше сдерживаться. Концерт был хороший, душевный и вполне дружелюбный, но мы все равно чувствовали себя здесь чужими, как будто попали на концерт случайно.

Потом мы ходили на концерт Земфиры. Здесь тоже были украинские флаги, но меньше. Земфира была в хорошем настроении и отыграла концерт с душой. Много раз пела на бис и все не хотела уходить со сцены. Она сказала, что она жаворонок, всегда рано встает, поэтому поздние концерты ей даются тяжело. Что она перед концертом ужасно хотела спать, а сейчас она зарядилась от нас такой мощной энергией, что теперь вряд ли уснет всю ночь. Она пела много новых песен, что написала после начала войны. Было много и старых. И она все благодарила Германию за то, что она приютила так много ее соотечественников.

Нас, правда, много. Не только в Германии, конечно. Список иноагентов постоянно пополняется, но оказаться в этом списке даже почетно — столько интересных и уважаемых людей. Многие покинули РФ, некоторые живут в Берлине (как Людмила Улицкая, Екатерина Шульман, Карен Шаинян и другие). Остальные в Берлин приезжают с лекциями и выступлениями. Так мы ходили на постановку Серебренникова «Декамерон», на встречу с Антоном Долиным и на лекцию Людмилы Петрановской. Мы стараемся на все ходить. Как будто здесь, в чужой стране, ловишь осколки прошлой жизни. Хватаешь каждый такой осколок и бережешь его, будто это бриллиант. Может, в той жизни эти осколки были ерундой, но сейчас каждую «ерунду» лелеешь.

Ходили на Максима Каца. Он приезжал в Берлин с необычным форматом выступления. Сначала постановочный разговор за жизнь, а потом запись нового эпизода для его ютьюб канала. Говорил сначала про нулевые, про путинскую Россию, про Пу-

тина, как он оказался у власти, что и почему он делает. Что нулевые были лучшими годами в жизни страны. Наверно, надо радоваться, что моя молодость пришлась на это время, что я видела Россию в ее лучшие годы, но почему-то грустно. Макс говорил, что Путин умрет еще при нас, что тогда у России появится шанс, и мы должны быть готовы. Только стартовая позиция будет сильно хуже, чем после распада Советского союза, но шанс все же будет. Очень он, конечно, горит этой темой, и парень умный, идейный. Интересно, каким бы он был президентом, например? Остался ли бы таким же идейным? Или его бы тоже перемолола и изуродовала власть? В конце были вопросы из зала. Запомнилось, что Макс несколько раз сказал, что ни за что и никогда не стал бы «стрелять в кого-то», что силовой переворот с жертвами — это не к нему, он не будет этого делать и никогда такой переворот не поддержит, что бы он ни сулил. Еще я думала о Навальном, что бы он на это сказал и как бы поступил? Сейчас он принес себя в жертву и переносит ее очень

благородно, честно и открыто. Но смог бы он убить одного человека, зная, что этим спасет тысячи, если не миллионы? А что бы я сделала? Не знаю. Странные мысли.

Зал был полный, очень много молодежи. Максим провел перекличку, кто при каком генсеке родился в СССР, а кто уже при Путине. Максим, оказывается, всего на два года младше меня и его угораздило родиться при Черненко. А я родилась еще при Брежневe. Он, правда, умер через полгода после моего рождения, но все же. И где-то четверть зала родились при Путине.

В нулевые Путин говорил, что неверно во всем обвинять запад, что проблема, на самом деле, в нас самих. А сейчас это совершенно другой человек и говорит противоположное. Когда Пол МакКартни в 2003 году выступал на Васильевском спуске, Путин сидел в зрительном зале между Лужковым и Макаревичем. Всего двадцать лет прошло, для государства это не такой уж большой срок, а будто лет сто — так мы далеки от всего, что было.

Интересно и Берлин узнавать, потому что выступают наши новые эмигранты на разных площадках в самых разных районах. Спектакль «Кремулятор», например, проходил недалеко от Александерплац. Пока я шла от метро, вдоль дороги тянулись непривычные для Берлина многоэтажные коробки. Иногда мне казалось, что я где-то в Беляево.

Но самое интересное место — это Музикбрауерай (Musikbrauerei), я туда ходила на Шульман. Это бывшая пивоварня. Снаружи здание кажется заброшенным и разрушенным, вероятно, еще в войну. Крыши нет, только кирпичные скелеты перекладин и труб. Вокруг железная кладбищенская ограда, совсем ржавая. И зловещая красная подсветка. Флигель, через который раньше, видимо, входили в здание, заколочен. Входим через подвал. Сначала долго спускаемся, потом идем по подвальным лабиринтам по стрелкам. Мимо туалета с раковинами из кирпича и с лампочкой на голом проводе, без абажура, через гардероб, где у задней стены навалены старинные медицинские кресла и прочий ржавый

инвентарь, потом подъем по винтовой лестнице, пока, наконец, не попадаем в большой зал с потолками в 15 метров, огромными железными воротами и таинственными деревянными дверями под потолком.

И всегда залы полны, так что яблоку негде упасть. Мы не одни стараемся урвать лоскутки нашей культуры.

Германия и ее прошлое

Одни из осколков прошлой жизни — игры — чаще всего проходят в центре западного Берлина, на Цоо (Zoo). На выходе из метро обычно густо разбросаны бумажки, обертки, бумажные стаканчики — будто поземкой намело вместо снега. На тротуаре сидят нищие и бездомные, гипнотизируя тару для сборов, стоящую перед ними. На Цоо пересекаются сразу несколько линий U-Bahn и S-Bahn, да еще и региональные поезда. И как всегда и везде рядом с большим вокзалом много всяких маргинальных личностей: здесь тебе и алкаши, и музыканты, и бэк-пэкеры и бизнесмены, местные и туристы. Игры проходили в двух местах. Одно место было Альт Берлинер (Alt Berliner) — старинная берлинская пивнушка с сосисками, картофельным салатом и пивом. Очень немецкое место для совсем не немецких туристов. Другое место было в подвальном этаже торгового центра Европа, не слишком модного и популярного. По дороге в этот торговый центр нужно

обойти церковь кайзера Вильгельма, вернее, то, что от нее осталось. Когда-то большой красивый собор сейчас обгоревший обломок бывшего величия и памятник разрушениям от войны, начатой самими немцами. Рядом с остатками собора низенький куб новой церкви, где проходят службы и концерты. Прямо на этот куб смотрит огромная идеально круглая дыра бывшей парадной розетки церкви кайзера Вильгельма. Все ее края, будто обгоревшая бумага — черные, неровные. И надо всем этим горит, будто луна, крутящийся круг символа компании Мерседес на соседнем здании. Грустное зрелище. Хотя я к этой церкви со временем привыкла, она даже стала какой-то родной. Мне иногда кажется, что ей этот вид больше идет, чем тот, что был раньше. Она так кажется домашнее.

Вообще, меня поразило, что Германия помнит свое прошлое, не отрекается от него, несмотря на весь ужас 20-го века, а пытается извлечь из всего этого страшного опыта уроки.

По всему городу стоят осколки берлинской стены. На асфальте всегда отмечено, где она проходила. Недалеко от Mauerpark есть мемориал под открытым небом, с фотографиями, с вышкой, с помеченными на асфальте тайными туннелями. До стены граница проходила прямо по домам, и люди перебирались «на ту сторону» через окна. Меня поразила фотография женщины, которая, будучи на 9-м месяце беременности, прыгала со второго этажа на растянутое внизу одеяло. Потом эти дома снесли. Люди пытались пробираться через стену, а когда это стало смертельно опасно, рыли подземные ходы. Там же, в этом мемориале, есть стена с фотографиями и датами жизни людей, которые погибли, пытаясь перебраться. Там есть дети. В дни рождения этих людей рядом с фотографиями появляются живые цветы.

С памятью о фашизме было сложнее. У немцев ушли десятилетия после второй мировой на то, чтобы осознать и принять ответственность. До сих

пор они пытаются осмыслить, что произошло и почему. Концлагеря сохранены как музеи. Продолжают выпускаться книги, фильмы, организуются выставки, ставятся спектакли. До сих пор еще бывают судебные процессы против тех, кто работал в лагерях или коллаборационировал с нацистами. Даже если подсудимому или подсудимой уже 90 или 100 лет. Для немцев такие преступления не имеют срока давности. Но все это пришло не сразу. В 60-е и даже еще в 70-е были демонстрации, участники которых утверждали, что не было таких уж страшных преступлений, что союзники слишком жестоко обошлись с Германией и все преступления Германии преувеличены. Но открывалось все больше фактов, информация становилась общедоступной, и уже никто не мог отрицать холокост, массовые убийства, пытки. Как-то я ходила в Музей фотографии на Цоо, там была выставка, посвященная холокосту. Вся эта ситуация была показана с двух сторон: официальные фото нацистского правительства (пропаганда) и фото из жизни обычных людей. Пропагандистские

фото часто были постановочными и всегда с бравადой. С фотографиями по другую сторону правды было по-другому. Один фотограф делал фото тайно, рискуя жизнью. Они ходили по улицам с женой. На нем был просторный плащ и шарф, прикрывавшие фотоаппарат. Жена помогала следить, чтобы никто их не заметил, а фотограф делал снимок и прятал фотоаппарат обратно под плащ. Снимал, как полицейские били евреев на улице, как людей строем уводили в лагеря. Еще там было известное фото, где советский солдат ставит флаг на рейхстаг. Сам фотограф потом признался, что подретушировал фото, убрав с запястья солдата пару часов, его трофей. Это мне напомнило скандал с нашим патриархом Кириллом, у которого на фото с руки убрали дорожные часы, а с отражения на столе их убрать забыли.

Есть еще один очень необычный парк в районе Моабит (Moabit). Находится он на месте бывшей тюрьмы и окружен кирпичной стеной в пять метров высотой. Тюрьма на этом месте была более ста лет. Построили ее в середине 19-го века. В те времена

преступление воспринималось как заразная болезнь, поэтому считалось, что, отделяя заключенных друг от друга, они защищали их от заразы чужих преступлений. Всего там было более 500 одиночных камер. Даже на общей прогулке запрещалось говорить друг с другом. Сейчас большинство зданий снесено, и на их месте растет трава и деревья. Осталась одна камера, 5–6 квадратных метров, с каменными стенами и каменной скамьей. Когдаходишь в нее, откуда-то из стен голос читает стихи одного заключенного, сидевшего в тюрьме во времена второй мировой. У нацистов тут было Гестапо. В те времена здесь сидели, в основном, политические заключенные. Особенно тюрьма пополнилась после неудачного покушения на Гитлера в 1944-м году. Из тех 306 заключенных, в итоге, выжили всего 35. Большинство расстреляли накануне прихода союзников.

Сейчас в этом парке обычно не оченьлюдно. Наверно, из-за стен, он как будто все еще отгорожен от внешнего мира. Попадаются иногда бездомные в

теплую погоду_ zo, скорее, здесь можно увидеть зайцев в кустах, мелькающих длинными серыми ушками и белыми пятками.

У нас, если я не ошибаюсь, не сохранился ни один лагерь системы ГУЛАГ. Как будто их и не было. Все они разрушились почти до основания и поросли травой. «Мемориал» закрыли. А ведь он еще с 90-х, со времен Сахарова, помогал людям отыскать своих родственников и узнать их судьбу. А еще они вешали памятные таблички на домах, откуда забирали людей. Теперь как будто и не было репрессированных миллионов, да и таблички с домов стали пропадать. В Берлине тоже есть такие таблички, только они на тротуаре. Почти у каждого дома. Раз в год у каждой такой таблички появляются зажженные свечи и цветы. Немцы помнят.

Есть в Москве один замечательный Музей ГУЛАГа. Очень хорошо и честно сделан. Там и факты, и цифры, и личные истории людей, их личные вещи. Оля даже какое-то время для них волонте-

рила: расшифровывала письма, поздравляла выживших с праздниками, участвовала в субботнике на Бутовском полигоне. Сколько еще музеев продержится?

А вообще, тенденция в России странная. Сталин уже не такой уж и плохой, а для кого-то так даже герой. Достаточно посетить его дачу-музей под Сочи. Очень он там положительный у местных работников. А один гид даже носит усы, курит трубку и одевается, как Сталин. Не отличишь.

Если не помнить прошлое, так легко совершить те же ошибки. Что мы, кажется, и делаем.

Первый Новый год в Берлине

На Новый год Паша забрал мальчишек в Дубаи на каникулы. Мы надеялись, что я рожу до их приезда. Оля почему-то была уверена, что роды будут прямо на Новый год, а я думала, что в первых числах января.

Последние месяцы беременности, особенно декабрь и начало января были совсем тяжелыми. Мне тяжело было ходить, сидеть, лежать — просто существовать. Ночью, чтобы перевернуться с боку на бок, приходилось переносить живот руками. Оля иногда просыпалась от моих стонов и пыхтения:

— Что такое? Ты рожашь?

— Нет, я просто на другой бок перевернулась.

И еще я была очень плаксивая. Первые месяцы беременности это были единичные случаи, и они были, скорее, трогательными. Например, когда мы сидели в аэропорту Марселя в кафе, я вдруг посмотрела на Олины руки, сложенные на столе, и начала плакать:

— У тебя такие тоненькие нежные ручки! — всхлипывала я.

Или как-то я остановилась на полдороги и начала плакать, причитая:

— Ты такая хорошая! Такая хорошая!

Но к концу беременности я могла рыдать над чем угодно. Над кино, рекламой, просто вспомнила что-то или увидела на улице. Снег идет — плачу. Снег растаял — плачу.

Новый год мы отмечали у капитана Наташи Н. на съемной квартире вместе с другими членами нашей квиз-команды. Квартира крохотная, всего одна комната, она же кухня, но зато в самом центре и на высоком этаже, что для малоэтажного Берлина редкость. Из окна виден почти весь город. Это был первый год, когда после ковида разрешили запускать фейерверки. Продажа была ровно три дня до Нового года, но было ощущение, что люди скупили тонны хлопушек, ракет и фейерверков. После полуночи весь город покрылся вспышками, хлопками, свистом, разноцветными огнями. Мы попробовали

открыть окно, но в квартиру затянуло с улицы столько дыма, что сработала пожарная сигнализация. Потом мы решили спуститься на улицу и зажечь бенгальские огни, но очень быстро вернулись — на улице было настоящее безумие, в любой момент что-нибудь могло прилететь в нас. Скорые и пожарные машины гоняли по городу без остановок, собирая пострадавших и туша пожары. Сумасшедший дом. Мы ждали часа два, пока все хоть чуток стихнет, чтобы поехать домой. А наутро все улицы были усеяны коробками из-под фейерверков и хлопушек — на тротуарах, на проезжей части, кучками около мусорок. Уборщикам понадобилось несколько дней, чтобы это все убрать.

А после Нового года я заболела. Не знаю, ковидом или обычным гриппом, но насморк был жесточайший. Чем-то мягким обложило все лицо. Хотелось лицо снять и почесать внутри, выскрести все лишнее. И тогда я снова почувствовала неприятное покалывание в животе, как раньше, перед паническими атаками. В аптеке мне продали ультра-легкие

капли в нос, разрешенные беременным, но их действия хватало всего на пару часов. Из-за этого я долго не могла уснуть, а потом мне вдруг стало страшно. Я была уверена, что если усну, то задохнусь. Мне было тяжело дышать, будто меня давили сами стены спальни. Я выходила в гостиную — там много окон, и не было ощущения замкнутости, сужения стен, так что я ходила по комнате туда-сюда. Мне немного легчало, но стоило вернуться в спальню, как паника усиливалась. В конце концов, я не выдержала и разбудила Олю. Мы перебрались в гостиную вместе. Оля устроила мне гнездышко из одеял и подушек на диване, так чтобы я лежала более вертикально, пристроилась рядышком, и мы уснули в обнимку. Весь следующий день я пролежала все в том же гнездышке, иногда проваливаясь в сон, иногда выползая из него, чтобы сходить в туалет или попить чай. А еще через день все прошло. Но у меня до сих пор мурашки от того ужаса за себя и за малышей, который я тогда испытала.

Роды

Зимние школьные каникулы подошли к концу, а малыши все не торопились на свет. Старшие мальчишки вернулись в Берлин. Десятого января, по плану, мы пришли в роддом и стали ждать. Нас с Олей поселили в отдельную палату, с большой кроватью, столом, телевизором и даже своей раковиной. Малыши оба были головками вниз, по 2500. Я очень хотела родить естественным способом, но почему-то ничего не происходило. Меня очень бережно стимулировали — релаксанты и иглоукалывание, никаких гормонов. Каждые четыре часа, включая ночью, проверяли сердцебиение малышей. Велели много ходить, и я ходила, хоть и тяжело уже было передвигаться, не только из-за веса, но и из-за одышки и дискомфорта в низу живота. Вообще, весь персонал был ужасно вежливым и деликатным. Никто меня лишний раз не трогал, а если трогали, то всегда спрашивали разрешения, обращались всегда

только Фрау Тихонова, никаких «мамочек» или «ма-маша». Оля рожала старших в Москве, ей было с чем сравнить, и она постоянно говорила, как мне повезло.

Из-за ковидных ограничений Оля не могла уходить из больницы — иначе ей бы не разрешили вернуться и присутствовать на родах. Мы были заперты в роддоме. Старших детей пришлось жонглировать по няням, знакомым и друзьям — кто пару часов с ними посидит, кто переночует, кто в школу отведет, кто покормит. Пару раз их приводили к нам в роддом, мы общались через окно. Они очень ждали, когда же, наконец, появятся малыши.

Дни тянулись бесконечно долго, ожидание изматывало. Мы смотрели сериалы, ходили в кафе. Но больше всего гуляли по территории, благо, было, где погулять.

Больница наша называлась ДРК (DRK). Большая и старая клиника с несколькими корпусами: кардиология, урология, роддом, детское отделение, травм-

пункт. Большинство корпусов рубежа 19-20-го веков, еще времен, когда наш район Шарлоттенбург был отдельным городом. Расположены они вокруг большого зеленого газона, на котором натыканы странного вида скульптуры. В основном, в виде женщин, но иногда надо было долго приглядываться, чтобы это понять — настолько абстрактными они были. В 1933 году, когда нацистское правительство объявило бойкот евреям, директор клиники уволил всех врачей евреев. В 1939-м, когда началась война, больницу полностью отдали под госпиталь. В 1945-м бои за Берлин проходили в том числе и на территории клиники, но удивительным образом пострадали всего два корпуса. В наше время достроили еще пару корпусов. Они странно выделяются угловатой невзрачностью на фоне красных зданий с покатой крышей. Все дорожки мы там с Олей исходили вдоль и поперек, слушая подкасты, разговаривая о всяком важном и не очень, созванивались с моей мамой, с моей лучшей подругой Катюшей. Ка-

тюшину старшую дочку зовут Даша, как меня. И Катюша шутила, что раз у меня мальчики, и я не могу никого из них назвать Катей, то я, видимо, решила родить их в Катин день рождения.

Я уже настолько была измотана ожиданием, что злилась на себя, на свое тело, на весь мир. И вот, ровно в день рождения Катюши, утром 14 января у меня отошли воды. После обеда начались схватки, очень болезненные, нерегулярные, зато продолжительные. К вечеру они участились, но раскрытия все еще был полный ноль. Как будто тело никак не хотело отпустить детей. Вечером был консилиум с врачом. Раз воды отошли, мы не могли долго тянуть с родами — максимум до утра. Но с учетом, что раскрытия все еще нет вообще, велика вероятность, что я всю ночь промучаюсь со схватками, а утром все равно придется делать кесарево. Или можно сделать кесарево прямо сейчас. Мы подумали и решили делать сейчас.

— Тогда увидимся в операционной через 10 минут, — сказала врач.

Как через 10 минут? А подготовиться? А настроиться? Я думала, у меня будет пара часов, а тут 10 минут. Дальше все так быстро происходило, что я едва успевала за сменой событий, которые сопровождались схватками — их никто назначением кесарева не отменил. Как будто, раз я рожала не естественным путем, как хотела, мне давали возможность почувствовать хотя бы эту часть родов. И я ее прочувствовала в полной мере.

Я подписала какие-то бумажки, переоделась в смешную шапочку, надела повязку на грудь (потом стало понятно, зачем) и операционный халат в черный горошек.

Сначала меня привели в операционную без Оли. Когда собрались колоть эпидуральную анестезию, я их остановила — схватка. Подождали, вкололи, положили как-то неловко, чуть бочком. «Так надо» сказали. Вокруг меня, распятой на столе, в иголках и трубочках, суетилась куча медсестер. Оперировали две женщины-врача. Одна уже знакомая доктор, ко-

торая раньше делала мне узи. Вторая отдельно подошла и представилась. Когда рожают близнецов, всегда больше одного врача. Как только анестезия подействовала (а они предварительно точно в этом убедились), подняли экран и, наконец-то, привели Олю. Она села рядом, прижавшись к моей голове щекой, и говорила всякие нежные слова. Меня била сильная дрожь. Очень неприятное ощущение, будто тело мне не принадлежит и я не могу его контролировать. Я была уверена, что это из-за того, что я нервничаю. Я пыталась успокоиться, но меня все равно трясло.

— Это из-за анестезии, — сказала Оля, — У меня тоже так было.

Это несколько успокоило, но все же хотелось, чтобы поскорее закончилось. За экраном копошились врачи. Больно не было, но я чувствовала, будто они там все переворачивают у меня внутри. Иногда как будто сильно дергали-тягали. И вдруг экран опускается, и мне на грудь кладут красное в сметане

существо, которое не кричит, как в кино, а просто тихонечко кряхтит. Оле сунули в руку ножницы и дали перерезать пуповину. Экран снова подняли. Малыша забрали ненадолго, осмотрели там же, в операционной, потом быстро вернули. Через две минуты снова опустили экран и положили на меня еще одно красно-белое существо. Он уже погромче заявил о своем приходе. Когда Оля перерезала пуповину, его тоже ненадолго забрали, проверили, потом вернули. Малышей положили мне на голое тело, закрепив на груди той самой повязкой (вот она для чего, оказывается). Но меня так трясло, что я попросила одного отдать Оле — боялась, что выскользнет, а я не контролирую свое тело, могу не удержать. Они были такие хрупкие, такие сморщенно-тоненькие, я не представляла, как до них дотронуться вообще.

Медсестра нас сфотографировала: один малыш у Оли на руках, другой лежит на мне. И на обоих смешные белые шапочки. У Марка на шапочке римская цифра 1, у Луки 2. На ручки им прикрепили

бирки с нашими фамилиями и также с римской цифрой. Мы эти бирки не снимали, пока они из них не выросли — чтобы не перепутать.

Когда во время беременности мы представляли роды, думали, что обе будем плакать. Но все прошло так быстро, что у меня были не слезы, а удивление. Я вообще плохо соображала, что происходит. Неужели вот этих вот малышей вынули из меня? Это вот с ними я разговаривала 8 с половиной месяцев, это они толкали меня изнутри, икали там и ворочались? И еще они мне казались очень большими. В смысле, как они могли во мне поместиться? Головой я понимала, что они не большие совсем, а крохотные, но мозг никак не мог сопоставить их размеры с животом.

Потом мне вдруг стало плохо. Тошнота подкатывала к горлу, казалось, что еще чуть-чуть и меня вырвет. Я стала терять сознание. Олю с малышами сразу куда-то увели. Мне что-то вкололи, не помогло. Врачи спешно зашивали, пока анестезиолог пыталась вернуть меня в чувство. Она вколола что-

то еще и, наконец, стало отпускать. Сколько прошло времени — не знаю. Когда врачи закончили, одна из них подошла ко мне и объяснила, что первый малыш был очень глубоко, они никак не могли до него добраться. Поэтому пришлось разрез сделать больше. А так все прошло хорошо и скоро меня отвезут в палату.

Раз, два, три — меня переложили на кровать на колесах и повезли по коридору. От анестезии нижняя половина тела была, как у тряпичной куклы. Казалось, что ноги распухли и стали мягкими, будто они без костей.

Меня привезли во временную палату. Там уже ждала Оля. Малыши были у нее на груди, недовольные, что там нет молока. Оля же была в слезах. Но не счастливых слезах, а испуганных. Меня не было сорок минут, ей ничего не говорили, и она очень боялась, что со мной что-то случилось. Она потом признавалась, что и перед родами страшно волновалась и за малышей, и за меня. Она ведь один раз уже

сильно обожглась, когда Ваня родился с такими серьезными проблемами, что из роддома домой она возвращалась без ребенка, потому что он остался в реанимации. Оля страшно боялась, что что-нибудь снова случится. Но я была в порядке, малыши тоже, и она уже плакала от радости.

После родов

Малышей взвесили и измерили рост. Марк родился первым, весил 2500 г, рост 47 см. Лука на две минуты младше, весил 2540 г, рост 48 см. Это редкость, чтобы близнецы рождались настолько близкими по весу и росту. Потом малышей приложили к моей груди. Я очень старалась пристроить сразу обоих, медсестра помогала, но пока что получалось как-то неловко. Помню, что смотрела на эти два сморщенных комочка и думала, какие они красивые. Никогда не видела таких красивых детей. Первые дни мы с Олей все время повторяли, какие они красивые. То, что вот они, тут, с нами, это было удивительно, но реально. А вот то, что я стала мамой, этого я еще долго не могла осознать.

Нас покормили, а часа через два перевезли в другую палату, в отдельное крыло здания, где лежали роженицы. Малышей положили в отдельную кроватку на колесиках, там же, в нашей палате.

В ногах у меня появилось покалывание, как будто ногу отсидела. Анестезия стала отпускать, и мне начали давать обезболивающее каждые три часа, включая ночью. Над кроватью была экстренная кнопка, я могла в любой момент вызвать медсестру, это вселяло спокойствие и уверенность. Каждый день к нам приходили разные врачи и специалисты, проверяли, как заживает шов и каково мое общее состояние: анестезиолог, физиотерапевт, медсестры, акушерки, соцработник. Больше всего нам запомнилась специалист по лактации. Высокая, лет 60-ти, очень бойкая женщина с командным голосом. «Baby! Arbeiten!» Учила правильно пристраивать детей к груди. А еще рассказывала, что в другой клинике у нее есть две пациентки, тоже две мамы, как и мы. Яйцеклетку одной мамы пересадили другой, и она вынашивала их общего ребенка. Вернее, двух, у них тоже получились однояйцевые близнецы, как у нас.

Молока у меня было мало, а родились они очень маленькими, так что нас снабжали специальной

смесью в дополнение к грудному молоку. Мы набирали ее в большой шприц, вместо иглы прицепляли тонкую гибкую трубочку. Эту трубочку приклеивали пластырем к кончику мизинца, а мизинец совали в рот младенцу. Так они пили смесь. Потом надо было трубочку приделывать к соску, чтобы постепенно они перешли со смеси на грудь. Мне очень хотелось освоить тандемное кормление, но оно все никак не получалось. В больнице не было нужной для тандемного кормления подушки, а подкладывать миллион подушечек и полотенце неудобно — вся конструкция легко разваливается.

Малышей тоже каждый день осматривали, иногда брали кровь на сахар, проверяли наличие и цвет какашек, проверяли рефлексы, мерили температуру.

Оля училась их различать. Я как-то сразу отличала, кто есть кто, а Оля иногда сомневалась. Из-за этого я над ней все время подшучивала. А она мне не верила и проверяла по биркам. У Марка была темная шевелюра, у Луки поменьше волос и очень

кривая голова: с одного боку приплюснутая, там, где он в утробе упирался головой в брата.

Первую ночь мы спали с малышами. Один лежал животом к животу у Оли, другой у меня. Мы подоткнули одеяло, чтобы они не скатились, но все равно спали поверхностно, все время проверяли, как они. Тяжко и сладко одновременно.

Приходила физиотерапевт, помогала мне вставать. В первый раз я думала, что ни за что не встану. Было ужасно больно и хотелось лежать и не двигаться, но врач сказала, что если двигаться, то заживет быстрее. Она очень бережно, но настойчиво помогала с каждым микродвижением: чуть сползаешь ниже, потом ближе к краю, потом левой рукой держишься здесь, спускаешь правую ногу, ставишь сюда, потом левую сюда, правой рукой берешься здесь. Так мелкими шажками она довела меня до туалета. На второй день мне помогала Оля, а на третий я уже ползала сама. Когда я впервые смогла дойти до стола в другом конце комнаты, я удивилась, что комната с того места выглядит совсем по-

другому. И ощущалось это как нереальное достижение на грани возможного.

Оленька меня очень поддерживала и во всем помогала. Мне было так спокойно с ней. Она меняла малышам подгузники, переодевала их. Она все делала ловко и уверенно, мне казалось, что я никогда так не смогу.

Скоро нас выписали. Шов беспокоил все меньше. Иногда была ноющая боль, и я пила обезболивающее. Но с каждым днем все реже.

Дома

Из роддома нас доставил на машине Александр, муж моей подруги Нины. Встретил с цветами и все снимал на телефон. Привез нас домой и сразу убежал, чтобы не мешать нам устраиваться.

Люльки для малышей мы поставили в нашей спальне, но поначалу малыши спали между нами в нашей кровати. В первую же ночь у меня снова случились панические атаки. Я не могла спать, меня трясло и хотелось кричать. Экстренной кнопки больше нет, врачей и медсестер за дверью тоже. Мы остались с малышами один на один. Я прислушивалась к их сопению, страшно боялась, что вдруг перестанут дышать. Одновременно я страшно боялась, что они проснутся, и я не смогу спать. Я ходила по комнате, иногда выходила, кусала губы, чтобы не шуметь и никого не разбудить, била себя по лбу, стараясь выбить из головы этот страх.

Я не новичок в этом деле. Панические атаки у меня бывали и раньше. Я не про тот эпизод во время

беременности. Впервые у меня случились панические атаки, когда мне было восемнадцать. Я жила в общежитии, училась, подрабатывала, занималась факультативно французским, немецким, вокалом, брала уроки игры на бас-гитаре и играла в рок-группе. Видимо, перегрузила себя настолько, что психика не выдержала. Я боялась оставаться одна, а когда оставалась, то начинала задыхаться, металась по комнате, точно лев в клетке. Меня трясло, сердце билось как-то судорожно, до боли, и мне казалось, что я сейчас умру. Мой рот постоянно что-то говорил, мозг работал какими-то вспышками. Я повторяла себе, что мне нечего бояться, мне ничего не угрожает, но тело со мной не соглашалось. Однажды, чтобы прийти в себя, чтобы «протрезветь», я захотела увидеть свою кровь. Почему-то я была уверена, что тогда мне станет легче. Я порезала ножом левую ладонь. Нож, к счастью, был очень тупой, так что порез был неглубокий, но кровь я увидела, и в первый момент мне, действительно, стало легче. Но потом я поняла, что это совсем никуда не годится. Я

пошла по врачам, сменила несколько, пока не нашла психологиню, которая мне реально помогла. Я пробовала пить разные транквилизаторы, но от них я становилась совсем заторможенной. Пока мне не подобрали нейролептик. Он снижал уровень тревоги. Тогда я научилась с этим жить. Вылечить раз и навсегда это нельзя, но можно жить, и жить вполне нормально.

До беременности панических атак у меня не было лет десять. Я успела подзабыть, как иметь с ними дело. Пришлось вспомнить.

В первый месяц были сложности с кормлением. Сначала надо было приноровиться к тандемному кормлению, иначе, если кормить по очереди, то этим будешь заниматься сутки напролет. А когда приноровилась, то стали болеть соски, иногда даже кровоточили. Отдыха у них не было. Каждое кормление оба соска работают. Ну и молока было мало-вато, обязательно докармливали смесью. Так что процесс кормления был долгим.

Соцработница в роддоме нашла нам доулу, местному называется хебама. Очень суетливая дама, с весьма средним английским и большой любовью к доморощенным рецептам и гомеопатии. Она приносила мне мази для сосков, взвешивала близнецов, помогала протирать их пупочки, которые еще не отвалились (Антоше эти черные пупочки казались настолько страшными, что он боялся на них смотреть и всегда спрашивал, видно ли «монстра пуповину», прежде чем посмотреть на малыша). Она проверяла мой шрам. У нее самой такой же большой шрам, потому что ее сын, когда родился, весил 5 кг. Просто гигант. Поэтому ее особенно умиляли наши крохи.

Привыкаем

Оля взяла отпуск на первый месяц после роддома, была все время со мной и почти все делала сама, что вызывало во мне довольно обширный спектр эмоций. С одной стороны, они были такие крохотные, что я буквально боялась их брать на руки. Брала, конечно, но все равно каждый раз сердце замирало. Поэтому было облегчение, что есть Оля, которая ничего не боится и делает все уверенно. Меня умиляло, как она с ними возилась, как шила для них бодики и шапочки, как радовалась каждому маленькому успеху. Я не раз украдкой утирала слезу умиления, глядя на них. Только ночью она мне мало чем могла помочь. Как только я освоила тандемное кормление, то Олю уже ночью не поднимала, сама пристраивала малышей к груди, потом докармливала смесью. Так что спать хотелось постоянно. Они просыпались каждые три-четыре часа. Кормление со всеми переодеваниями и пристраиваниями занимало в среднем час, так что

на мой сон не оставалось почти ничего, поэтому спала я при любой возможности. Днем, если я не спала, Оля отправляла меня погулять. Одну, без коляски, хоть на часок. И я, с одной стороны, понимала, что это нужно и это правильно, что в первые месяцы очень легко потерять связь с реальностью, когда ты только в подгузниках и смесях, но, с другой стороны, я совершенно не понимала, что мне делать, когда оставалась одна. Иногда я запиралась в кладовке, как уставший муж в гараже. После покупки всей мебели у нас осталось целая куча коробок. Мы их свалили до поры до времени в кладовку. Некоторые коробки были с меня ростом, просто так в мусорный бак не выкинешь. Поэтому я купила канцелярский нож и самозабвенно резала коробки на мелкие кусочки. Мне нравился звук разрезаемого картона, и нравилось, что гигантские несуразные коробки превращались в аккуратно сложенные лоскутки. Иногда я бесцельно бродила по улицам, не уходя далеко от дома, покупала продукты и всякое

нужное для дома, то есть все равно занималась делами для семьи, а не для себя. С другой стороны, у меня была ревность, что с малышами Оля, а не я, и чувство вины, что я где-то гуляю вместо того, чтобы быть с малышами. Чувство вины, кстати, было постоянным и росло с каждым днем. Почему-то никто не предупреждает, что вместе с ребенком, как только он родился, тебе вручают и чувство вины. Нет ни одной матери, которой было бы незнакомо это чувство, какой бы идеальной она ни была. В общем, состояние было довольно потерянное. При этом я с ужасом думала о том дне, когда Оля вернется на работу, и я останусь с малышами одна. У нас была няня, но я пока не подпускала к малышам никого, кроме Оли, так что няня занималась старшими, а значит, когда Оля выйдет на работу, то все дела, связанные с малышами, лягут на меня.

Но постепенно я привыкла. Дни были похожими один на другой. Я умилялась малышам, но это были короткие вспышки, а все остальное время я погружалась в темную холодную вязкую воду, не замечая

этого. Каждое утро я просыпалась с мыслью: «Еще один день. Как его прожить? Поскорее бы день кончился». А ложась спать я думала: «Еще одна ночь. Поскорее бы она кончилась». Что день, что ночь — все было едино, все одинаково мучительно. Я не задумывалась о том, что со мной происходит, счастлива ли я. Весь мир был серый и по-ковидному безвкусный. Каждый день я плакала. Не просто слезу пускала, а со всхлипами, с содроганиями. Настоящие рыдания. Иногда я кричала — в подушку или просто в пустоту. Я ругалась, раздражалась, я била себя по бедрам до синяков, колотила стены кулаками или ладонями до онемения, пинала мебель. Физическая боль — это хорошо. Значит, ты еще жив. Это длилось месяц за месяцем. Даже когда няня освоилась с малышами и стала больше помогать. Даже когда малыши научились пить смесь из бутылочек, а не из шприца. Даже когда я ночью пропускала одно кормление грудью, и малышей кормила смесью Оля, а значит, я могла поспать. Даже не-

смотря на то, что я почти каждый день, хоть ненадолго, выходила из дома одна. Иногда я думала, что, если бы я вышла в окно или упала на рельсы в метро, все это бы, наконец, кончилось. Мне и в голову не приходило, что так быть не должно. Это была моя реальность. Когда малыши бодрствовали, я ложилась на диван рядом и утыкалась в телефон. Жизни как будто не было. Вся моя жизнь состояла из кормления, сцеживания, укладывания, смены подгузников. Все мысли только о том, кто сколько поел, поспал и как покакал. Плюс надо было постоянно что-то организовывать для Вани — педагоги, прогулки, развлечения. Антошу надо было забирать из школы и тоже потом как-то развлекать. Следить, что старшие дети поели и не пересидели за айпадами.

А еще же надо было сделать все документы для малышей.

Мы долго думали, какую фамилию им дать. Выйдя замуж, Оля не меняла фамилию, и у Вани с Антоном была фамилия их папы. Оле хотелось,

чтобы хотя бы у малышей была ее фамилия. Сошлись на двойной фамилии, через дефис. Потом долго решали, чья будет первая, чья вторая. Но все эти споры были зря, потому что нам отказались выдать свидетельства о рождении с такой фамилией, как отказались и прописать Олю вторым родителем. Если бы мы были гражданами Германии, то это было бы само собой разумеющимся. Но так как мы граждане РФ, и малыши граждане РФ, а по российским законам наш брак недействителен, то Олю нельзя указать вторым родителем, и раз нет отца, то фамилия может быть только биологической матери. Так они получили мою фамилию. Даже здесь российское гомофобное проклятие не отпускало. Я предлагала Оле взять мою фамилию, тогда хотя бы мы вчетвером будем с одной фамилией. Она пока думает. Меня очень напрягала мысль, что так как официально Оля не является родителем, то если со мной что-то случится, по закону у детей не будет никого, и их могут забрать. Олю тоже все это очень огорчало. Пришлось оформить усыновление. Оно,

конечно, действует только на территории Германии, в РФ недействительно. И требует целую пачку документов и почти год ожидания, но зато хотя бы здесь, в Германии, Оля будет полноправным родителем.

Дальше надо было сделать малышам ВНЖ, как у нас всех. Иначе они не могли бы никуда выехать. Вернее, выехать-то могли бы, но вот вернуться в Германию уже нет.

Вот тогда начались мои мотания в посольство. Сначала надо было подтвердить их гражданство. Потом перевести свидетельство о рождении и заверить перевод у нотариуса — тоже в посольстве. Потом с этими документами подаваться на загранпаспорта, тоже в посольстве. И только когда паспорта готовы, можно отправлять документы на ВНЖ. На каждый этап нужно по 2 термина, потому что два набора документов. Каждый термин надо ждать неделями, если не месяцами, или отлавливать ежедневно или еженощно случайно освободившееся время. Всем этим я занималась сама. У Оли были свои заботы по разным документам, в основном,

для старших детей или какие-то финансовые моменты — например, подача налоговой декларации или заявление на пониженную ставку налога. Все эти заботы с документами, с одной стороны, меня выматывали, но с другой стороны, была какая-то цель, задача, и мое существование не казалось таким бессмысленным.

Постродовая

Я совсем не узнавала себя. Со времен беременности во мне произошли большие перемены, как физические, так и психические, и было трудно привыкнуть к мысли, что я, возможно, никогда не буду прежней. Я потолстела. После родов живот сначала начал уменьшаться, но медленно и нехотя. И уменьшался только пока я кормила грудью, а это, к сожалению, продлилось недолго. Недосып я компенсировала едой, а на спорт пока не было ни сил, ни времени. Так что о том, чтобы сбросить вес в ближайшее время не приходилось даже мечтать. Мне пришлось почти полностью обновить гардероб, потому что в старые вещи я уже не влезала. Многие старые вещи я отдала Оле. Меня очень огорчал мой внешний вид, и еще больше я грустила от того, что меня это так огорчает. Помню, когда малышу было всего 2 недели, к нам домой пришел в гости наш друг — помочь собрать пеленальный столик. В последний раз мы виделись за пару недель до родов.

И первое, что он сказал: «Почему у тебя все еще есть живот? Я думал, он сразу исчезнет». Я тогда отшутилась, мол, я его восемь месяцев отращивала, он так быстро не сдается. Но меня это замечание задело. Помимо внешности я менялась и психически. Появились какие-то непонятные страхи. После переезда в Берлин я ни разу не села за руль, хотя тут есть каршеринг. Я находила кучу отговорок и объяснений, почему нет, но на самом деле, мне было страшно. После родов, когда я стала выходить из дома, несколько раз я хотела взять электросамокат, но мне стоило больших усилий и нескольких месяцев решиться на это. Мне было страшно. Я не беременна, ничего ужасного, даже если вдруг упаду, но мне все равно страшно. Повышенная чувствительность и сентиментальность осталась почти такая же, как во время беременности. Я не только умилялась до слез на малышей, я сильнее стала переживать истории других людей, особенно если истории связаны с детьми.

Когда малыши уже достаточно окрепли — головки держали уверенно, вес набрали, я стала чаще и охотнее сбегать из дома. Я сбегала при первой возможности. Я все еще не очень понимала, куда податься и чем заняться, но, главное, не дома. Поговорить мне особо было не с кем. Я часто созванивалась с Катюшей или с мамой, но хотелось близкого друга рядом. Нельзя же все на Олю сваливать, ей тоже нелегко. У нас были друзья в Берлине, они все очень хорошие, но почти все бездетные, свободные, им не понять наших проблем и трудностей в полной мере. Чувство усталости было такое постоянное, что я устала от усталости.

Во время прогулок я часто слушала подкаст «Никакого правильно». Как-то послушала эпизод про эмиграцию. Стала примерять на себя. Прошел год, как мы уехали, а я только сейчас начала задумываться о том, что я чувствую. Сначала была беременность и судорожное обустройство жизни для нас и детей. Некогда было думать. И чувствовать

тоже некогда. Просто была пустота внутри. Осязаемая, но еще не осознанная. Будто вырвали большущий кусок. И сейчас, когда я начала, наконец, об этом думать, начало болеть. Мысли были еще пока по поверхности, без глубокого погружения. Потому что если сразу погрузиться, то боль вырастает в такую огромную сосущую пропасть, что становится страшно туда упасть. И я балансировала на краю, как могла.

Оле тоже было тяжело. Только ей приходилось еще и работать. Бывали моменты, когда оба малыша кричали, не могли уснуть, я пыталась уложить одного, Оля второго, но эти крики так действовали на нервы, что мы срывались. Кричали, рыдали, я отбивала ладони о стены, так что руки потом долго гудели. Однажды, Оля ушла с малышами гулять, и они оба никак не могли успокоиться и орали. Это был один из тех дней, когда мы обе были измотаны бессонной ночью. Наверно, у них были колики. Оля не могла их успокоить, и сорвалась. Она кусала себя за руку, надолго оставляя полукруглый след от зубов.

Она кричала, топала ногами. У нее была истерика. К ней подошла пожилая пара. Они посадили Олю, что-то ей говорили, спрашивали. Параллельно укачивали малышей в коляске. Оля не сразу поняла, что они говорили. Они предлагали помощь. У женщины есть знакомая в Югендампт, она может помочь. По страховке нам положена помощь на дому, это можно организовать. Оля немного успокоилась, но такое состояние у нас обеих бывало часто.

Отношения с Берлином

Когда в 1999 году я поступила в МГУ и переехала в Москву, она мне казалась большой и страшной. Слишком большой после моего родного маленького городка на 120 тысяч населения. Полюбить Москву или хотя бы привыкнуть было трудно. Тогда я мысленно поделила ее на кусочки, на районы. Вот есть мой район, м. Университет, Ленинский и Ломоносовский проспекты. Понятный, знакомый, исхоженный. Вот это моя Москва. Потом «мой» кусочек разрастался, иногда менялся, когда я переезжала. Так, потом «моя Москва» была в районе м. Динамо и м. Аэропорт, и зеленая ветка была моим домом. Постепенно «мой» кусочек так вырос, что занял большую часть Москвы, и тогда я могла назвать весь город «СВОИМ».

Вот и сейчас с Берлином было сложно. Никак не получалось его охватить в своей голове. Он все время рассыпался, распадался на сотни лоскутков, которые не сшили вместе, а слегка наметали, едва

скрепили. Берешься за один конец — остальные отваливаются, и вся картина, вся ткань кривится и косится.

Сначала я делала вылазки в центр. Ездила на Потсдамер плац (Potsdamer platz). Это кусочек Нью-Йорка в центре Берлина. Над площадью нависают стеклобетонные здания, а в их ногах суется офисные работники вперемешку с туристами. Гуляла по музейному острову. Даже зашла в собор и поднялась на самый верх, обошла весь купол и посмотрела на разношерстный Берлин оттуда. Посетила музей Чекпоинт Чарли (Checkpoint Charlie), место, где был один из официальных пограничных пунктов между западным и восточным Берлином. Несколько залов в этом большом музее посвящены тому, какими хитрыми способами люди перебирались из ГДР в ФРГ. Машина со следами пуль, которая прорывалась через границу. Машина, багажник которой переделали так, чтобы в него влез один человек. Смежные чемоданы, соединенные между со-

бой так, что там мог лежать человек — такой чемодан не перенести, конечно, но в поезде, на багажной полке, прокатывало. Потом шире — как перебирались из социалистических стран в демократические. Несколько залов о мирных способах борьбы с властью: Сахаров, Ганди, Герника Пикассо. А в конце штук пять залов, посвященных войне в Украине: русские процессы, фабрикация дел, вывоз детей, Буча. Но сильнее всего мое сердце поцарапала простая фотография, на которой простреленный знак: вулиця Черняховского, 10. Наша квартира в Москве была на улице Черняховского. В этой фотографии все объединилось: война, стрельба на мирных улицах, наш дом, которого у нас больше нет. Пусть нам лично никто не угрожал, в наш дом не попала бомба, мы не убегали от выстрелов, и нашу беду невозможно сравнить с бедой тех, кто физически пережил войну. Но нас лишили будущего в родной стране. Нас лишили страны.

Когда мы только уехали, мама иногда пыталась со мной говорить о спецоперации, о том, чтобы я не

забывала родину, о том, что надо поддерживать свою страну. А я не смешиваю правительство, которое я не выбирала, и родину. Я не хочу жить в стране, которая нападает на соседнюю страну, которая отправляет тысячи своих граждан умирать на бессмысленной войне, чтобы убивать других, очень близких нам людей. Я не хочу платить налоги, на которые покупают вооружение и платят генералам. Я люблю свою родину, и мне больно видеть, во что она превратилась. Так что я запретила маме говорить со мной об этом. Не хватало еще из-за этого с близкими ругаться.

Потом я стала часто гулять без плана. Приезжала на какую-нибудь станцию метро, выходила на улицу и бродила бесцельно. Почти всегда неожиданно натыкалась на что-то интересное. Как-то после утра, проведенного в кормлении, вытирании поп (о, благословенные какашки!) и укладывании близнецов спать, я поехала гулять неподалеку от Бранденбургских ворот. Там есть одно хипстерское кафе, где тихо и уютно, и кофе вкусный. В кафе не оказа-

лось мест, я пошла бродить дальше и набрела на мемориал памяти погибшим в Европе евреям. Столько раз ходила мимо него, но никогда не заходила внутрь. Ноги сами свернули и повели между серых тумб с острыми углами и идеально ровными краями. Так просто и так жутко. Мемориал занимает довольно большую площадь. По краям низкие тумбы. Потому что все самое страшное начинается с малого. Потом все выше и выше, и в самом центре совсем высоченные, выше человеческого роста. Среди них особенно хочется смотреть в небо. И небо кажется особенно красивым и недоступным. Весенний холод прогонял людей дальше. Побродят, снимают, но долго не задерживаются. А летом на этих тумбах сидят, лежат, пьют пиво, курят, болтают и смеются, будто во дворе на лавочках. Потому что жизнь продолжается. Потому что жизнь сильнее смерти. Потому что жизнь несмотря на и вопреки. Но еще важнее память. Потому что без памяти нет жизни. Я где-то читала, что эти тумбы сделаны из бетона особого состава, что им не страшны вода и

краска. Любое граффити смывает первым же дождем. Все исчезнет, а они останутся. Жутковато.

А через дорогу от мемориала Холокосту, на окраине Тиргартена (Tiergarten), есть еще один мемориал, едва приметный, но не менее страшный — мемориал в память погибшим геям. Будто продолжение мемориала с тумбами. Только этот памятник стоит одиноко, обособленно. Скрытый деревьями большой черный куб неправильной формы, в нем маленькое черное окошко. В окошке черно-белое видео: на первом плане целуются двое парней, а на заднем — хроника с казнями и трупами геев.

Ведь в концлагеря отправляли не только евреев. Туда ссылали также геев и лесбиянок. Интересный факт: сначала реабилитировали всех евреев. То есть, официально признали, что их массовое уничтожение было несправедливым и незаконным. Геев реабилитировали только в 80-е, если не в 90-е. А до этого по умолчанию было как бы нормально, что их отправляли в лагеря. Лесбиянки не реабилитированы до сих пор.

Оля

Строго говоря, я не лесбиянка. Но меня всегда интересовали женщины. Мужчины тоже, но об интересе к мужчинам на Родине можно открыто говорить, а о женщинах нет. Получалось, что я говорю полуправду. И я настолько глубоко загнала эту часть себя внутрь, что мне иногда казалось, что этого и не было вовсе. Хотя я влюблялась в женщин, я даже целовалась с девушками, но всегда находила этому объяснения и убеждала себя, что это у всех так, это такая «фаза», и что я «нормальная». Я смотрела лесбийские фильмы и сериалы или те, где есть лесбийская линия или хотя бы намек на нее. Я не просто смотрела их. Я знала, на какой минуте будут «те самые взгляды», на какой поцелуи, на какой эротическая сцена. Но несмотря на это, многие годы романтические отношения у меня были только с мужчинами. Правда, отношениями это трудно назвать. Настоящие отношения у меня были только один раз, продлились аж семь лет и закончились разбитым

сердцем. Моим разбитым сердцем. А после них были совсем короткие или странные отношения, все основанные на сексе. На средненьком сексе, кстати. Ни с одним мужчиной у меня не было оргазма. Никогда. Ни разу. Даже с тем, с которым я семь лет прожила в гражданском браке. Но я все равно продолжала встречаться с мужчинами, каждый раз надеясь, что на этот раз будет что-то настоящее, а не как обычно. После очередного такого разочарования я впала в депрессию. Месяц никуда не ходила, кроме работы. Я забросила спортзал, хотя до этого почти жила там. Я не встречалась с друзьями. Приходила с работы домой, ложилась на диван, включала айпад и пялилась в него до глубокой ночи. Не помню, чтобы даже что-то ела по вечерам. Обычно я смотрела один аргентинский сериал про пять сестер, которым в наследство достался отель. Одна из сюжетных линий была лесбийской, вот ради нее я и смотрела весь сериал. Вернее, я только ее, эту линию, и смотрела, все остальное перематывала. Я как будто сдалась, перестала бороться с собой,

устала барахтаться против течения. Наконец, я признала. Я не лесбиянка, но девушки мне тоже нравятся. Я хотела знать точно, насколько сильно они мне нравятся. И тогда я переставила в Тиндере галочку с мужчин на женщин.

Я переписывалась с несколькими девушками, но до встречи не доходило — переписка затухала сама собой. Первое свидание с девушкой было интересным, но без огонька. Девушка мне понравилась, но сексуального влечения я не почувствовала. Мы даже встретились с ней еще раз, проболтали несколько часов, потом попрощались, сели в разные такси и больше никогда не виделись.

Я уже начинала думать, что это все-таки не моя история, как вдруг появилась Оля.

Наша переписка не была похожа ни на какую другую, а было у меня их немало. Мы понимали друг друга с полуслова. Как будто я ее уже знала лет сто. С ней было легко и интересно. Мы шутили, рассказывали друг другу о своих вкусах и увлечениях, находили много общего, много совпадений.

А потом было первое свидание. Мы встретились в метро, на станции Тверская. 23 мая 2019 года. Я страшно волновалась. А вдруг она вживую мне не понравится? А вдруг я разочаруюсь? Она приехала на встречу после работы, в брюках и рубашке, такая красивая и женственная, что у меня дух перехватило. И тогда я заволновалась еще больше — а вдруг я ей не понравлюсь? Вдруг она разочаруется?

Мы пошли ужинать в кафе «Счастье на крыше», рядом с Пушкинской площадью. Сидели на веранде, пили вино и разговаривали. Мне очень хотелось протянуть руку и провести по ее темным волосам. От волнения я болтала без умолку. Она мне рассказывала про свою жизнь, про детей, я рассказывала о себе. Мне хотелось все-все ей рассказать, но вечер был слишком коротким. Возвращались домой мы вместе, потому что было по пути — я жила на «Динамо», она на метро «Аэропорт». Помню, я так много болтала, что в какой-то момент она взмолилась:

— Ты очень интересно рассказываешь, но я больше не могу воспринимать столько информации!

Она вышла со мной на «Динамо», чтобы пройтись пешком. Мы разошлись посреди Петровского парка, на кольце. Я потом долго не могла уснуть. Вспоминала все, что Оля говорила, вспоминала ее лицо, ее руки, ее губы. Мне ужасно хотелось ее поцеловать. Но я боялась, что могла отпугнуть ее своей болтовней. А вдруг она больше не напишет? А вдруг мы больше не увидимся?

Но она написала. На следующее же утро. Прислала видео под песню Дианы Арбениной со словами: «хотелось поделиться с тобой красотой». И мы продолжили переписываться.

- У меня очень серьезный вопрос.
- Какой?
- Гарри Поттер?
- Хорошо, очень хорошо.
- Теперь у меня серьезный вопрос. Земфира?
- Очень положительно.
- Супер!

Мы отправляли друг другу музыку, статьи, смешные или трогательные картинки.

Второе свидание было назначено через день после первого. Я решила, что должна ее обязательно поцеловать. Но я все еще была, что называется, closeted, а первый поцелуй — это что-то очень важное и хрупкое. Нельзя, чтоб спугнули. И тогда я придумала план. Я решила, что лучше всего для первого поцелуя подойдет моя машина. Я припарковала ее у метро, чтобы после свидания мы сели в машину, и я отвезла бы ее домой. И поцеловала бы.

Мы встретились снова на Пушкинской площади. На Оле был синий мохнатый свитер и джинсы. Она сидела на скамейке с ногами, скрестив их и опираясь локтями о колени, и что-то читала в телефоне. Еще более красивая, чем в прошлый раз. От нее чудесно пахло, и глаза ее все время улыбались, даже если губы говорили что-то серьезное. Мы пили чай и курили кальян. Потом доехали на метро до «Динамо». Я настояла на том, чтобы подвезти ее домой на машине, хотя там и пешком было недалеко. Мы выехали из Петровского парка на Ленинградку, свернули на улицу Константина Симонова, потом на

Красноармейскую, потом на Супруна. Когда машина остановилась, я повернулась к ней и поцеловала. Вот так просто.

Потом она вышла из машины и пошла домой. Я поехала к себе, открыв окно и высунув руку. Теплый ветер ласкал мою ладонь. Мне как будто снова было семнадцать. А это был первый в моей жизни поцелуй.

С тех пор мы виделись почти каждый день, потом как-то незаметно стали жить вместе. Пол недели в моей квартире, пол недели в её, когда были дети. Когда пришел ковид, я переехала к ней насовсем, вместе с кошкой. Больше мы не расставались. Пережили много всего: в первую же волну заболели ковидом. Потом умерла моя любимая кошка, которая была со мной почти шестнадцать лет. Потом мы делали ремонт в новой квартире. Переезд, путешествия.

Через два года знакомства мы поженились. В Мексике, никому ничего не сказав, только мы вдвоем. Мы женились в сказочно красивом месте,

читали друг другу клятвы, плакали, конечно, и были счастливы. В России наш брак, к сожалению, недействителен. Зато действителен во всех цивилизованных странах. В том числе в Германии.

Депрессия

И вот мы тут, теперь уже с четырьмя детьми. Причем, не пол недели, как было в Москве, а 24 на 7. Именно моя жена заметила, что со мной что-то не так. Она сначала рекомендовала мне, очень деликатно, послушать подкаст «Никакого правильно» (очень хороший подкаст про ментальное здоровье матерей, очень всем рекомендую). Потом подсовывала тесты. По ним получилось, что у меня тяжелая депрессия. Сейчас мне странно, почему я сама этого не поняла. Когда я была еще беременна, я читала, что у матерей близнецов гораздо больше вероятность послеродовой депрессии, что логично. Там описывались полярные варианты: когда мать не может видеть своих детей, просто не переносит ни их плач, ни на руки взять не может, и когда мать, наоборот, никого не подпускает к малышам и окружает их гиперкопкой. У меня было ни то, ни другое. Мне было просто тяжело жить. Да, я не могла стопроцентно

уделять внимание малышам, но я всегда осознавала, что люблю их, и бывали минуты, особенно когда они спали, когда я не могла на них насмотреться. Но и оставляла я их довольно спокойно. С чувством вины, да, но без паники. Когда я поняла, что у меня депрессия, я не испытала от этого знания никакого облегчения. Наоборот, я подумала о том, что мне еще и эту проблему решать. Где взять силы? Найти психотерапевта в Берлине та еще задачка.

Я стала совсем плохо спать, еще хуже, чем раньше. Не только из-за малышей. После того, как они ночью меня будили, я потом не могла заснуть. Это так мучительно, что иногда я просто плакала в подушку. Тихонько, чтобы Олю не разбудить. У малышей начались колики, из-за этого их стало невозможно кормить грудью одновременно — слишком вертятся. Только по очереди. Это увеличило время кормления, иногда аж до двух часов. Когда спать — не понятно. А с бессонницей все вообще стало мало похожим на реальность. Какой-то бесконечный кошмарный сон, который никак не закончится, никак не отпустит.

Я перестала радоваться. Стала заставлять себя делать хоть какие-то физические упражнения — приседания, отжимания. Иногда прямо посреди занятий мне вдруг становилось так тоскливо, что я все прекращала. Если шла куда-то погулять или в музей, то вдруг, посреди всего, мне хотелось все бросить и уйти. Все равно куда. А иногда, наоборот, такой подъем, такая активность, столько энергии и воодушевления, а потом бум — и я падаю еще ниже. Я стала страшно злиться на себя из-за этого. Ведь все хорошо! У меня замечательная семья, понимающая и поддерживающая жена, здоровые дети. Я могу себе позволить не работать, могу даже бывать одна. И друзья вроде есть. И все равно почти каждый день я чувствовала себя несчастной.

Я очень соскучилась по холостой жизни, когда не было забот. Тяжело не принадлежать себе. Малышам всего три месяца, а я устала от материнства. Устала от постоянной гонки: покормить, уложить, сменить подгузники, уговорить старших поест мясо, отправить их мыться, уложить спать. Мы как-

то отдалились с Олей друг от друга. Перестали говорить о важном, все время какие-то дела и заботы. Обе измучаны и физически, и морально. На секс вообще сил нет. Даже хотеть его сил нет.

Я много стала думать о своей жизни. Раньше столько всего было: музыка, писательство, работа, спорт. Где все это? Ничего не осталось. И еще это постоянное чувство вины. Каждый раз, как куда-то уйду одна, ощущение, что я что-то украла.

Все говорят, что вот родишь, и будет тебе счастье. Будешь умиляться и целовать розовые пятнышки, чувствовать глубинную связь с ребенком, что это уникальные, ни на что не похожие отношения. И это все так, конечно. Но только это полуправда. А полуправда — это все равно что ложь. Потому что есть еще хроническое недосыпание, о котором почему-то никто не говорит. Становишься серой с черными кругами под глазами зомби-пандой. Есть однообразные задачи, которые никогда не кончаются, как вода в водопроводе. Покормить, переодеть, раз-

влечь, выгулять, уложить спать, покормить, переодеть, развлечь, выгулять, уложить спать. И так бесконечно. Просто по мере того, как растут дети, в этот список добавляются новые глаголы, и твоя цепочка действий становится длиннее, но суть, во многом, та же. Никто не говорит, что ребенок не просто плачет, что он орет. А еще лучше, когда у тебя близнецы, и оба орут. А когда они орут, это можно потерпеть ну минуту. Ну две. А потом ты превращаешься в кричащее животное. Ты уже не нежная любящая мама. Ты хлопаешь дверью, мечешься по комнате в бешенстве, рыча и рыдая одновременно. И в такие моменты ты ненавидишь всё и всех. Даже их. Ты ненавидишь свою жизнь. Потом эта волна сходит, и тебя накрывают чувства вины и стыда новой волной. Ты грызешь себя: «Я плохая мать!» и находишь этому миллион подтверждений. А твоя жизнь уже не ненавистна, а противна или даже страшна. Страшна тем, что это навсегда. Материнство — это навсегда. Ответственность навсегда. И никто тебе не поможет, потому что у всех нормально все, это ты какая-то не

такая, неправильная, сломанная. И ты чувствуешь себя жутко одинокой, даже если с тобой рядом любимый человек, потому что этот любимый человек чувствует то же самое и помочь тебе не может, даже если очень хочет.

А потом эти орущие раскрасневшиеся создания успокаиваются и засыпают. И ты не можешь оторваться от их пухлых щечек и косолапо сложенных пяточек, взлохмаченных причесок и сопящих носиков. И ты уже вся — любовь к этим малявкам, по самое горло, аж сглотнуть не можешь. И ты понимаешь, что ради них и не такое выдержишь. И ты не представляешь ни мгновения жизни без них.

И все вот это — в течение нескольких минут. Так и рехнуться недолго.

А потом у меня закончилось молоко. Само собой. Четыре месяца я кормила детей грудью, все надеясь, что молока будет больше, и я смогу обходиться без смеси, и мы перейдем полностью на грудное вскармливание. Но его, наоборот, вдруг становилось меньше и меньше и оно, наконец, совсем

исчезло. Я попробовала бороться: чаще сцеживаться, больше пить воды и все такое. Ничего не помогло. Да и сил на борьбу не было. И я сдалась. И это оказалось очень тяжело. Я стала думать, что все получается не так, как я хотела. Я хотела рожать естественным путем, а пришлось делать кесарево. Хотела кормить грудью до года, а молока едва хватало на одного, и оно закончилось через четыре месяца. Я чувствовала себя лузером. Что я подвела моих мальчиков. А еще было в кормлении грудью что-то интимное, только я и малыш. И вдруг раз — и исчезло. Тогда я стала перед сном брать малышей по одному на руки, прижимать к себе и ждать, когда они начнут засыпать, и только потом перекладывать в кроватку. Даже ночью, когда они просыпались, Оля кормила их прямо в кроватке из бутылочки, а я всегда доставала и держала на руках, чтобы было почти как раньше.

Зато спать стала лучше, это важно. Но почему-то совсем не утешало.

И во всем у меня была какая-то двойственность. Умилялась агуканью и улыбочкам малышей до слез, а мамой до сих пор себя не ощущала. Обожаю детей, но скучаю по прежней жизни. Хочется, чтобы они поскорее подросли, начали ходить и говорить, а с другой стороны, хочется наслаждаться тем, какие они умильные крохи сейчас. Скучаю по временам, когда они были малюсенькие сморщенные куколочки. По беременности скучаю, когда они вроде уже есть, но внутри, надежно спрятанные, и у тебя есть еще твоя свобода и мобильность. А беременной мечтала скорее родить, чтобы вернуть свое тело. И так во всем. Неужели так теперь всегда будет? Дома хочется скорее уйти и побыть одной, а как ухожу, так перед глазами стоят личики моих ладных ангелочков, и стелется за мной их запах. А как только засыпают, достаю телефон и смотрю фото и видео с моими малышами.

Как-то я сидела в кафе и вошла женщина с коляской. Мне сразу же стало ее жалко — такой у нее

был замученный вид. Крупный ребенок около 7 месяцев только-только начал пробовать голос, поэтому время от времени громко вскрикивал коротким резким «Уа!». Она заказала кофе и села за соседний столик, вяло реагируя на каждое «Уа!» тихим «тсс». Взгляд мутный, лицо помятое, как у человека, который плохо спал, если, вообще, спал. Причем, возможно, не только сегодня. Она достала из коляски подушку, положила ее на сумку, сумку на диванчик, и легла, продолжая чуть катать коляску. Мама устала. Минут через десять работница кафе попросила ее подняться, хотя никого не было, кроме нас. Женщина стала безропотно собираться. Мне ужасно хотелось сказать что-то ободряющее, но я не знала, как сказать это по-немецки, и пока я подбирала слова, она уже ушла.

Я знаю, что есть немало людей, которым хуже, чем мне. У которых хуже ситуация, меньше помощи и меньше возможностей. Но от этого не легче. Со всем.

Шарлоттенбург

А в Берлин пришло лето. Пришло рано и быстро. Мои вылазки из дома все больше сосредоточились в нашем районе — в Шарлоттенбурге. Мне нравится Шарлоттенбург. Нравятся дома с высокими окнами и выпуклой красотой на фасадах. Нравятся уютные кафешки. Нравится зелень.

В центре Шарлоттенбурга есть Schloss, что означает «замок». Это никакой не замок, конечно, но дворец. Король Фридрих Первый построил его для своей жены Софии Шарлотты, недалеко от Берлина (тогда это был пригород). Рядом с рекой Шпрее, чтобы можно было по реке приплывать сюда прямо из дворца в Берлине. Сначала он был совсем маленький, королева оставалась здесь всего пару дней, не больше. Но ей там так понравилось, что дворец постоянно достраивали (кухня, дома для прислуги, дополнительные спальни и комнаты, оранжерея), чтобы можно было проводить все лето.

София Шарлотта была интересной личностью. Она владела французским, английским и итальянским языками, очень любила искусство, философию и науки. У нее постоянно бывали известнейшие поэты, музыканты и ученые. Лейбниц, например, был ее ближайшим другом. С королем у нее особой близости не было. Он, вообще, мог появляться во дворце только по приглашению королевы. Сам заявиться не мог. Она умерла довольно рано, ей было всего 37. После ее смерти король стал постоянно бывать в этом дворце, любил принимать здесь самых важных гостей. Говорят, наш Петр Первый тоже здесь бывал. После смерти Софии Шарлотты Фридрих снова женился. Но первый брак был для него очень важен. Не потому, что он любил жену, а потому, что София Шарлотта была из знатного древнего рода, в отличие от самого Фридриха. Поэтому, чтобы подчеркнуть свою принадлежность к этой семье, он построил в парке дворца мавзолей для своей умершей жены. Она, правда, не там похоронена, а в соборе в центре Берлина. Но все же.

Во вторую мировую войну дворец сильно пострадал, потом его долго и очень бережно восстанавливали. Самое красивое во дворце — это центральная башня с ротондой внутри. Прямо в ее купол в войну попала бомба, но сейчас он целый и невредимый и считается одним из символов города. Зеленый купол с часами и золотой статуей Фортуны на макушке. Внутри дворца в войну все ценное, конечно, было растащено либо сгорело в бомбежку. Сейчас туда привезли мебель из других дворцов, так что интерьер почти восстановили. Теперь это музей не только дворца, но и самой Германии, Пруссии, Саксонии. Но исторические залы я бегом пробежала. Я все равно не запомню, какой король был из какого рода, с кем породнился, кто был после кого, какие были войны и почему. Мне интересно, как люди жили. Как украшали свой дом, из какой посуды ели. Здесь были очень интересно украшены потолки. Иногда с 3D эффектом, что необычно для дворцов вообще и для того времени в частности. Как будто облако наползает или свешивается туша убитого на охоте оленя. У каких каминов люди

грелись, на каких кроватях спали, в какие зеркала смотрелись.

Еще здесь восстановили парк. Сейчас в парке гуляют туристы и местные. Стройные спортсмены в обтягивающих трико пробегают мимо гипсовых толстеньких младенцев с толстыми ручками и толстыми ножками.

Часть парка — это открытое пространство перед замком с клумбами идеальных геометрических форм и деревьями, подстриженными в неестественные для них формы шаров и конусов. Посередине этого парка большой фонтан, и тянется он от дворца до озера. А есть другая часть, мне она больше нравится. Это густые деревья, местами настолько дико разросшиеся, укутанные кустами и высокими травами снизу, будто это не парк вовсе, а самый настоящий лес. Он окружает озеро и неравномерно окаймляет всю территорию дворца. У озера есть кованые скамейки с подлокотниками в виде собачьих голов. На этих скамеечках приятно посидеть летом, подставив лицо солнцу и, щурясь, смотреть на плавающих по глади озера уток.

Вообще, населенный пункт, в котором построили дворец, Шарлоттенбургом стал называться в честь королевы после ее смерти. До этого он назывался Литце (Litze). Отсюда название еще одного озера в этом районе — Литцензее (Litzensee). Оно мое любимое. Здесь часто бывает семья лебедей: двое родителей и четверо лебедят. Прямо как у нас.

Я часто ходила в одно кафе недалеко от Лицензее. Именно там я впервые, с тех пор как мы уехали из Москвы, почувствовала, что живу в Европе. Я любила сидеть за столиком на улице, в тени липы. Книжка и допитая чашка кофе в солнечных пятнах. Поглядываю на хорошенькую официантку и слушаю колокольный звон из соседней церкви. Иногда в такие моменты я даже чувствовала покой. Хорошо. Кафе находится на перекрестке. Как будто я все время в центре событий, но наблюдаю со стороны. Иногда на перекрестке полная тишь и никого, а иногда машины никак не могут разъехаться, стоя в странных положениях посреди перекрестка, пытаюсь изгибать машину, будто она резиновая, чтобы

протиснуться. Иногда интересно наблюдать за посетителями кафе. Как-то видела пожилую пару за соседним столиком, за 80. Она в инвалидном кресле, он моложавый и бойкий. Оба очень спокойные. Какая-то осязаемая близость между ними, как кокон, защищает от окружающего мира. Это во всем чувствуется. В том, как они смотрят друг на друга, в том, как сидят, слегка наклонившись друг к другу. В том, как он приближает к ней лицо, когда что-то говорит. В том, как кормит ее с вилки или дает ей попить из стакана через трубочку. В том, как лежит его рука на ее колене, пока она задумчиво смотрит то ли вдаль, то ли вглубь, в прошлое, а он подносит другой рукой сигарету ко рту и выдыхает дым в сторону, чтобы на нее не дымить.

Обычно в «свое» кафе я проходила по площади Софи Шарлотте. На площадь углом выдается большой старый дом с серыми выступами балконов и эркеров. В нижней части он опирается на небольшие толстенные колонны, и по периметру украшен мелкой золотой мозаикой. Этому дому 105 лет. Напротив него, на другой стороне Кайзердамм

(Kaiserdamm), стоит такой же старый полицейский участок, больше похожий на замок, только без башен. В верху главного фасада большие человеческие фигуры в тогах. Потом я сворачиваю на Суаресштрассе (Suarezstraße) и иду вдоль антикварных магазинов. У каждого здания свой цвет, рисунок и рельеф, нет ни одного одинакового. На некоторых сохранились барельефы и другие выпуклые украшения, на остальных вся эта красота пропала в войну. Во всех домах просторные парадные. Именно парадные, а не наши московские подъезды: потолки по 5, а то и 10 метров, мраморный пол, деревянная или каменная лестница гордо огибает шахту лифта в узорной решетке.

Мне нравится Шарлоттенбург. Тихая его часть, подальше от кричащего Кудамма. В нем есть что-то аристократическое, историческое, эмигрантское. Нравятся здания альтбау с высокими потолками. Размеренный ритм, как будто это все еще отдельный городок. Нравится забредать в маленькие улочки с их толстенными платанами или каштанами. Есть в них что-то староевропейское.

Няни

Иногда мне казалось, что я живу только в эти редкие минуты, когда гуляю одна. Часто так не хотелось возвращаться домой, что я плакала. Если бы не наши няни, я не знаю, как бы я выжила. Как бы мы выжили. Они все очень разные, со своими непохожими друг на друга историями.

Карину я уже упоминала. Она очень быстро и довольно легко поладила со старшими. Потом призналась мне, что поначалу переживала, что не справится с Ваниными особенностями. Но все оказалось не так уж страшно. Ваня ее слушался, они ходили гулять, иногда ездили в парки и музеи. Антон так, вообще, Карину не хотел отпускать. До слез расстраивался, когда она уходила. Говорил, что она должна бросить вторую работу в другой семье, потому что нам она нужнее. К счастью, примерно так потом и получилось — с осени Карина работала у нас уже полный день.

Но пока Карина была всего пол дня, и остальное время надо было как-то справляться.

Самой нашей ценной находкой в Берлине стала Лариса. Невысокая, светловолосая, чуть старше меня. Она переехала сюда с мужем и младшим сыном (старший уже давно живет в Берлине с женой) за два месяца до войны как поздние переселенцы — у Ларисы немецкие корни. Нам как-то с первого дня было легко с ней, как будто мы нашли «своего» человека. Лариса работала в Москве учительницей в младших классах. Мы ей сразу предложили заниматься с Ваней и Антоном. С Ваней у них были прямо полноценные уроки, пока он сидел без школы. Они даже аттестовали его онлайн за 4-й класс по всем предметам. С Антошей она больше занималась чтением и немного помогала с домашними заданиями. Когда мы лежали в роддоме, Лариса несколько раз оставалась у нас ночевать и присматривала за мальчишками. Когда близнецы подросли, то она стала сидеть иногда с ними, чтобы мы могли с Олей

сходить куда-нибудь вдвоем. Все наши дети ее обожают.

Есть еще у нас Олеся. Она молдаванка, но свободно говорит по-русски. Высокая, очень худая, немного нервная — она часто страдает от панических атак. У ее брата шизофрения, так что иногда она должна помогать маме смотреть за ним. Я ее очень хорошо понимаю: с паническими атаками сама живу много лет, и у меня был дядя тоже с диагнозом шизофрения. Но свою работу она делает хорошо и ответственно. Только с пунктуальностью не всегда дружит, но это мелочи. Изначально мы ее наняли убирать нашу квартиру — это ее основной источник дохода. Иногда она сидит со старшими мальчишками, правда, они ее не очень хорошо слушаются. Ваня так вообще при ней творит дома все, что хочет. Так что со старшими мы ее сейчас редко приглашаем посидеть. Но по-настоящему ее потенциал раскрылся с младшими. Они обожают с ней играть, они могут так разыграться втроем, что забудут, что

пора спать ложиться. В какой-то момент мы ей предложили работать няней с малышами на постоянной основе по выходным на пол дня. Ей такая работа нравится куда больше уборки. Она даже уволилась из музея, где убирала по выходным.

Олеся с Ларисой, к сожалению, в будни редко могли помочь с детьми, разве что вечером. Так что, пока Карина была всего пол дня, мы наняли аж двух дополнительных нянь. Одна была украинка Зоя. Педагог, как она гордо заявила. А потому она как-то через силу и только по просьбе могла прибраться или приготовить старшим поесть. У меня было ощущение, что ей не нравится эта работа, она как будто через силу ее выполняла. Думаю, дети это чувствовали. Второй был болгарин Клим, пахучий молодой человек, имевший за спиной опыт работы аниматором для детей. Он раз в неделю отводил Ваню на занятия, которые мы нашли пока вместо школы. После визитов Клим приходилось проветривать квартиру. Попросила Клим как-то сварить старшим ма-

кароны. Обнаружила потом почти полную пачку сваренных макарон в дуршлагае в раковине. Готовка явно не его сильная сторона. Но зато Ваня его слушался. И я могла уложить малышей, пока эти горяченьки развлекали старших.

Засыпали малыши около 18–18:30. После этого у меня был час затишья, который я обычно пряталась на балконе с книжкой.

Балконов у нас два. На один балкон выход из гостиной и детской старших, а на второй из нашей спальни и детской малышей. Я пряталась на втором. Приоткрывала дверь в детскую, чтобы услышать, если малыши вдруг проснутся. При этом достаточно далеко от детской старших, чтобы какое-то время меня никто не дергал. Идеально. С балкона был умиротворенный вид на черепичную крышу особняка посольства Намибии. Зимой из трубы посольства шел дым. А летом на этой трубе каждый день пела маленькая птичка. На рассвете и на закате. Громко, заливисто. Это было лучшее время дня: уходящее солнце подкрашивает небо, пение

птицы, книга на коленях. Когда птичка смолкала, город тоже потихоньку стихал. Машины на Райхштрассе (Reichstraße) ездили все реже. Город медленно засыпал. И я вечером была спокойнее. Когда двое детей уже спят, с другими двумя справиться легче.

Но днем я часто срывалась. Обычно на Ваню. У него был период любимой темы — малыши. Только о них и говорил: кто когда родился, какие они хрррупкие, что они много спят, что Ваня хочет их поносить и потрогать. Все это умильно, с одной стороны, и мы были рады, что оба старших сына с такой радостью приняли малышей. Но, с другой стороны, Ваню надо было постоянно контролировать, чтобы он втихаря не взял малыша на руки или не разбудил. Иногда контролировать было трудно. И тогда я срывалась. Могла наорать на него. Если совсем был неконтролируемый, иногда запирала его в туалете на несколько минут, чтобы успокоился. Могла быть с ним резкой или даже грубой. На Антона почти никогда не срывалась, потому что он был ниже травы,

тише воды. Вероятно, боялся, что я могу и на него наорать, как на Ваню. Потом страшно переживала. Так переживала, что меня трясло. Иногда кричала, если малыши ныли нон-стоп. Просто в воздух, не на кого-то конкретно. Малыши пугались и плакали еще больше. Я била себя или стены. Было больно.

Книжные

Моей отдушиной были книжные. Я люблю читать, но читаю периодами. Могу подолгу ничего не читать, а могу читать запоями. То есть, при любой возможности, захлеб. А еще книга должна быть обязательно бумажной. Я понимаю всю малофункциональность бумажных книг и то, что от них пыль и все такое. Слышала все эти аргументы сто раз, но для меня книга должна быть в бумажном виде. Мне нужно ее держать в руках, трогать страницы. Здесь все важно: твердый переплет, плотная бумага, достаточно крупный шрифт и, конечно, запах. Никакая аудио- или электронная книга этого не даст. Книга только тогда для меня существует как отдельная сущность, когда ее можно руками открыть, прочитать и закрыть после последней страницы. В Москве у нас осталась довольно приличная библиотека. Книг мы покупали так много, что не успевали прочитывать. Особенно мы любили букинистические магазины. Там за недорого можно откопать

настоящие бриллианты. Мечтаю когда-нибудь перевести сюда нашу библиотеку. Хотя мы и тут уже накупили немало книг, но, как говорит Екатерина Михайловна Шульман, когда мы, эмигранты, перевезем сюда свои библиотеки, многих книг у нас будет по две. Но это когда еще будет. Я довольно быстро перечитала те книги, что взяла с собой, да и Ваня у нас страстный любитель книг, так что найти книжный с книгами на русском было важно. И они, конечно, есть.

Самый старый — это «Геликон» в Шарлоттенбурге. От нас до него минут 15 на автобусе. В основном, новые книги, иногда бывает немного букинистических. Там обычно сидит немолодая советской закалки женщина или ее сын, тихий такой книжный червь. Поначалу мы там были частыми гостями.

Летом открыли книжный в восточной части Берлина — «Бабель». Мы были на открытии, купили несколько книг. Но больше туда не ходили — магазин крохотный и далековато от нас.

А несколько месяцев назад в Русском доме, что в самом центре Берлина, открыли большой новый книжный «Много книг». Там довольно большой выбор, но тоже не ближний свет.

Иногда хожу в книжный, чтобы просто походить среди книг, потрогать их, полистать, посмотреть. Не обязательно даже что-то покупать (хотя я редко выхожу из книжного без покупок). Бывает грустно, что у меня память не как у Дмитрия Быкова или уже упомянутой Екатерины Шульман. Многие имена авторов мне знакомы, и я даже могу на автомате сказать, какое название будет на обложке. Иногда просто чувствую узнавание. Но о чем эта книга? Даже если я ее читала, особенно в школе или в студенчестве, то не факт, что я помню, о чем она. Иногда помню только впечатление — понравилось или не понравилось, легко читалось или приходилось продирается через страницы. Песнь о нибелунгах. Повесть временных лет. Гаргантюа и Пантагрюэль Рабле. Как много хотелось бы перечитать, но еще

больше хочется прочитать нового или заполнить пробелы в старом.

А еще есть, конечно, «Дуссман» (Dussman). Это огромный книжный магазин в центре Берлина, на Фридрихштрассе. Пять этажей книг, в основном, конечно, на немецком, но есть уголок с книгами на русском, украинском, испанском, итальянском и французском. И довольно большой отдел на английском. На русском мы здесь редко берем, а на английском уже целый шкаф книг собрали. Снаружи здание выглядит вполне современным, построено в конце 90-х. Но внутри мне почему-то всегда веет стариной от деревянных лестниц. Там есть уютные уголки, где можно сесть и прямо на месте почитать книгу в мягком кресле или на диванчике. Оля всегда ходила в этот магазин, когда приезжала в Берлин. Это одно из ее любимейших мест.

Блошки

А еще я езжу на блошинные рынки. Антикварные магазины я тоже люблю, но как музеи. Там слишком дорого, чтобы что-то купить, но всегда много интересного. А вот блошка — это еще и азарт охоты. Никогда не знаешь, что найдешь. Иногда можно удивительные вещи найти за бесценок.

В Москве на блошках мы закупали виниловые пластинки, собрали немалую коллекцию классической музыки и детских сказок. Жаль, пришлось оставить. Как и печатную машинку.

В Берлине я несколько раз была на блошке в Мауэрпарке (Mauerpark) и рядом с метро Тиргартен. Первая больше, но последняя к нам ближе, поэтому на ней бываю чаще. Продавцы на блошках делятся на два типа: спецы и барахольщики. Спецы — это те, кто понимает ценность того, что они продают. Часто имеют специализацию: например, только картины или только фарфоровые статуэтки или только посуда. Они хорошо знают, что, на самом деле, сколько

стоит и знают каждую вещь на своем прилавке. Барахольщики скупают товар скопом (обычно у родственников умершего), наваливают товар кучами в коробки, плевать, если что-то сломается или разобьется — настолько дешево им весь этот товар достается. Они понятия не имеют, что продают и сколько что стоит, поэтому цену придумывают на ходу. Зато у них можно найти что-то ценное и сторговаться на небольшую цену. Так я купила часы-луковицу и несколько небольших картин. Не шедевры, конечно, но довольно интересные. Антоша тоже со мной иногда ездит, я ему машинки покупаю. С Олей мы как-то купили часы-будильник всего за 30 евро. Потом нашли в интернете, что это часы начала XX века. Купили и большие картины, с ними квартира имеет более законченный и уютный вид. И они точно лучше любых икеевских картинок. Мечтаю, что когда-нибудь у нас будет собственный дом, и мы накупим туда много старинной мебели.

А еще здесь, как и везде в Европе, иногда выносят ненужные вещи и мебель прямо на улицу, чтобы

любой мог себе забрать, если надо. Это любимая Олина забава. Выходя из дома, она всегда говорит: «Что мне сегодня пошлет помоечный бог?». Он уже послал нам бесчисленные книги, детские игрушки, детскую одежду, стул, журнальный столик (правда, недолго нам послужил, мы его тоже потом вынесли). Тарелки, ножи, стаканы, чашки, вазы и даже мороженницы. До недавнего времени самой ценной находкой была пароварка, но потом мы нашли новенький браслет Michael Kors за 100 евро. А самой необычной находкой была книга «Петровы в гриппе» на английском.

Есть еще здесь старые телефонные будки, переделанные под книжные шкафы. Туда можно приносить книги и брать любые, какие приглянутся. На русском книги попадаются редко, но недавно я нашла том Саги о Форсайтах Голсуорси на русском, старая книга 1952 года.

Снова Барселона

Оля видела, что я несчастна и что прогулки в одиночестве не очень помогают. Она стала отправлять меня в поездки на 2–3 дня. Первой такой поездкой была Барселона.

Тогда еще у меня было молоко, так что надо было сцеживаться каждые 3 часа, поэтому в эту поездку я была, как на поводке, который растягивается не в длину, а по времени. Как три часа заканчиваются — поводок сокращается, чтобы я вернулась в свою комнату и сцедила молоко. Квартира была очень необычной. Чтобы в нее попасть, сначала нужно спуститься в подвал, пройти мимо дверей кладовок, которые выглядели, как камеры-одиночки. Узкий коридор с бетонными стенами. Отпираешь входную дверь и попадаешь в довольно милую квартиру, устроенную как мини-общежитие. Длинный коридор с комнатами по одной стороне. Маленькими клетушками, вмещавшими односпальную кровать, мини-стол и узкий шкаф. Никаких окон,

естественно — подвал же. Но ремонт довольно уютный, с элементами лофта за счет кирпичных стен. Я там только ссезивалась и ночевала, так что годится.

Было странно бродить по городу и ощущать себя не местным жителем, а туристом. Это было впервые. После того, как я пожила в Барселоне десять лет назад, а потом вернулась в Москву, я каждый год приезжала в Барселону навестить друзей или просто побыть в родном городе. Приезжала часто, и никогда не ощущала себя туристом. А теперь вдруг почувствовала и было странно. Часто думала, как мы могли бы тут жить, как я ходила бы куда-нибудь по делам по этим улицам. Как говорила бы каждый день на любимом и таком знакомом испанском. Сожаления не было, я знала, что мы поступили правильно, но все равно было немного грустно. Я повидала некоторых друзей, посмотрела на море. Как будто ненадолго вернулась в прежнюю жизнь. До всего вот этого.

А потом я вернулась в Берлин, и оказалось, что поездка отбросила меня назад в привыкании. Как будто я только что переехала, и все мне здесь чужое, непривычное. И снова полное погружение в заботы. Постоянная усталость и отдаление с Олей. Мы перестали бывать вдвоем — либо с детьми, либо по одиночке. Стало казаться, что дома, с детьми, я не живу. Что живу только, когда бываю одна, урывками. А так хотелось, чтобы как раньше, первые наши месяцы с Олей, когда нежностью с головой накрывало, когда дух захватывало.

Первые месяцы мы были, как мы сейчас это называем, улетевшими. Каждое утро еле отлеплялись друг от друга, постоянно опаздывали на работу, но нам было все равно. Днем бесконечные сообщения. Вечером вместе куда-то ходили. А ночью было так сладко, будто засыпаешь на облаке.

А сейчас мы выживали. Вместо легкости одна тяжесть. Нежность друг к другу все та же, но едва хватает сил ее хоть как-то проявить. Как будто от нас остались лишь тени.

Корфу

Еще была поездка на Корфу на три дня. Было жарко, море идеально теплой температуры. Молока уже не было, так что сцеживаться не надо, а значит, больше свободы. Но все время грызло чувство вины — уехала от детей, плохая мать. Должна каждой минутой с ними дорожить, а сама постоянно от них убегаю. Не было радости от каникул. Только будничность. Будто в магазин за продуктами вышла. Как будто я забыла, как радоваться одиночеству. Зато я выспалась, накупалась и назагоралась. Один день даже взяла экскурсию по морю вокруг острова. Было очень красиво и жарко.

На острове очень влажно. Как только вышла из самолета, воздух сразу налип на кожу. Я остановилась в маленьком семейном отеле. Его владелица, дама лет семидесяти, свободно говорила по-английски. Ее родители греки, но выросла она в Англии. А когда родители умерли, вернулась в Грецию, на

свою историческую родину. Аэропорт был недалеко, самолеты величественно взлетали на фоне закатных гор.

Я много думала на Корфу. Пока я была беременной, вокруг меня образовался пузырь, которым я защищала себя и малышей. Как будто все вокруг было приглушенных цветов, приглушенных запахов, приглушенных чувств. А из-за недосыпа было ощущение иной реальности. И я только сейчас, миллиметр за миллиметром, начала выбираться из этого пузыря. Учусь заново. Зрение, правда, упало, так что очертания и четкость уже не та. Но начали понемногу возвращаться чувства и эмоции. Правда, пока что короткими вспышками.

Был один день на Корфу, когда мне было прям совсем хорошо. Море теплое, вдали рериховские очертания гор. И у меня был целый букет чувств: счастье, любовь, сладкая тоска по детям и жене и вместе с тем обволакивающая нега покоя. Может, потому что, наконец, выпалась. Вечером сидела на

пляже, наблюдала закат. Вода постепенно становилась цвета бирюзовый металл, волны тихонько накатывали на берег, мягко и нежно, как взбитые сливки на губах. Горы на горизонте все больше уходили в розовую дымку. Вся бухта постепенно погружалась в сумерки. Купающихся все меньше. Я не рискнула зайти в воду. Сумерки — пограничное время. А что, если войдешь в сумеречную воду, а вернешься уже не ты?

Ничего нет красивее моря. Когда-нибудь я буду жить на берегу моря.

Перед отлетом погуляла по Керкире, столице острова. Там пахло венецианской стариной. На кованых балконах облупилась белая краска. Некоторые улицы такие узкие, что я почти задевала плечами стены. Они хитро петляют — влево, вправо, вверх, вниз, а то вдруг резко заканчиваются тупиком. Чуток заблудилась.

Подумала, что странно возвращаться из отпуска не в Москву, а в Берлин.

Будапешт

Давно хотела побывать в Будапеште. Раз уж теперь живу в Европе, надо пользоваться тем, что здесь все близко.

Бродила по городу, всматриваясь в венгерские лица, пытаюсь понять, чем они отличаются от западно-европейских. Наверно, больше на нас похожи, на славян.

Ходила в базилику. Она выглядит совсем новой, как Храм Христа Спасителя в Москве. Там даже туалет есть под куполом, когда поднимаешься на смотровую. Внутри довольно красивый. Стены окрашены в домашний темно-зеленый. В сочетании с коричневыми колоннами выглядит благородно и уютно одновременно.

Гуляла вдоль Дуная, который, и в самом деле, очень даже голубой. Видела пронзительный памятник погибшим евреям — пустые туфли и ботинки на берегу реки. Как будто их хозяева только что оставили обувь, прыгнув в воду.

На речном пароходике проплывала мимо потрясающего Парламента. Его можно часами рассматривать. Он так красив, что даже не верится, что он на самом деле существует.

Обедала в ресторане на террасе. Пока ждала еду, смотрела на прохожих. Рядом с рестораном есть памятник в виде всадника в военной форме. Прохожая девушка пыталась с помощью подруги залезть на памятник сзади и дотронуться до причинного места коня. Минут пять назад то же самое проделали парни из другой компании. Какая-то местная традиция? Мы переглядывались с пожилой парой за соседним столиком, удивленно пожимая плечами. Потом они нашли в своем путеводителе объяснение и дали мне почитать: местные студенты считают, что, если потереть то самое место у коня, то будет удача на экзамене.

Решила сходить в синагогу. Никогда не была, а тут самая большая в Европе. День, конечно, выбрала самый удачный — субботу. Внутрь не попала, конечно — шабат же. Зато подслушала испанскую

экскурсию. Во времена фашистов в этом районе города было гетто. В 1945 их освободили. Тех, кто дожил. И нашли во внутреннем двореке синагоги и в соседнем саду около 2000 тел. Многих убили перед самым освобождением. Две тысячи жизней. За то, что они евреи. В голове не укладывается. Сейчас во внутреннем двореке стоит много табличек с именами и датами жизни тех, кого там нашли. Почти на всех табличках дата смерти — 1945 год. Чуть-чуть не дожили. Человек — самое страшное существо на планете. Еще одна причина любить животных больше.

Депрессия продолжается

Иногда по возвращении из очередной поездки с новой силой накрывала депрессия. Апатия и чувство безысходности. Тоска. Беспомощность и бесполезность моего бытия. Я могла бы готовить, но не могу себя заставить, какое-то отторжение. Малыши опять плохо спят, ночью без конца к ним встаю, это изматывает. Раньше меня это злило, а сейчас мне все равно. Ну не посплю. Опять. Who cares? I don't.

Обострились соматические симптомы. Снова разбушевалась экзема, облюбовав почему-то средний палец левой руки. Совпадение? Не думаю. Ходила к дерматологу, прописал какие-то мази. Они помогали, день-два я жила без экземы, но потом она неизменно возвращалась с новой силой, как будто не проходила никогда. И еще который месяц страшно болели суставы, причем все. Каждая косточка в запястьях и стопах, колени, плечи. Боль такая, что я могла заснуть только приняв обезболивающее. Ночью, даже если малыши хорошо спали, я

просыпалась от боли и не могла уснуть, пока не выпивала еще одну таблетку. По утрам с трудом сгибала пальцы, даже кулак сжать не могла. Пошла к терапевту, она заподозрила ревматизм, но в крови ничего не нашли. Отправила к ревматологу, но та тоже ничего не нашла. Тогда я подумала, что, может быть, это из-за депрессии и надо, наконец, что-то с ней делать. Я вспомнила, что наша Наташа (дочка тети Нади) работает медсестрой в клинике, где главный врач психотерапевтка. Наташа меня втиснула в ее плотное расписание, по блату. Сухая такая немка под шестьдесят. Сочувственно выслушала меня, осмотрела. Сказала, что мне бы в больницу лечь с такими симптомами, но как я лягу? А детей на Олю оставить? Нет, я не могу на нее еще и это свалить. Взять к себе в терапию она, к сожалению, не могла, во-первых, как она сказала, потому что лучше проходить терапию на родном языке, это эффективнее, а во-вторых, у нее нет места в расписании от слова совсем. Единственное, с чем она может мне помочь,

это прописать антидепрессант. Он не очень сильный, но она имеет право только его выписать, так что, если не подойдет, надо будет искать другого психотерапевта, и уже с ним подбирать лекарство.

Я попробовала найти психотерапевта онлайн на русских платформах, потому что искать русскоговорящего в Берлине у меня не было никаких сил — это прям настоящий квест, для человека с обострившимися ментальными проблемами непосильная задача. Попробовала нескольких, но пока так и не нашла подходящего. Одна мне дала просто «гениальную» рекомендацию — вам, говорит, надо больше спать. Придумайте, говорит, как бы вам выспаться. Еще сказала бы «не грусти!». Я вспомнила тогда, как одна наша подруга удивилась, что мы устаем с детьми. «Ведь дети — это источник постоянной энергии! Почему вы устаете?» Я даже не знаю, как на такое реагировать, кроме истеричного смеха, конечно.

Но был у одной психотерапевтки хороший совет. Во время депрессии мы обычно концентрируемся

на самом плохом, отмечаем только неудачи и негатив, не замечая хорошего. Она посоветовала в конце дня думать или лучше записывать, что я за день сделала хорошего. Ни на кого не наорала? Молодец! Встала с кровати и умылась? Умница! И я стала регулярно писать. Обо всем подряд: что происходит, что я чувствую, что интересного видела, о чем думала, что беспокоит. Это стало моей терапией.

Плюс помогли таблетки. Однажды, в выходные, когда старшие дети были на каникулах с папой в Турции, а Оля уехала погулять на пару дней (я ее тоже отпускала в короткие поездки), я была одна с малышами и — о чудо! Я не орала, не раздражалась, не «сбегала» в телефон. Я была с ними, я наблюдала, как они играют, как изучают мир, и мне было хорошо. Мне нравилось быть с ними, смотреть на мир их глазами, объяснять им что-то, показывать, играть вместе с ними. Целый день мне было хорошо быть мамой. Впервые с момента родов я испытала ра-

дость материнства. Это была такая разительная перемена, что я боялась спугнуть. Еще вчера каждый день был невыносимой пыткой, сил хватало только на обеспечение их базовых потребностей: еда, сон, безопасность. И вдруг мне хорошо. Я не впадала в отчаяние, если они капризничали. Мне не хотелось убежать из дома подальше, наоборот, это было единственное место на свете, где мне хотелось быть.

Малышам тогда было семь месяцев.

Малыши

Я, конечно, еще не осознала тогда, что я мама, но осознала, что я их люблю, все для них сделаю и никому не дам в обиду. Я стала наблюдать за собой и за изменениями в моем состоянии более осознанно. Как будто я снова узнавала себя, как тогда, десять лет назад в Барселоне. Теперь я узнавала себя в новом качестве. Узнавала о себе разное. И плохое, и хорошее. Но без осуждения, с большей теплотой что ли. Стала задавать себе много вопросов. В том числе неудобных. Не всегда могу на них ответить, но пытаюсь. Главный вопрос — хорошая ли я мать? Буду ли я хорошей мамой?

И много других. Почему я ждала этого так долго, так хотела, а когда все получилось и надо бы радоваться, я не могу, не получается? Вместо счастья на облачке сплошное выживание, борьба с реальностью. И никто, у кого нет детей, не может это понять. Это невозможно понять, пока не испытаешь сам. По себе знаю. Пока у меня самой не появились дети, я

не понимала до конца моих друзей с детьми. Мы жили на разных планетах. Недавно я отправила очередную фотографию себя с близнецами одной подруге. Я на таблетках, нервы ни к черту, но уже хотя бы можно жить. Я сильно поправилась, и антидепрессанты вносят тут свою лепту — есть у них такая побочка. Не высыпаюсь уже больше года. Но моя подруга на фото отреагировала так: «Даша, ты так свежа! Ты такая худая!» У меня даже руки опустились, даже не стала ничего на это отвечать, потому что она все равно не поймет. Мне только захотелось кричать: «АААААААААА! Люди, вы серьезно думаете, что у нас все хорошо и легко? У нас четверо детей, у старшего РАС и СДВГ, младшие еще младенцы, мы в эмиграции строим жизнь с нуля. Неужели вы правда думаете, что мы каждый день пузыримся и булькаем от счастья, как шампанское?». Мне в такие моменты кажется, что я в пустыне и вокруг никого.

И все же появился свет в конце туннеля. И, кстати, перестали болеть суставы и прошла экзема.

Теперь я начала по-настоящему видеть малышей. Не урывками, как раньше, а целиком, объемно и выпукло. Наблюдать, как меняются их характеры. Еще в животе Лука был активнее, чаще пинался, чем Марк. А после рождения, первые месяцы три, наоборот, Марк был непоседа, больше капризничал, а Лука был спокойный, даже флегматичный. Когда кто-то из них начинал плакать у себя в комнате, мы всегда знали, кто это. Лука сначала долго хныкал и ныл, и на громкий плач переходил, только когда убеждался, что его хныканье не слышат, и надо переходить на более громкие меры. Марк же начинал орать сразу, без разгона, моментальный ор. Марк начал раньше головку держать, Лука запоздал чуть ли не на неделю. А потом они вдруг поменялись. Марк стал спокойный, а Лука активный и требовательный. Лука раньше сел, а потом как-то сразу начал бегать на четвереньках, пропустив фазу ползанья. Марк же делал все постепенно. До четверенек он сначала долго ползал по-пластунски. Луке больше нравились активные игры, а Марк мог долго

играть с одной игрушкой, изучая ее со всех сторон. Возможно, он поэтому позже научился на четвереньках бегать — ему это было просто не нужно. И внешне, конечно, менялись. Марк родился более волосатым, чем Лука, плюс у Луки была кривенькая голова. Со временем голова Луки округлилась, волосы подросли, а у Марка голова покрылась желтой коркой, которая сходила вместе с волосами. В этот период он на фото всегда в шапочке, чтоб голову не расчесывал. А под шапочкой плешивенький такой. В итоге, Лука стал более волосатым, чем Марк. Но Марк потом быстро оброс и догнал брата. Лука лучше ел, с удовольствием пробовал новую еду, а Марк был очень чувствителен к текстуре того, что он ел, и новое пробовал более настороженно. Часто брал в руку кусочек огурца или яблока и брезгливо сморщившись откладывал в сторону, даже не попробовав — потому что трогать неприятно. В итоге Лука стал тяжелее на целый килограмм. Лука был весь какой-то ладный, спортивный, ловкий. А Марк оказался очень чувствительным к звукам. Любую

новую игрушку или новую поверхность он проверял на звук — стучал, хлопал ладошкой, тряс. Слишком много шума Марка утомляло, ему требовалась тогда тишина хоть ненадолго. А еще обоим нравилось, когда мамы поют. Сразу слушали, открыв рот. Даже переставали плакать и капризничать. У Марка появился фирменный жест — потряхивание ручкой под музыку, как будто танцует. И самая лучшая игрушка для обоих — это книги. Ну точно все в мать. В мать и в мать.

Лето

Лето в Берлине было в самом разгаре. У старших начались каникулы, и Паша забрал их в Москву. Его паника после мобилизации утихла, он вернулся в Россию, устроился на новую работу, отремонтировал квартиру и достроил дачу. С каждым возвращением детей с каникул из Москвы нам все сложнее стало объяснять им, почему мы не можем вернуться в Москву, и они должны жить с нами в Берлине, а не с папой в Москве. Паша совершенно перестал участвовать в жизни детей. Сначала мы злились на него. Но потом поняли, что он просто не в состоянии. Он был, вообще, полу-вменяемым. Когда мы пытались говорить с ним по телефону, он не мог ни одну мысль довести до конца, не мог поддерживать ни одну тему — все время перескакивал на другие темы, так что постоянно приходилось его возвращать к вопросу, который мы хотели обсудить. Было понятно, что в таком состоянии он не сможет заботиться о детях. Но как это мальчишкам объяснить?

И потом, он мог, если что, в любой момент сорваться и уехать из России. Для этого он сделал ВНЖ в Дубаи. Все ждали выборы президента в 2024 году. После них могло произойти, что угодно. И Паша тоже затаился и выжидал. Он ничего не мог планировать и решать. Единственное, о чем мы с ним договорились — это что все каникулы дети проводят с ним. Но, даже не смотря на договоренность, нам каждый раз приходилось его чуть ли не уговаривать. В итоге, мы просто ставили его перед фактом: забираешь детей такого-то числа, такого-то возвращаешь. И по сто раз напомнить купить билеты. Но ему, как будто, было легче, чтобы за него решали.

В отсутствие старших, когда не надо забирать и отводить в школы и жонглировать их между педагогами и нянями, стало легче. Наша няня Карина совсем освоилась с малышами, и, кажется, ей это было в удовольствие. Я записалась в спортзал и вернулась к регулярным тренировкам. Стала каждый день гулять, каждый день писала по несколько страниц.

Оказалось непросто вернуть привычку писать каждый день. Поначалу открывала блокнот, брала ручку и долго смотрела на пустую страницу. Потом по сторонам. Потом в небо или потолок. Потом опять на страницу. Но постепенно я так вошла во вкус, что уже не могу не писать. Мне прямо не по себе, если не пишу.

В будни у меня теперь почти каждый день было часа два моего времени. Я часто ездила на озеро Литцензее. Если погода хорошая, то я устраивалась на травке у воды. Там так тихо, будто я за городом. Утки кучковались у берега, спрятав голову под крыло. Где-то далеко иногда проносились сирены — голос большого города. Иногда долетали детские крики с площадки. А здесь было мирно и покойно. Чириканье птиц и редкие шаги прохожих. Я любила лечь на спину. Под босыми ногами влажная мякоть травы. В небе облака, похожие на горсть муки, сдутьую с ладошки в замедленной съемке. По воде важно проплывает уже знакомая семья лебедей. Солнце припекает щеки и нос. На колено присела

стрекоза и сразу же улетела дальше. Ветра нет. Зеленые меха ив набухли над водой. Хорошо.

Иногда я покупала замороженный йогурт и кофе и садилась в тенечке в местном биргартене. Открытая веранда висит на сваях над водой озера. Лебеди дозором проплывают рядом с биргартеном — всегда кто-нибудь подкинет еду.

Бывали дни, когда хотелось чего-то нового и неожиданного. Тогда я ехала в новое место. Так я много раз проезжала на автобусе мимо озера Халензее (Halensee). Оно было огорожено забором, но на днях забор убрали, и я решила разведать. Озеро оказалось девственно-диким. Редкие дома вокруг, кувшинки с массивными нежно-желтыми цветами, местами густая ряска и высокая трава. Людей почти нет. Со стороны дороги у озера большая лужайка, и по ней рассыпаны полуодетые тела. Некоторые сморщенные временем, но бесстыдно голые.купающихся смельчаков почти нет. Картонные облака иногда раздвигались, как в мультике, и выпускали огненный шар. Громко пели птицы. Вот бы в них разбираться? Кто клокочет? Кто трещит? Красиво.

Тео

Мои маршруты обычно были вдоль линии метро — U2. Наш дом находится между станциями Теодор-Хёйс-Плац и Ной Вестенд, почти в самом конце линии. Всего через две станции от нас конечная — Рухлебен (Ruhleben), что означает «спокойная жизнь». На самом деле это кладбище, спокойнее некуда. Перед Ruhleben, наоборот, совсем беспокойная станция Стадион Олимпия (Olimpia Stadion), названная так, собственно, из-за стадиона Олимпия, построенного в 1936 году при Гитлере для проведения олимпийских игр. Берлин тогда очень тщательно готовили к приезду иностранцев: убрали все антисемитские плакаты и вывески, полицейских переодели в штатское, чтобы их казалось меньше на улицах. И сами игры сыграли большую роль в наци пропаганде. Спортсменов снимали в выгодных ракурсах, чтобы они олицетворяли победу арийской расы. Ну и, само собой, настоящие арийцы должны на

деле показать свое превосходство (если жизнь дорога), что они и сделали, собрав больше всех медалей. Гитлер лично открывал олимпийские игры и следил за соревнованиями из своей персональной ложи. Стадион отгрохали монументальный, большущий. От него до сих пор веет древнеримской силой. После игр многие вернулись из Германии с мыслью, что нацистский режим не такой уж и плохой, и что в Германии все живут очень даже хорошо. Пропагандой, как всегда, оркестрировал щупленький и властный Йозеф Геббельс.

Недалеко от стадиона, на площади Теодор-Хёйс-Плац стоит суровой громадиной серый дом. Такой большой, что один его фасад смотрит прямо на площадь, а второй и третий на улицы, лучами уходящие от площади — один на Райхштрассе (Reichstraße), другой на Хеерштрассе (Heerstraße). Со стороны Хеерштрассе на доме есть табличка, что великий композитор Рихард Штраусс жил в этом доме с 1913 по 1917 год. А позже, в 30-е, в этом доме жила некто

Магда Квандт. О ней вы не найдете никакой таблички. Ее бывший муж, продолжавший содержать ее после развода, снимал ей в этом доме квартиру. Тогда это была окраина города, а площадь называлась Райхканцлерплац (Reichkanzlerplatz). Магда предоставляла свою квартиру молодым увлеченным политикам. Они проводили здесь встречи тогда еще бедной, но уже набиравшей популярность партии. За одного из этих политиков Магда вышла замуж и стала Магдой Геббельс. Говорят, Гитлер тоже бывал в ее доме. Кстати, когда он пришел к власти, площадь переименовали в площадь Адольфа Гитлера.

А сейчас площадь называется в честь первого президента ФРГ — Теодора Хёйса. Местные называют площадь и одноименную станцию метро просто Тео. На площади есть странная вытянутая пирамида из синего стекла. А еще есть вечный огонь. Его установили в 1955 году в честь немцев, бежавших или изгнанных из Германии во время и после Вто-

рой мировой. За то, что были несогласны или попросту боялись существующего режима. Что-то напоминает.

Вообще, у нас район тихий. Но пару раз в год здесь бывает так шумно и так много народу, что страшно выходить на улицу. Не в смысле, что опасно, а просто неуютно быть в толпе. Так бывает, когда на стадионе Олимпия проводится какой-нибудь крупный футбольный матч. Тогда болельщики заполняют всю Райхштрассе и идут плотным потоком от Тео до стадиона, оставляя после себя бутылки, сожженные фаеры, зассанные кусты и прочий мусор. В такие дни я вижу тех самых немцев, которые вскидывали правую руку и кричали Хайль Гитлер. Интересно, какие они, эти футбольные фанаты, в обычные дни? Наверняка ходят на работу, пьют кофе с коллегами, по воскресеньям водят детей гулять на детскую площадку. Это такие же люди, как в любой другой стране. Такие же, как я. Зверь есть в каждом из нас, но уж лучше выпускать его так, чем на войне.

На стадионе не только матчи проводят, но и концерты. Я ходила на концерт Pink. Очень хотела попасть на Ramstein, но билеты раскупили моментально и мне не досталось. За несколько дней до концерта был большой скандал: вокалиста группы Тиля Линдемана, обвинили в изнасиловании сразу нескольких фанаток. Говорили, что у него была специальная администратор, которая знала его вкус, выбирала фанаток и приводила их к нему за кулисы после концерта. К сожалению, обычная практика для многих групп. Поэтому за день до концерта по Райхштрассе прошла демонстрация женщин, требовавшая отменить концерт и самого Тиля. Но концерт не отменили. Нам его было очень хорошо слышно с балкона.

Новости Германии

Уже живя в Германии, мы долго продолжали следить за новостями там, на родине. Но со временем я так устала от растущего маразма и травли, что стала читать новости все реже. Иногда даже стала следить за местной повесткой.

Например, за демонстрациями и забастовками, которые здесь бывают часто. Потому что от забастовок зависит транспорт. Например, бастовал Deutsche Bahn. Работники требовали уменьшения рабочей недели с 40 до 35 часов и увеличения зарплаты. Им предложили небольшую надбавку, их это не устроило, и они вышли на забастовку. Два дня S-Bahn ходил с перебоями или не ходил вообще. Потом работал пару недель, а потом снова забастовка. Была забастовка BVG, и поэтому не ходили автобусы и U-Bahn. Еще была забастовка фермеров. Во время ковида государство давало им субсидии на дизельное топливо. А когда объявили, что субсидий

больше не будет, они вышли на забастовку. Несколько дней по всему городу ездила тьма тракторов всех мастей, гудящих и еле ползущих, парализующих автомобильное движение. Все бастующие обычно добиваются своего. Как обычно, просят больше, чем надо, чтобы получить, что надо. Сложнее с эко-активистами. Они регулярно устраивают странные акции: приклеиваются к асфальту поперек автобана или на центральных проспектах или забрызгивают краской разные берлинские достопримечательности (часы на Алексее или даже Бранденбургские ворота). Как-то эко-активисты среди бела дня спилили верхушку гигантской ёлки у Бранденбургских ворот. Действовали так открыто, что никто до последнего ничего не заподозрил. Как выполнить их требования — пока не очень понятно. Они, например, требуют закрыть атомные станции на территории Германии, но этого никто делать не собирается, по крайней мере, сейчас. Хотя в Германии пытаются развивать альтернативные источники энергии: поставили, например, много ветряков,

в городах много электрокаров и электроавтобусов, часто используются солнечные батареи.

Иногда бастует берлинский аэропорт — сутки не принимает и не выпускает самолеты. Иногда бастует Lufthansa.

Кто хочет, может выйти на забастовку или на демонстрацию. А демонстрации здесь почти каждый день. В поддержку Украины и против России? Пожалуйста. В поддержку России и Путина и против Украины и всего мира? Тоже пожалуйста.

А еще каждый год проводится марафон — для бегунов, для велосипедистов, для любителей роликов. Тогда перекрывают некоторые улицы на пол дня. Однажды марафонцы пробегали даже по нашей Платановой аллее, прямо у нас од окнами.

Гей парад

Впервые на гей-парад мы попали в Барселоне, когда началась наша эмиграция, и я еще была беременной. Мы стояли на улице Параллель (Paral-lel), а мимо ползли автобусы с гремящей музыкой, танцующими яркими людьми. Все в радужных флагах, все веселые. Кто-то бросал на зрителей конфетти, кто-то конфеты. Зрители вокруг тоже нарядные и необычные. Кто в коже, кто в перьях, кто, вообще, едва одет. Мы дошли по Параллель до площади Испании. Там стояла сцена, на которой выступали местные группы, а по периметру палатки с сувенирами, напитками и едой. Мы купили радужный флаг и радужную бандану. Было так странно, что можно обниматься и целоваться, и никого это не шокирует — все вокруг такие же, как мы. Мы слушали концерт, нас осыпало конфетти и всеобщим счастьем. Вокалистка выступающей группы вдруг сняла футболку и осталась по пояс совершенно голая. Кто-то из ор-

ганизаторов попытался сделать ей мягкое внушение, но она и не подумала одеваться. Да и публика, похоже, ее знала и ожидала такой выходки. Ну а, собственно, почему бы и нет? Мужики же оголяют свой торс, почему бы и женщинам не делать то же самое?

А потом в то же лето я попала на свой первый гей-парад в Берлине. Оля была в этот день в Москве, так что я пошла с Наташей и Олиной бывшей коллегой Яной, которая тоже недавно переехала в Берлин. Мы шли пешком от Бюлоуштрассе (Bülowsstraße). Рядом проезжали автобусы, оглушая каждый своей музыкой. Впереди шли две девушки, держась за руки. У одной из них на футболке было написано: Eat pussy, it's vegan. Рядом прошла совершенно голая пожилая пара. Слева обогнала женщина в латексе с мужчиной в кожаной маске и на поводке. Берлинский парад больше во всех смыслах: больше людей, больше шума, больше красок, больше всего. Мы дошли до самого Тиргартена. Ближе к Бранденбургским воротам народу стало так много, что мы уже еле протискивались, и стало жутковато. Я все время

выставляла руки вперед, защищая свой беременный живот. Но выбраться из толпы никак не получалось. Пока Яна не взяла меня решительно за руку, раздвинула всех, там обогнула, здесь обогнала и хоп — мы выбрались.

А через год мы ходили на парад с Олей и близнецами, и нас была большая компания. Мы купили малышам специальные наушники от шума, посадили их в рюкзаки-кенгуру, обвязались флагом и банданой и приехали на Ноллендорфплац (Nollendorfplatz). Наши друзья стояли в самой гуще. Шампанское, песни, музыка, смех. Все пританцовывают, обнимаются, целуются. Мы кричали привет проезжающим автобусам, махали нарядным людям и смешным персонажам. Местные геи спрашивали нас о малышах:

— Are they gay already?

Это был настоящий праздник. Хотя, наверно, я могу понять противников гей-парадов. Помимо шума и мусора, который остается после парада, сам парад тоже может шокировать. Здесь люди одеваются не только необычно и ярко, но иногда кричаще,

а то и шокирующе. И да, наверно, тут есть перегиб, но это эффект маятника. Если долго что-то запрещать или дискриминировать, то, когда отпустишь, сначала маятник сильно качает, но со временем, он успокоится и будет в равновесии. Хотя я бы, наверно, не хотела, чтобы парад уравновесился. Меня не смущают ни кричащие наряды, ни полное их отсутствие. В этот день царит атмосфера полнейшей свободы и нескончаемого праздника и любви. В этот день каждый может выглядеть так, как он хочет. Здесь все улыбаются, поют, обнимаются и целуются. Одна наша подруга сказала как-то, что для нее это самый любимый праздник в году, что она его любит даже больше Нового года. Пожалуй, я с ней соглашусь.

Иногда меня спрашивают, вернусь ли я когда-нибудь в Россию. Я обычно говорю, что вернусь, когда в центре Москвы пройдет гей-парад, и никого за это не арестуют, а будет это красиво и весело. Дожить бы.

Персонажи

Но вообще-то в Берлине почти каждый день можно встретить интересных персонажей, не только на параде.

Ехала я как-то на S-Bahn в центр. На станции Завиниплац (Savinyplatz) в вагон вошел высокий седой и очень худой мужчина. Он что-то сказал, обращаясь в никуда и ни на кого не глядя, как будто сделал объявление, и присел на краешек кресла. С большим достоинством и идеально прямой спиной. В руках у него была стопка маленьких бумажек. Он что-то стал писать. Наверно, стихи, он был похож на поэта. На нем был голубой льняной пиджак, засаленный и застегнутый на все пуговицы. Красные льняные брюки имели огромную дыру, из которой торчало острое колено с редкими седыми волосами и парой больших царапин с алыми бусинками крови.

Как-то на U2 было полно народу. Райхштрассе и Хеерштрассе все заставлены полицейскими машинами, частично перекрыты. Поэтому мы поехали на

метро. Сегодня на стадионе был дружеский футбольный матч Турция — Германия в честь приезда президента Эрдогана. Вагон был забит, в основном, турками: мужчины, женщины, дети, подростки. Они целыми семьями ехали на игру. Разудалые, с флагами и песнями. Было и несколько немцев, удивленно поглядывавших по сторонам и не понимающих, откуда такой наплыв турок. Среди них сидела светловолосая тоненькая девушка. Она осторожно обняла свою серую холщовую сумку. Одета в длинную до пола бежевую юбку и белую куртку с яркими славянскими узорами. На Тео она вышла, невесомая, просочилась меж бородатыми мужиками, как белое видение, каким-то чудом никого и ничего не коснувшись, и поплыла по коридору к свету.

Несколько раз я видела босяков. В смысле, реально босых людей, а не в смысле, бездомных или нищих. Была одна немолодая пара, мужчина и женщина. Сидели в метро напротив меня. Очень хорошо одеты, вся одежда новая, чистая, аккуратно сидит. Ветровочки, рубашки, джинсы. Обычные западные

немцы. Только на мужчине не было обуви. Совсем. Никакой. А как-то видела двух парней, зашедших в веганскую бургерную, где я обедала, и на одном из них тоже не было обуви.

По дороге в Антошину школу есть одно тайское кафе, где делают хороший кофе. Посетителей обычно обслуживает таец с ироничной улыбкой и тайка — яркий трансвестит. Она выглядит настоящей красоткой: яркий макияж, какая-нибудь необычная шляпка, всегда вызывающе короткая юбка, колготки в сеточку и яркий топ или блузка. Блузка обычно с большим вырезом на плоской мужской груди. Она веселая и приветливая, очень нам нравится.

А самым необычным персонажем был, наверно, Георгий. Ехали мы как-то с Олей со спектакля на тему эмиграции Галича. Спектакль не особо впечатлил — с претензией на глубину, а по сути, набор цитат и песен. Но добираться обратно домой было сложно — поезда то идут, то не идут, то идут только в одну

сторону. Пришлось дать кругалю. Во время очередной пересадки мы оказались на зеленой станции Бисмаркштрассе (Bismarkstraße). Сидим, ждем поезд. Как вдруг перед нами становится довольный такой дедуля, прикладывает к глазам очки, всматриваясь в нас, и говорит:

— Вы не немки.

Не спрашивает, а утверждает. По-английски.

— Нет, — говорим.

— Русские или украинки?

— Русские.

— И вы пара?

— Ну да, она моя жена, — хором говорим мы.

— But this is so beautiful! Нет ничего прекраснее, чем любящие друг друга девушки!

В общем, дедуле очень хотелось пообщаться. Он забил на свой маршрут и поехал с нами на Тео. По дороге рассказал, что он румын Георгий. Родился в 1951 году (я запомнила, потому что мой папа тоже родился в 51-м). Жил пару лет в Японии, потом с сыном переехал в Канаду — после развода с его первой

женой десятилетний сын захотел жить с отцом. После Канады он переехал в Германию и уже давно живет тут. Мечтает открыть в Берлине Монтессори школу. Одет он был довольно прилично, но неопрятно: курточка засалена, одна дужка очков отломана, на спине потертый тряпичный рюкзачок на веревочках. Мы о себе тоже коротенько рассказали, и так его поразили, что он уговаривал продолжить общение. Даже подозвал прохожего, чтобы тот сфотографировал Георгия с нами.

Стало легче

Я стала все это вокруг себя замечать, потому что все чаще чувствовала себя живой, а не выживающей. Были, конечно, тяжелые дни. И срывалась, и кричала. Как-то била деревянной лопаткой несчастную сковородку. Как-то пнула диван со всей дури, так что был потом синяк на все цвета радуги. Иногда плачу. Чаще всего в те дни, когда малыши совсем плохо спят, и мне приходится по многу раз к ним вставать, так что к утру я заканчиваюсь. Или когда няни по какой-то причине нет — отпуск или болеет. Но в целом, с сентября стало легче, потому что Ваня, наконец, ходит в школу, а няня Карина работает у нас теперь полный день, с 9 до 17. Но когда ее нет, и все ложится на меня, потому что Оля работает, вот тогда бывает тяжело. И в такие дни я не понимаю, как люди справляются без няни, в одиночку. У кого-то есть мамы и свекрови, то есть бабушки, которые помогают. Но ведь и они есть не у всех. Меня в те дни,

когда я одна с детьми, хватает на самое минимальное: покормить, переодеть, убересть от кошачьего туалета и мисок. Старших собрать по школам, раздать на допзанятия и кружки, покормить, помочь с уроками и загнать спать. Это уже немало, но я часто думаю о том, как Оля одна растила Ваню. А ведь она не только минимум делала. Она в два года научила его считать и читать, постоянно занималась с ним, играла в развивашки. Я восхищаюсь, какая она сильная и смелая.

Сейчас, когда Оле надо отдохнуть, она иногда ходит в Вабали (Wabali). Оля называет Вабали своим местом силы. Ей там всегда хорошо. Это такой островок курортного отдыха посреди шумного города. Когда заходишь на территорию, сразу попадаешь в оазис тишины и покоя. Здесь не слышен внешний мир. Нельзя пользоваться телефонами, так что никаких синих экранов и искусственных звуков. Здесь очень много залов, чтобы можно было затеряться или спрятаться, побыть одному. Есть зал с книгами и каминами, где можно почитать, сидя в вольтеров-

ском кресле, сложив ноги на пуфик. Есть зал с водяными кроватями, где можно прилечь и даже поспать. Никакой музыки, даже говорят вполголоса или шепотом. Можно ходить голыми или в халате, но никаких купальников. Есть небольшой бассейн под крышей с холодной водой. Есть бассейн под открытым небом. Рядом с ним небольшой ресторан. Есть джакузи с горячей водой. И повсюду лежаки или деревянные кровати: вокруг бассейнов, в отдельных комнатах, на террасах, на траве. Вся мебель деревянная, в колониальном стиле. Спокойные пастельные тона или натуральные цвета дерева и зелени. Часто можно увидеть Будду: лежащий, сидящий в позе лотоса, только голова. И, конечно, много саун. В некоторые можно заходить в любое время, в некоторых по расписанию бывает какое-то действо. Пахнет сандалом. Скрабики, душевые, полотенца. Здесь есть все. Удивительно, что это место такое обособленное. Ведь совсем рядом главный вокзал города, множество туристов, бездомных, отелей, магазинов. А тут тишина и покой.

Ваня и его особенности

Няня у Оли появилась только после рождения Антоши, когда Ване было 4 года. До этого вся Олина жизнь была полностью занята Ваней. Что называется, «сидела дома». Я не буду здесь объяснять, что материнство — это не «сидеть дома», а полноценный рабочий день с каждодневными многочасовыми переработками, работой в выходные, без отпусков и больничных. Я о другом. Меня восхищает, какая Оля сильная. Каждая мать мечтает о лучшем будущем для своего ребенка. Обычно мы представляем похожие вещи: что он будет учиться в школе, в университете, работать, женится, родит детей. Но что, если твой ребенок не такой, как большинство? Что если он не сможет учиться в обычной школе с обычными детьми? Что если он не сможет поступить в университет, не сможет работать? Что если он не женится и у него не будет детей? Что если все будущее, о котором ты мечтал для своего ребенка,

исчезло, а что будет вместо него — один большой вопрос? И еще неизвестно, как тебе преподнесут эту новость специалисты. Сколько историй о том, как врачи предлагали матерям отказаться от ребенка или просто поставить на нем крест! Врачебная деликатность — это, вообще, одно большое темное пятно в нашей стране. Большинство врачей не только не умеют быть деликатными, но даже не представляют, что это такое и зачем оно нужно. Особенно, если речь идет о ментальном расстройстве. А ведь здесь особенно любовь, терпеливая забота и постоянная работа могут творить настоящие чудеса, могут сделать жизнь человека с РАС если не совсем нормальной, то хотя бы приближенной к нормальной. Любой ребенок — это тяжелая бесконечная работа для любой матери, даже если у нее есть помощь. Но когда это еще и не просто ребенок, а аутист с СДВГ — это работа, помноженная на два, если не на три. И не сломаться, не сдаться, даже

если весь мир против тебя, даже если некому пожаловаться или некого попросить о помощи — это очень большого стоит.

Наш Ваня еще не самый сложный случай, он считается высокофункциональным: он говорит, понимает речь, любит тактильный контакт, и он очень умный. Но, несмотря на все это, он все равно непростой. Иногда меня спрашивают, что такого сложного в Ване? Обычно те, кто либо никогда не видел Ваню, либо видел недолго. И я понимаю, что объяснить это почти невозможно тем, кто в этом не живет. Я как-то пожаловалась подруге, что Ваня по сто раз задает один и тот же вопрос, на который ждет один и тот же ответ. Она мне на это сказала — Ну и что? Вам трудно что ли ответить? Нетрудно. Первые сто раз, наверно, не трудно. Днем, если ты выспался и не устал, наверно, не трудно. Но когда ты не выспался, потому что Ваня встал в 5 утра и громко читал свои книги, смеялся, топал, включал везде свет, тогда, наверно, немного сложновато в пятисотый раз ответить, что его педагог придет в 15:00 и что да,

она живет на Новочеремушкинской улице в доме номер 15, а раньше жила в Бескудниково.

Ваня — вечный младенец. Для него существует только он и его желания. Все родители были в полном рабстве у своих детей, пока те младенцы. Тогда вся твоя жизнь подчинена желаниям и потребностям другого человека. И это нормально первые пару лет жизни малышей. Потом они растут, учатся понимать потребности и желания других людей, учатся делать многие вещи самостоятельно, и постепенно родители возвращают себе свою жизнь и свободу. Но совсем другая история, если твой ребенок нейротичный. Сколько бы лет ни прошло, ты всегда будешь рабом такого ребенка. И как бы ты его ни любил, подчинить всего себя и всю свою жизнь другому человеку очень сложно. Ване уже 12 лет, но каждый его шаг, каждую его потребность все еще делаем за него мы. И, скорее всего, так будет всегда.

Все сладости мы убираем туда, где он их не достанет, иначе он съест все, подчистую. Скотч тоже

прячем, потому что иначе он весь его изведет — нравится ему наматывать скотч на свои руки, а потом разматывать, а потом опять наматывать, так что вся комната потом покрыта кусками скотча. И ладно бы просто изводил, но он иногда так сильно заматывает руку, что пальцы синеют, а размотать не всегда может самостоятельно. И все подряд тянет в рот — ему нравится жевать что-нибудь. Обычно мы суем ему детские резиновые погрызушки, но он их часто теряет, и тогда грызет или обсасывает перчатку, манжету рубашки, ручку или карандаш. Иногда снимает носок и сосет его. Если ничего нет, то грызет ногти и заусенца. Поэтому ногти на руках у него не успевают вырасти и сгрызены на половину. Чем больше он волнуется, тем больше грызет. А волнуется он почти всегда. Ваня почти никогда не молчит, причем совершенно это не осознает. Он бубнит свои мысли в полной уверенности, что никто не слышит. Иногда переспросишь его в ответ на бубнеж — «Так что там с городским округом, Вань?» Он тогда очень удивляется, как ты услышала его мысли. Все свои

поделки Антоша прячет, потому что Ваня любит все разбирать и разламывать. Многие простейшие для обычных людей действия для Вани — целая сложнейшая наука. Например, лет до 9 мы сами вытирали Ване попу. Сейчас он делает это сам, но часто так плохо, что уж лучше бы мы продолжали это делать за него. Он очень долго не мог глотать таблетки. Приходилось их измельчать в порошок и давать с водой. Сейчас научился, но это были долгие тренировки. Был период, когда, даже если у нас дома гости, он мог выйти совершенно голый. Тоже долго отучали, и до конца так и не прошло, бывает иногда и сейчас. Все пузырьки, флаконы, тубики в ванной надо убирать, потому что если оставить что-то на ванной, то Ваня это выльет в воду — проведет эксперимент, как он это называет. Если у него что-то болит, то он не всегда может об этом сказать. Тем более не может сказать, если его что-то пугает, расстраивает или беспокоит. Мы научились угадывать это сами. Чтобы не услышать то, что его пугает или даже то, что может напугать, он затыкает уши и

начинает громко говорить что-нибудь, чтобы слышать только свой голос. Чужие эмоции он считать не умеет. Хотя иногда бывает озарение. Бывали случаи, когда я или Оля при нем плакали, он понимал, что с нами что-то происходит, и пытался либо угадать («ты разозлилась, ты расстроена») или даже обнять и тыкать в глаза — как бы пытаюсь утереть твои слезы.

Сейчас с Ваней стало сильно легче, чем лет пять назад, например. Он взрослеет, учится социальным навыкам, с разным успехом, но учится. И все это благодаря Оле, особенно той основе, что она заложила с самого его раннего детства. Она научила его говорить, читать, считать. Она развивала его сильные стороны и помогала подтягивать слабые. Она находила педагогов, подбирала терапию, поддерживала его интересы и всегда чутко реагировала на его эмоциональное состояние. И еще мы, наконец, подобрали для него лекарства, которые делают его жизнь более выносимой, и нашу заодно.

Антоша иногда спрашивает меня, почему Ваня такой, почему так себя ведет. Я пытаюсь ему и себе объяснить, как Ваня видит и воспринимает мир, чтобы лучше его понимать. Поставить себя на его место, хотя мы никогда не сможем понять, какого это быть Ваней.

— Помнишь, тебе приснился как-то кошмар, и ты прибежал в нашу комнату ночью, испуганный?

— Помню, — ответил Антоша.

— Помнишь, как тебе было страшно? Помнишь это ощущение?

— Помню.

— Так вот Ваня с таким ощущением живет постоянно. Ему все время страшно. Весь окружающий мир для него непонятен и страшен, как будто он живет в кошмарном сне. И он инстинктивно делает все, чтобы спрятаться от этого страшного мира — без конца читает свои книги или Википедию, бесконечно повторяет интересные факты или имена. Мы с тобой можем просто о чем-то повседневном гово-

рить, но любое наше слово может его вдруг напугать, а мы даже не поймем, какое именно слово и почему.

— Ну да, он иногда уши затыкает и тараторит про своего Гобасёна (*это китайский генерал, тогдашнее увлечение Вани).

— Вот именно.

Ваня очень умный мальчик, с феноменальной памятью. И иногда он так разумно себя ведет, что я забываю о его особенностях. Тем больше я впадаю в ступор, когда он вдруг орет и отказывается что-то делать или делает какую-нибудь совершенно непонятную фигню. Был, например, период, когда он рвал книги. Просто читал книгу, а в это время руки его сами собой отрывали маленькие кусочки страниц. Несколько книг он изорвал в клочья — одна обложка осталась. Это при том, что книги — его большая страсть.

Зато с ним точно никогда не бывает скучно. Иногда он выдает настоящие перлы. Он часто говорит так, как пишут в книгах — потому что он читает книги

по 20 часов в сутки. И, бывает, это звучит просто гениально. Как-то мы пришли в кафе, где был шкаф с книгами. Одна книга очень его заинтересовала, но ее взял другой посетитель. Ваня не очень понимает, что такое свое или чужое, и ему очень хотелось забрать у того посетителя книгу. Оля ему, естественно, запрещала. В какой-то момент он-таки книгу утащил. Оля вернула ее и спросила Ваню:

— Зачем ты взял книгу? Я же просила тебя не трогать, пока ее не поставили на место в шкаф.

— Я решил игнорировать эту просьбу, — ответил Ваня.

Или как-то мы были с Олей в спальне. Лежали, обнявшись. Ничего такого, просто cuddle. Врывается Ваня (вообще-то мы его пытались приучить стучаться и входить только если разрешат, но это срабатывает в десяти процентах из ста.) Тут он просто ворвался. Мы попросили его выйти. На что он хитро улыбнулся и сказал:

— Понаблюдать!

Он не разделяет я и не-я, поэтому о себе говорит инфинитивами или во втором лице: «ты хочешь голубику», «ты смеешься», «не говорить».

Оля ела печенье. Подошел Ваня и сказал:

— Ты это очень любишь. Что это?

Очень долго, лет до 10, самым страшным ругательством Вани было слово «Курочка!». Откуда оно взялось никто не знает, но употреблял он его, когда очень злился. Потом оно преобразовалось. В какой-то момент Ваня начал осознавать свои страхи, и у него появилось упрямое желание свои страхи побеждать. Например, он долго боялся съезжать с высоких горок. Мог чуть ли не часами сидеть на самом верху, повторять, что он сейчас съедет, что он сможет, что он справится. Но чаще всего ретировался в последний момент. И очень переживал из-за этого. Но сколько же было радости, когда он, наконец, переборол свой страх и съехал!

— Ты победил курочку! — кричал счастливый Ваня.

Мы сами иногда говорим его словами. Это стал наш семейный язык.

«— Солнышко, помой, пожалуйста, посуду.

— Ты хочешь отказаться.»

«— А мы заплатили за электричество?

— Не говорить!»

«— Жена, ты опять носки свои на полу оставила.

— Больше так ни-каг-да не будешь! Клля-нешься!»

Наш Ваня прекрасен, но бывает тяжело. Иногда он стоит двоих, а то и троих детей.

Один день из жизни многодетной матери

Обычный день многодетной матери из хорошего и спокойного может превратиться в адок в один момент. Начало дня было прекрасным. Позанималась немецким и пошла в кафе работать над книгой, пока старшие в школе. Потом прогулялась до книжного, заглянула в антикварный магазин и убедилась, что моя любимая картина все еще не продана, но все такая же дорогая. Потом забрала Антошу с тенниса на велосипеде. Погода была чудесная, но Антоша всю дорогу до дома ворчал, потому что был голодный и уставший после тренировки. Параллельно наша няня Карина написывала мне сообщения, что Ване нехорошо, кажется, заболел. К тому моменту, как мы добрались до дома, Антоша так изнылся, что просто лег на полу прихожей. Близнецы орали. Ваню фонтаном тошнило на все вокруг. Карина мечется между близнецами, я мечусь между голодным Антошей и блюющим Ваней. С горем пополам, уложили Ваню спать, малышей тоже. Няня ушла, а я еще два часа

убирала оба туалета и мыла полы во всей квартире. Изумительный вечер.

Но ладно день. Жизнь может поменяться за пару минут.

Был обычный выходной день, то есть без няни. Близнецы спокойно играли вдвоем у себя в комнате. Ваня читал книгу, Антоша рисовал. Оля что-то шуршала по дому. Я решила, пока тихо, отнести чемоданы в кладовку в подвале, чтобы больше не спотыкаться о них в коридоре. Спустилась на лифте, закатила в кладовку, поднялась на лифте. Захожу домой, а там: близнецы орут, Оля орет, Ваня трындычит, Антон ноет. Просто у одного малыша застряла где-то нога и он стал орать, второй орал, потому что первый орал. Антону срочно понадобилось подшить свои рисунки в папку, но он не может найти дырокол, поэтому ноет. Оля пытается успокоить малышей и найти дырокол, но в шкафу, в котором он всегда был, вырос бардак, так что все из него просто валится. А Ваня трындычит во все горло, чтобы заглушить общий шум.

Меня не было три минуты.

Каминг аут

В моем депрессивном состоянии появились про-светы. Я стала чаще играть с малышами, развлекать их, читать им книжки. Иногда даже испытывала чувство гордости за свое поведение. Правда, по сравнению с чувством вины, которое я сама на себя нахлобучиваю, эта гордость такая маленькая, что ее с лупой не разглядеть. И депрессии своей я стыжусь. Стыдно признаваться, что она у меня есть и я с ней живу. У меня ведь такие чудесные мальчишки, такая замечательная семья, и все у нас хорошо. Я должна радоваться, а не вот это вот все. С ужасом понимаю, как многого я не замечала в растущих и меняющихся малышах, как многого не помню, а время уже не вернуть. И совсем не понимаю, как во мне могут уживаться такие противоположные чувства: нежность до слез к малышам и желание разбить свою голову о стену.

Когда я начала возобновлять свою привычку писать, я сначала написала список из слов. Просто

слова, обозначающие различные чувства и эмоции. Чтобы потом брать слово из списка и писать о нем все, что придет в голову. Упражнение такое. Самое первое слово, которое я написала, было «стыд». И когда я начала рассматривать это слово со всех сторон, изучать его, я поняла, что всегда его испытывала. Я выросла с этим чувством.

Я всегда чувствовала, что я немного другая, что я отличаюсь от других детей. Я всегда была пацанкой. Мне больше нравилось носиться по дворам с мальчишками, чем играть в куклы с девочками. И меня всегда стыдили за это: «Ты же девочка!». Девочки так не разговаривают, не одеваются, не ведут себя. Когда мне было лет 9, я влюбилась в свою подругу. Сначала я думала, что ну ок, так бывает. Ничего такого. А потом стала стыдиться своих чувств. Называла себя «ошибкой природы». Не знаю, откуда у меня в голове появилась эта фраза. И что это, вообще, такое — ошибка природы? Но так было.

Потом влюбленность прошла, и эту часть себя я запрятала так глубоко, что самой было не видно. До

поры до времени. Первый мой поцелуй был на первом курсе. Целовалась я одновременно с девушкой и парнем. И с девушкой целоваться мне однозначно понравилось больше. Но я даже не думала о том, чтобы состоять с девушкой в отношениях. Это слишком стыдно. Не говоря уж о сексе с девушкой. Это не только стыдно, но и страшно. И откуда этот стыд взялся, не понятно. Я никогда не говорила родителям о том, что меня интересуют девушки. Но я слышала их комментарии по поводу гомосексуалов в кино или на телевидении. Мама ругалась: «фу, какая гадость!». А папа с жалостью говорил: «Больные люди». Кто знает, может, они теперь за глаза так и про меня говорят.

Я росла в небольшом городе в 80-90-е годы. Перестройка, талоны на еду, «лихие» девяностые — все видела и помню, хотя у нас был город довольно благополучный. Мир только начал приоткрываться для обычных постсоветских жителей глубинки. Хотя наш город был, конечно, самым что ни на есть традиционным, но даже у нас были гомосексуальные

истории. У нас в подъезде жила девочка Л. Класе в седьмом ее стала все время провожать со школы другая девочка, выглядевшая совершенно, как мальчик. Я бы точно приняла ее за мальчика, но город у нас маленький, и добрые люди мне объяснили, кто это и как ее зовут. Мне казалось, что они смотрятся очень мило друг с другом. Валялись в снегу перед домом, кидались снежками — будто не могли никак расстаться. Потом целовались в подъезде, спрятавшись в самом темном углу. Мне казалось все это очень романтичным. И Л. выглядела смущенной, но очень счастливой. Пока я как-то не слышала осуждающие комментарии соседских бабушек. И тогда я поняла, что так, оказывается, нельзя, что это плохо.

В общем, я даже думать себе запретила об «этой части меня». И довольно долго, много лет, у меня получалось эту часть не замечать. Я целовалась с девушками, и не раз, но всегда себя убеждала, что это просто баловство, что это у всех бывает, что это не серьезно. Мужчины мне тоже нравились, поэтому,

наверно, было не так сложно избегать влюбленностей в женщин и как-то скрывать свой интерес, в том числе от себя самой. Только в 37 лет я решилась исследовать эту часть себя. В 37 лет! После семилетних отношений с мужчиной и кучей коротких отношений с другими мужчинами.

И мне сразу повезло встретить ту самую.

Когда мы начали с Олей встречаться, все в моей жизни встало на свои места. Пазл собрался, наконец. Наши отношения сразу были очень легкими и естественными, как будто, так и должно быть, как будто мы сто лет уже вместе. И в физическом плане тоже (это предмет особой Олиной гордости).

И все же мы давали себе отчет, что это естественно далеко не для всех.

Очень стыдно было признаться друзьям. Я боялась, что мои самые близкие люди отвернутся от меня, не примут. Но никто не отвернулся, и Олю все приняли, как родную. Мне кажется, никого из моих мужчин они так тепло не принимали, как Олю.

Сложнее было с родственниками. Сначала я хотела рассказать сестре, с ней у нас всегда были довольно близкие отношения несмотря на большую разницу в возрасте. Она приехала как-то в гости в Москву на несколько дней, остановилась у меня. Мы тогда уже вовсю встречались с Олей. Я очень волновалась и не знала, как рассказать, все откладывала. Только в последний вечер, перед самым отъездом сестры, чуть ли уже не в дверях, я все-таки рассказала. Как в пропасть прыгнула — будь что будет. Она очень удивилась. Уже уехав в аэропорт, писала мне сообщения: «Так, но теперь у меня целая куча вопросов!». В общем, реакция у нее была неоднозначная, но в целом, неплохая. Брат так вообще не удивился. Сказал: «я так и думал». Только что брат, что сестра, с ужасом спрашивали: «как же ты это родителям расскажешь? Может, не надо?».

Вообще, я почему-то часто слышу этот вопрос — зачем кому-то рассказывать? Мол, делайте дома, что хотите, просто на людях не показывайте. Меня

такие рассуждения, если честно, всегда ставят в тупик. Не в смысле — «и правда, зачем?», а в смысле — «как, вообще, можно задавать такой вопрос?». Что-то про себя скрывать — это все равно что врать. Это, по меньшей мере, противно. Потом, это обидно, в конце концов. Если бы у меня был молодой человек или муж, то никому и в голову не пришло бы мне предлагать скрывать этот факт. Потому что это нормально. Но ведь и мои отношения с Олей — это тоже нормально. Для меня нет ничего естественнее, чем обнимать ее, просыпаться каждое утро рядом с ней, строить совместные планы и называть друг друга семьей. Так хочется тоже рассказывать о том, как провела выходные с женой и детьми, без цензуры, не думая, что можно говорить, а что нельзя. Я, например, на работе никому не говорила про Олю. Знали только самые близкие. Когда мы поженились, и я стала носить кольцо, то все сразу стали по умолчанию считать, что у меня есть муж. Я не поправляла, но ничего и не рассказывала. Только про детей у меня периодически что-то проскальзывало.

Это было тяжело. Такая раздвоенность подтачивает изнутри. Это как носить тяжеленное пальто. Зимой и летом, одно и то же. Неудобное, летом жаркое, зимой холодное, несуразное. Когда долго его носишь, то как-то привыкаешь и перестаешь замечать все неудобства. Но стоит его снять и походить без него хоть пару дней, то сразу и плечи расправляются, и походка становится пружинистее. Не все могут жить двойной жизнью. Оля моя, например, не может. У нее на работе все знали, что у нее жена, а не муж. Не могла она ни скрывать, ни врать. И никого это не волновало. Ну жена и жена. У меня же на работе была совсем другая обстановка. Я уверена, что если бы про меня знали, то моя карьера сложилась бы совсем по-другому. Если бы вообще хоть как-то сложилась. Приходилось раздваиваться. Где-то молчать, где-то недоговаривать, где-то терпеть гомофобские шуточки начальства. К сожалению, это оставляло отпечаток не только на мне, но и на Оле. Ей было даже тяжелее, наверно. Как будто она и наши отношения что-то стыдное, раз я это скрываю.

Но с близкими я не хотела вранья. Те люди на работе были просто коллеги, с которыми меня объединял только общий офис да запись в трудовой книжке. Но родители — совсем другое дело. Вопрос говорить или не говорить для меня не стоял. Вопрос был только: как?

Я долго думала об этом и серьезно готовилась. Советовалась со своей психологиней. Мы проговаривали и отрабатывали разные сценарии, разные возможные реакции. В итоге, сначала летом я приехала с Олей к родителям, как будто это подружка моя, за компанию приехала. План был такой, чтобы показать родителям Олю, а потом уже все рассказать. Чтобы они не придумали, что меня там кто-то развратил и сбил с пути, а что это вот реальный человек, которого они знают. Оля очень моим родителям понравилась. Даже маме, что не так просто. Мама сказала даже удивленно:

— Да как Оля может не понравиться? Такая деликатная, вежливая, дружелюбная, приятная.

Я, конечно, как масло на сковороде таяла от такой похвалы в адрес моей любимой.

А потом через пару месяцев после этого я приехала к родителям одна. Мы сели за стол на кухне. Они уже ждали, догадывались, что я что-то хочу с ними важное обсудить. Я выдала свою подготовленную речь и ждала охов и ахов, а в ответ услышала:

— Так мы догадались уже. Еще когда вы с Олей вместе приезжали.

В общем, они приняли новость спокойно, хоть и без особого восторга и энтузиазма. Единственное, по поводу чего они высказались жестко, это по поводу нашей возможной женитьбы. Мол, брак — это только между мужчиной и женщиной. Поэтому о свадьбе я им не рассказала. Решила, что пока достаточно с них знать, что мы живем с Олей вместе. Папа старался быть деликатным и не задавать лишних вопросов, чтобы случайно меня не обидеть, а мама могла в любой момент сказать какую-нибудь обидную фигню, но потом тоже старалась меньше спрашивать, чтобы не услышать что-нибудь, что ей

совсем не хочется слышать. Когда я уезжала, папа шепнул мне в ухо, обняв на прощанье: «Приезжай с кем хочешь, только приезжай, пожалуйста. Мы тебя любую любим и принимаем». Знаю, что это не совсем так, но они точно меня любят, и это для них самое главное, это не изменилось. И к Оле они по-прежнему очень хорошо относятся. Когда звонят, всегда передают ей приветы и спрашивают, как у нее дела. Мы даже пару раз приезжали к родителям с детьми. Не могу сказать, что они воспринимают их как своих внуков, но относятся к ним тепло, и про них тоже всегда спрашивают. Для меня это важно, и я понимаю, что это уже много.

Когда я сказала маме, что беременна, она очень удивилась.

— Как? От кого?

Я объяснила, что и как. Мама уже перестала надеяться, а тут такая двойная радость. Когда малыши родились, я стала заваливать родителей фотографиями и видео. У них появилась своя забава — угадывать, кто из близнецов кто. Даже соревнуются

друг с другом. Мама редко ошибается. Папа почаще, о чем мама ему не стесняется напоминать.

Я очень хотела познакомить родителей с близнецами вживую, но это не так просто. Родителям моим уже за 70, и здоровьем они, к сожалению, не блистают. С учетом сложности авиасообщения России с Европой перелет к нам в Берлин был бы для них слишком тяжелым. Нам лететь в Россию с малявками тоже тяжело.

В общем, решено было встретиться осенью на нейтральной территории — в Турции. От родителей есть прямые рейсы, и от нас есть прямые рейсы.

Мир открывается

Лето в Берлине затянулось. Я часто ходила гулять на Литцензее. Сидела там на траве на своем любимом месте, обняв руками колени. Смотрела на семью лебедей. Они плавали так близко к берегу, что стоявшие у кромки воды люди могли протянуть руку и погладить. Солнце щурило глаза, под босыми ступнями трава. Я стала расслабленнее. Я приняла, наконец, тот факт, что жизнь навсегда изменилась и прежней не будет никогда. Я все еще скучала по прежней жизни, но начала приглядываться к новой и находить в ней много интересного. Стала больше видеть, что происходит вокруг. И как будто я сама стала заметнее. Тут, наверно, и изучение языка помогало — я больше не была изолирована от окружающих стеклянным колпаком. Ко мне стали чаще подходить, например, спрашивать дорогу. А иногда с необычными вопросами или разговором.

Как-то ко мне подошел мужчина в метро. Сказал, что он художник из Дюссельдорфа, и что он собирает из жизни фото и картинку радуги для своего

проекта. Попросил разрешения сфотографировать мою футболку с рисунком сердца в радужных цветах.

Как-то я сидела в кафе за столиком на улице и писала в своем блокноте. Ко мне подошел мужчина с дочкой лет двенадцати. Они, видимо, катались на роликах, а теперь возвращались домой пешком, повесив роликовые коньки на плечо. Мужчина спросил меня по-английски, что я пишу. Я сказала, что просто записываю свои мысли. И тогда он начал читать стихи. Хорошие и простые одновременно. Круто, говорю, это твое? И он стихами мне ответил, что это фристайл рэп, что он все время рифмует слова, когда видит что-то интересное. Увидел, как я пишу, и решил поговорить со мной. Все это стихами сказал. Потом улыбнулся, попрощался и пошел дальше. Чудеса. Вроде ерунда, но мне как-то легко и светло стало.

Тем временем, мы получили, наконец, карточки ВНЖ на малышей, с фотографиями, которые так веселили женщину, принимавшую наши документы —

она все смотрела на детей и на фото и смеялась, что они совсем одинаковые, не отличить. Фоточки, и правда, смешные. Хотя делать их было совсем не смешно. Малышам на тот момент было меньше года, а они уже дважды фотографировались на официальные документы. Требования к фотографии такие, что глаза должны быть открыты и смотрят в камеру. Та еще задачка. В первый раз я их фотографировала для паспортов в месяц с небольшим. Они тогда почти все время спали. Я держала ребенка на вытянутых руках, а фотограф прищелкивал и прищелкивал, чтобы малыш на него посмотрел. А во второй раз им было уже полгода, это были фотографии для ВНЖ. На этот раз они глаза открывали без проблем, но смотрели все время куда-то вбок, не на фотографа. Он аж вспотел весь, стараясь привлечь их внимание. Да и я тоже — держать полугодовалого ребенка сложнее, чем одномесечного.

Но главное, что все получилось. С готовыми документами можно и путешествовать.

Турция

Встреча с родителями должна была состояться в Анталии в октябре[1] 2023 года. Как раз начинались каникулы у старших, так что мы взяли всех четверых детей и поехали в аэропорт. Старших детей мы должны были передать папе в аэропорту Анталии, а дальше уже сами отдыхаем с близнецами. Мы впервые летели с малышами, волновались. Приехали в аэропорт заранее, но все равно все было очень долго. Выстояли очередь на регистрацию, получили посадочные, потом сдали автомобильные кресла для малышей в негабаритный багаж. Потом таможенный досмотр: все вещи положить на ленту, коляску сложить, проходить по очереди, передавая друг другу малышей. Рядом еще нервный Ваня и болтливый Антоша. Время поджимает, все на нервах. Когда прошли таможенный досмотр, один чемодан попросили открыть. Я держу на руках обеих малышей, обливаясь потом, пока Оля открывает че-

модан и показывает содержимое таможеннику. Параллельно слежу за старшими, чтоб никто никуда не ушел и не забыл ничего из вещей, и мне еще высказывает какая-то немка, что я не убираю контейнеры за собой.

— Чем я должна это сделать? — прикрикнула я на нее. Лучше бы помогла, чем наезжать, честное слово.

Потом мы побежали на паспортный контроль, там опять выстояли очередь. Таможенник спросил, где папа детей. У малышей нет папы, говорю, а старших папа в пункте назначения встречает. А чем докажете, говорит? Оля стала доставать мобильный, нашла переписку с папой, показала. Вроде удовлетворился и выпустил, хотя переписка была на русском. До окончания посадки пять минут, а нам еще до гейта добраться. И мы побежали. Ваня волочится сзади и ноет, что устал, я на него прикрикиваю, чтоб продолжал бежать, а сама толкаю коляску. Оля впереди с Антошей и чемоданами. Добежали до гейта, а там задержка вылета. На четыре часа. Занавес.

Мы пошли в единственное кафе в аэропорту, где можно поесть и посидеть. Заказали еду. Выдохнули. По очереди ходили гулять с малышами, чтоб они не заскучали совсем. Старшие периодически выпрашивали себе айпады. Мы находили безлюдные закутки и выпускали малышей поползать на просторе. В итоге наш рейс вылетел не через четыре, а через шесть часов. По прилете сначала долго получали коляску и кресла, потом долго не могли найти нашего таксиста. И Паша опаздывал, как всегда. Мы были такие уставшие, что, когда Паша-таки явился, мы не могли вспомнить, куда положили Ванины лекарства, и взяли ли их вообще. В общем, до отеля мы добрались около 22. Малыши спали в рюкзаках-кенгуру, мы никакие. Родители и Оксана, моя сестра, встретили нас на ресепшене. Мама сразу определила, кто из близнецов где. Родители проводили нас до номера. Мы заселились, и только тогда выдохнули окончательно: мы добрались!

А дальше был «отдых». Погода стояла чудесная: солнце, ни облачка, море еще достаточно теплое, а

народу уже не так много. Отель неплохой. Со своими минусами, но зато огромный шведский стол с любой едой на выбор, и все очень вкусное.

Я очень ждала этой встречи. Я и сама соскучилась, и мне хотелось показать малышей — я сделала! Мол, вы уже не верили, что ваша младшая дочь родит вам внуков, а она вон двоих за один раз, такого у нас в семье еще не было. Мои родители малышам очень радовались, конечно, но надолго оставлять их одних с малышами мы не могли — не справились бы. Папа еще бодр, а маме уже здоровье не позволяет за ними угнаться. Так что они оставались у нас в номере, когда малыши засыпали — посторожить их сон и развлечь, как проснутся. Мы тогда могли спокойно поесть и даже сходить на море. А вечером даже посидеть недолго в баре.

Но все остальное было странным и немного натянутым. Мы все избегали говорить о войне и о том, кто на какой стороне. И эта тема как будто все время висела над нами. Может, поэтому все были

немного напряженными. Потом еще Олин день рождения отметили как-то скомканно: сидели у нас в номере на балконе. В целом, было душевно, но не празднично, не как на день рождения, а для Оли это важно. Они даже не подарили Оле никакого подарка. Хотя бы шоколадку, ну хоть что-нибудь — ничего. И словами поздравили как-то походя. Я понимаю, что это не со зла, а от общей неловкости, но мне было обидно. Я подумала, что такое никогда не могло бы произойти в день рождения жены брата или мужа сестры. Пусть родители как бы не знают, что мы поженились (хотя я думаю, что догадываются, потому что кольца мы не скрываем), но они точно стопроцентно знают, что Оля полноправно участвует в воспитании малышей, их внуков.

И Оля на меня обижалась. Говорила, что я рядом с родственниками какая-то другая, закрытая. А она всегда пугается, если я закрываюсь. Я же чувствовала себя как между Сциллой и Харибдой. Боялась обидеть Олю и боялась что-то лишнее сказать роди-

телям, чтобы в ответ не услышать что-нибудь неприятное. Поэтому я была, как замороженная. Шаг влево, шаг вправо — проблема. А идти все время по струнке сложно. Я так хотела увидеть родителей и сестру, и вот мы встречаемся вживую, но ни слова о нашем отъезде, ни вопроса о том, почему мы уехали, как нам там, на чужбине, и каково это вообще растить близнецов, да еще с двумя старшими, еще и не с самыми простыми, да еще в эмиграции. Никто не знает, что у меня депрессия, и что я на таблетках, потому что никто ни разу не спросил меня, как я себя чувствую.

Вообще, наверно, благодаря Оле, я стала смотреть на нашу семью со стороны и вижу, что мы, мало говорим. Вернее, слов-то произносится много, но все не о том. Мне все время рассказывают о каких-то знакомых или родственниках, но не спрашивают, не тяжело ли мне быть многодетной матерью в эмиграции. При этом, и это очевидно всем, мы очень любим друг друга, но любовь у нас какая-то стыдливая.

Когда мы с Олей только начали встречаться, я тоже мало говорила, потому что не умела говорить о важном, у нас в семье это не практиковалось. О том, что меня беспокоит, что мне нравится, что не нравится, что мне делает больно и почему. Оля очень долго и терпеливо приучала меня открываться ей, учила говорить о своих чувствах. Наверно, я жду от своей семьи того же — открытости, искренности, но их-то никто не учил, они не прошли тот путь, что прошла я. Глупо, наверно, ждать от них вопроса «как ты?», если они никогда его не задавали.

Единственный родственник, который задает мне этот вопрос, это тетя Женя. Ей тоже за семьдесят, как моим родителям. Она двоюродная сестра моего папы, живет в Москве. У нас в семье все ее очень любят за искренность, за открытость, за душевность. Всю свою жизнь тетя Женя проработала в государственной организации. Рассказывала, как их заставляли выходить на «правильные» митинги и заставляли «правильно» голосовать. Тетя Женя

была чуть ли не самым старшим сотрудником, проработала до 70 лет — все не хотела выходить на пенсию, боялась, что ей будет скучно. Она ведь деятельная ужасно, общительная. Подружки у нее самых разных возрастов, от ровесниц до девочек младше меня. Но на пенсии скучно ей не стало: она постоянно ходит на экскурсии по Москве («открываю для себя Москву заново», как она говорит). Я ее с Олей даже раньше родителей познакомила. Я не представляла Олю ни как жену, ни как девушку, но тетя Женя сразу все поняла, и так естественно все восприняла, и с такой теплотой отнеслась к Оле и к нашим мальчишкам, что ничего и не нужно было говорить. Мы ходили с ней в музеи, в театр, просто в гости друг к другу. Хотелось бы мне быть такой же в ее возрасте. Яркая, на руках крупные перстни, в ушах огромные серьги, и все ей интересно, жить интересно. Только она сейчас задает мне вопрос: «как ты?». Часто пишет, что она понимает, как нам тя-

жело, как она восхищается нами, какие мы молодцы, и как ей жаль, что она далеко от нас и не может ничем помочь.

Родители тоже переживают, конечно. Мама регулярно звонит, иногда мы даже подолгу разговариваем. Но родители больше про физическое здоровье спрашивают, да как мы устроились, а не про чувства. Но на первом плане, конечно, малыши — какие у них успехи, что научились делать нового, сколько зубов выросло, какие слоги научились говорить, в какие игры играют. Про малышей им интересно все. Про меня, наверно, тоже, но мама как будто боится что-нибудь лишнее спросить, чтобы не услышать в ответ что-то, что потревожит ее систему ценностей. В ее системе ценностей мы с Олей просто подруги, которые живут вместе. Бостонский брак. Как бы хорошо она ни относилась к Оле, она не воспринимает ее как мою пару, как свою невестку. Мне это непросто. Как будто мама не принимает меня полностью. Как если бы она мне сказала: «Знаешь, мне твоя левая половина лица не нравится. Поворачивайся ко мне всегда правой, пожалуйста.»

Родители улетели из Турции на один день раньше нас, и, честно говоря, мне стало легче. Больше не надо оглядываться через плечо и взвешивать каждое слово. Мы арендовали машину на один день, посадили малышей и поехали в древний город Аспендес (Aspendes). Он от Анталии всего в 40 минутах езды, там удивительно хорошо сохранившийся и восстановленный театр, ну и несколько зданий в придачу, разной степени разрушенности. Город 2-го века н. э., говорят, построен во времена Марка Аврелия. Агора, базилика, акведук. Ничего не огорожено, все лазают по руинам, несмотря на адскую жару. Пекло, как в августе, даром, что октябрь. Наверно, поэтому малышам было тяжело, капризничали. Зато Оля подобрала на дороге какой-то камень, она уверена, что он древний. Мы этот булыжник даже в Берлин привезли.

Отпуск закончился, мы вернулись в Берлин. Домой.

Осень

В Берлине жары уже не было. Лето отступило. Пасмурный город окрасился в охру и в красно-апельсиновый. Уже в аэропорту легче дышится. Уверенное благосостояние и свобода. Снова можно говорить «моя жена». Все знакомое, свое. Хорошо было вернуться домой, в нашу квартиру.

Старшие приедут только через неделю, я надеялась насладиться короткими каникулами, налюбоваться берлинской осенью, ее густыми красками. Но на следующий день по возвращении заболел Марк. Потом Лука. Потом я. Потом Оля. И всю неделю мы либо болели, либо просто не высыпались, потому что ночной сон малышей безнадежно сбился. Я вставала к ним каждый час, начиная с полуночи. К утру я была никакая. Пыталась доспать, когда приходила няня, но почти никогда не получалось. Выздоровели мы только к приезду старших. Может, поэтому я загрустила. Поняла, что во мне происходит какое-то глобальное изменение. На все

стала смотреть по-новому. На свою семью, на наши взаимоотношения, на их отношение ко мне, на мое к ним. На мою жизнь, на мои ценности, на мою семью, которая моя настоящая семья: Оля и дети. На наше место в этом городе, в этом мире. На мое место. Очень хочется его найти. Хочется приносить пользу и добро. Но как, не знаю.

Зато знаю, что у нас чудесные малыши. Во время поездки они вдруг поняли, что можно играть друг с другом. Ползали по номеру отеля, играя в догонялки, и хохотали. Или валялись на кровати, ныряя головой в подушку, перекатываясь на спину, болтая ножками. Они взрослеют, крепнут. Начинают постепенно вставать, того и гляди пойдут.

Малыши, когда у меня есть на это силы, очень радуют. Как светлый лучик среди серости будней. Когда детей всего двое, то все кажется не так уж и сложно. Но с четырьмя бывает тяжело. И как только ухудшается сон, то иногда даже таблетки не помогают, и накатывает очередной депрессивный эпизод. Состояние вялое. Нет сил выйти из дома, даже

если есть свободное время. Может, погода тоже добавляет грусти. Осеннее золото к ноябрю почти все опало, совсем немного осталось. Небо все чаще серое или белесое, будто глаза закатило. Но холода еще не пришли. Как-то шла по улице — погода неприятная, морось висит в воздухе, все серо-мокрое, холодное. Я шла и думала: зачем все это? Зачем уехали, зачем живем тут, в чужой стране, учим чужой язык? Даже не грусть, а пустота внутри. Родителям после Турции стала реже звонить. Наверно, все еще обижаюсь. Но фото и видео исправно шлю. Я неосторожно обронила, что, возможно, приедем с малышами летом в Россию. Родители теперь очень ждут. А я уже что-то не знаю, хочу ли, смогу ли.

Пишу уже регулярно. От одной до трех страниц в день. Иногда легко идет, а иногда с натугой. Заметила, что с каждым годом все сложнее выражать свои мысли и чувства. Я будто колодец, на дне которого что-то есть. С каждым годом колодец все глубже и достать оттуда это что-то все тяжелее. И депрессия его еще глубже делает. Хотя, наверно, зря я на возраст грешу. Со мной всегда так было, даже

в юности. Меня иногда радость изнутри так распи-
рала, что хотелось петь, танцевать, но все это так и
оставалась внутри, пока не блекло совсем.

А еще у нас, как у настоящих берлинцев, теперь
есть велосипед. Не просто велосипед, а большая
трехколесная махина с тележкой впереди, чтобы во-
зить детей. Весит он килограмм 20, не меньше. В те-
леге есть две скамеечки с ремнями безопасности и
полиэтиленовая крыша с расстегивающимися
окошками. Он механический, никакой электробата-
реи нет, как у многих пижонов тут. И, конечно, подер-
жанный. Левая педаль у него немного разболталась
и часто со звоном бьется о раму. Обычно я на нем
забираю Антошу из школы. В первый раз было
очень страшно. Непонятно, как им рулить — он же
огромный, и не наклоняется при повороте, как обыч-
ный. Руль ходит четко параллельно земле. Но сей-
час я уже приноровилась. В горку тяжело бывает, но
я стараюсь ездить по тем улицам, где меньше подь-
емов.

Самое главное для велосипеда — это замок. Ну
и чтоб неказистый был, а то украдут. Тут это такая

частая история, что почти у каждого берлинца хотя бы раз в жизни украли велосипед. Так что на замок деньги лучше не жалеть. Потому что дешевый легко и быстро перекусывается специальными кусачками. Дорогой тоже можно вскрыть, но это дольше, больше шансов, что запалят, поэтому такие реже взламывают.

Сейчас я уже легко гоняю на этой махине. Я даже могу так крутить педали, чтобы они меньше стучали. Сиденье хорошо фиксируется только на одной высоте, которая для меня великовата — приходится крутить педали не всей стопой, а носочками. Но я и к этому привыкла. Я научилась ловко разворачивать велосипед даже там, где мало места, лихо вспрыгиваю на сиденье, а на поворотах скидываю руку, указывая, куда поверну. Чтобы водители машин видели. На них я ворчу тоже, как настоящий берлинец, если не пропускают. Но когда я за рулем автомобиля, я ворчу на велосипедистов, потому что их очень много и ездят они во всех направлениях и не только по своим выделенным дорожкам.

Но про вождение — отдельная тема.

Уроки вождения

Вообще, после беременности я во многом стала чувствовать себя неудачницей. Молока то мало, то нет, родила не так, как хотела, хотя могла бы. Материнству мало радуюсь, слабачка, раз депрессия ододела. Примерно так меня чморил мой внутренний критик. Оля, вон, работает, а я могла бы сама с детьми справляться, но нет, пришлось няню нанимать. В довершение всего я пошла на уроки вождения. Вообще-то, я умею водить и права у меня почти 20 лет. Но по иностранным правам в Германии, да и во многих странах Европы, можно ездить только полгода, а потом надо получать местные. Для этого сначала нужно подписать договор с автошколой. Потом проверить глаза у окулиста, пройти курс первой помощи, а дальше со всеми этими документами пойти в Бюргерамт, где тебя вносят в систему и прикрепляют к определенному участку ГАИ. Потом ты ждешь, когда придет от них официальное письмо, которое ты приносишь в автошколу, и вот тогда ты

можешь сдавать теорию, а параллельно тебе назначают урок с инструктором. Только если инструктор считает, что ты можешь водить и готова сдавать экзамен, тебя ставят в лист ожидания на экзамен по вождению. Весь процесс до момента начала уроков с инструктором автошколы у меня занял примерно три-четыре месяца. К тому моменту, как можно было начинать ездить с инструктором, уже родились близнецы, и было немного не до того. Я дождалась лета, когда могла уже оставлять малышей с няней, и пошла в автошколу. Мне дали инструктора Томаса, немца, он говорит по-английски и к нему проще записаться. Я потом только поняла, почему. Я пошла на урок в полной уверенности, что вот сейчас он увидит, что я умею водить, и сразу отправит меня на экзамен, и к концу лета у меня будут права. Я хорошо вожу. Ездила и на большие расстояния, и годами мыкалась по московским пробкам. И на разных машинах ездила. Оле никогда даже в голову не приходило научиться водить и получить права, по-

тому что зачем? Если есть Даша. Мы много с ней путешествовали на машине и по России, и по другим странам. Я была в себе уверена. Но все пошло не так. Была, конечно, и объективная причина: я все еще мало и плохо спала, поэтому концентрация была не самой лучшей, я совершала глупые ошибки, и есть некоторые нюансы вождения в Берлине, к которым нужно привыкнуть. Но была и субъективная причина. Дело было в инструкторе. После занятия с ним я чувствовала себя полным отстоем. Мой последний оплот, то, что я всегда умела делать хорошо, теперь, оказывается, делала ужасно. Я ходила и ходила к нему на уроки, каждый раз, как на экзамен. Я страшно волновалась, снова делала кучу ошибок, а когда не делала, он все равно находил, к кому придраться. Говорил, что никакого прогресса, что все ужасно. Я часто приходила домой после уроков и ревела. Пока однажды Оля, в очередной раз утирая мои слезы, не сказала, что больше к нему не пустит. Чтобы я шла к другому инструктору. И я пошла к Геннадию, владельцу этой автошколы.

Геннадий

Геннадию за семьдесят, он самый старый Fahrlehrer (учитель вождения) в Берлине. Невысокий, сухонький, немного кривоногий, с добродушно-хитрыми глазами. В первое наше знакомство он минут двадцать рассказывал мне свою жизнь. Слушать было интересно, но, признаться, когда он сказал, что работал в КГБ, мой интерес поугас и появилась настороженность, помешавшая запомнить в деталях его рассказ, о чем я потом жалела. Но с каждым новым занятием он рассказывал о себе все больше, и теперь я уже слушала во все уши. Жизнь его была насыщена приключениями, достойными книги или кино. До того, как открыть автошколу, он читал лекции по психологии искусства в университете Берлина. До этого работал дальнобойщиком, так он и немецкий выучил. А до этого служил в КГБ в Москве. А до этого учился в Гнесинке по классу баян, и аспирантуру закончил там же.

Но все по порядку. Отец его был простым уральским парнем, известным в узких кругах вором в законе, которого знали и уважали, в том числе и в КГБ. Геннадий с гордостью это говорил, как будто его отец был ученым или известным музыкантом. Но на самом деле, он успел только один класс отучиться в школе, потом были постоянные колонии, где он и научился, как надо «делать дела». Мать Геннадия была полной противоположностью отца. Очень образованная, воспитанная девушка училась в румынской королевской гимназии, потом в королевском университете. С отцом Геннадия познакомилась в Молдавии, через своего брата. Они поженились и прожили в Молдавии много лет, вместе до самой смерти. Геннадий, их единственный сын, родился там же. Что эта принцесса нашла в разбойнике, непонятно, но они очень любили друг друга. Отношения их были сдержанными (в те времена не было принято выставлять чувства напоказ), мать была очень мягкой, но отец ее всегда уважал, ни слова грубого не сказал, и другим запрещал при ней материться. Читать отец научился в школе за тот самый

первый класс, всегда читал газету Правда, другие не признавал, а вот писать так и не научился. Жена смогла его научить только выводить свою короткую фамилию.

Из Молдавии Геннадий уехал в Москву — поступил в Гнесинку. Это мамино влияние — она прекрасно играла на фортепиано, и Геннадий с детства любил музыку. Потом отучился в аспирантуре. А после пошел работать в КГБ — это уже папино влияние. В то время это было едва ли не самое хлебное место, да и отец Геннадия с КГБ дружил, насколько с ними, вообще, можно дружить. Военная часть была недалеко от их дома, и Геннадий с 12-ти лет был на попечительстве одного полковника КГБ. Отец отводил его к нему каждый день после школы. Геннадий делал там уроки и общался с военными. Кроме музыки его с детства привлекал спорт, физическая активность и военная форма. Поэтому, когда после аспирантуры этот полковник позвал Геннадия к ним работать в отдел Физкультуры и спорта, он сразу согласился. КГБ — это круче, чем Министерство Обороны. С такой «корочкой» все двери будут

открыты. Правда, корочкой Геннадий не пользовался в личных целях. Только однажды, когда в Москве показывали новый фильм Фантомас, куда стояли огромные очереди, а перекупщики продавали один билет за 10 рублей (при средней зарплате в 30–35 рублей), он «использовал служебное положение». Он пошел на фильм с девушкой. Увидев очередь и узнав стоимость у перекупщиков, пошел в кассу. Там закрыто. Он постучал. Тишина. Постучал еще раз. Открылось окошко и высунулось недовольное советское лицо. В которое он тут же сунул свою корочку. Лицо побледнело и исчезло, захлопнув форточку. Потом открылась дверь, и Геннадий увидел трех девушек, бледных и испуганных.

— Мне нужно два билета на сеанс, — сказал он.

Послышался общий выдох облегчения. Его провели с девушкой в самый центр зала на лучшие места. Потом Геннадий всю ночь не спал, его мучила совесть. Больше он так не делал.

Не знаю, что это за департамент Физкультуры и спорта (Геннадий сказал, что не помнит, чем он за-

нимался — ага, как же), но всю шпионскую подготовку Геннадий тоже прошел: как запомнить лицо человека раз и навсегда, как понять, когда человек говорит правду, когда нет. Ну и физическая подготовка обязательно. Геннадий был мастером спорта по дзюдо. И стрелок он был меткий.

В 70-е годы Геннадий уехал в ГДР. Выпустили его из большого уважения к отцу, ну и отдел Физкультуры и спорта не считался секретным, иначе никто бы не подписал разрешение на выезд. Но Геннадий не собирался оставаться в ГДР. «Зачем мне было из одного совка уезжать в другой? Я хотел в ФРГ.» Из ГДР он сначала собирался перебраться в Австрию. Сел на поезд. Конечно, без билета. Но ему не повезло — на одной из станций зашли контролеры, и он выскочил на какой-то Богом забытой станции. Без денег, без языка, без документов. Поезда через эту станцию ходили редко, да и билет ему было не на что купить, а контролеры там бывали часто. И он решил ждать случая. Спал на лавке там же,

на станции. Сердобольная уборщица подкармливала его бутербродами или булочками. Так он прожил неделю. Пока как-то на станции не услышал родную речь. Не русскую, нет. Матерную. Двое прилично одетых мужчин шли по станции и «разговаривали». Геннадий увязался за ними. Скоро они стали на него коситься. За неделю без душа и смены одежды Геннадий пах и выглядел, как бездомный. И тут Геннадий узнал одного из этих мужчин — он тоже был вор в законе, из круга его отца. Геннадий окликнул его, рассказал, кто он такой. Все воры знали его отца, и они никак не могли поверить, что сын такого уважаемого человека может быть здесь, да еще в таком виде. А когда поверили, то уже не могли оставить его в беде. Это не по понятиям. Они привели его в какой-то приют для беженцев. Он нашел себе кое-какую одежду из пожертвований, привел себя в порядок. Его накормили и устроили на работу водителем автобуса. Возил он, в основном, туристов. И неплохо на них заработал: многие хо-

тели остаться в Европе, везли с собой всякие ценности, которые надеялись продать за местную валюту. Геннадий охотно эти ценности скупал. И без зазрения совести пользовался тем, что мало кто знал курс валют, так что ему продавали дорогие часы, золото, серебро за бесценок, не зная об этом. Большинство из них он видел в первый и последний раз, так что не боялся, что ему потом «наваляют». Когда заработал достаточно, договорился о нелегальном переходе границы из Австрии в ФРГ. И переход этот — прямо как из шпионского фильма.

В условленное время его довели до условленной точки, где-то на окраине леса. Была ночь, вокруг ни души, только едва заметная тропинка между деревьев, да ухающая вдалеке сова. Он пошел по тропинке, пока перед ним, из ниоткуда, не возникла железная ограда кладбища. Он перелез через ограду и пошел между памятниками. Было тихо, даже сова смолкла, луна едва просвечивала сквозь облака, а Геннадий шел, сунув руки в карманы и выпуская изо рта пар — похолодало. Как вдруг навстречу вышла

странная фигура. Она шла медленно, слегка покачиваясь, но странным в ней было не это. У фигуры не было головы. Геннадий остановился и стал всматриваться. Он КГБшник, он не верит в нечисть и в суеверия, но глаза же не врут. Фигура подошла ближе, и тут Геннадий увидел, что это обычный человек, просто он натянул пиджак на голову, чтобы согреться. Проходя мимо Геннадия человек обдал его крепким многодневным перегаром и пробормотал что-то малоразборчивое. Геннадий буркнул что-то похожее. Человек удовлетворенно кивнул и побрел дальше, спотыкаясь и бубня под нос. Геннадий дождался, когда он уйдет, и свернул с основной дорожки к склепу. Открыл тяжелую дверь и прошмыгнул внутрь. В склепе его уже ждал человек, который повел его дальше через туннель, прямо в свободную страну ФРГ. Было это в 1975-м году.

Дальше работа дальнобойщиком, университет и автошкола. У него есть дети, внуки. Была любимая жена Рая. Она умерла лет десять назад. Рая была ев-

рейкой и похоронена на еврейском кладбище. Геннадий не еврей, и ему нельзя быть похороненным там же, но он заплатил много денег за место рядом с женой, так что «квартирка на будущее есть», как он говорит. Он до сих пор очень тоскует по Раисе. Как она умерла, все стало не таким радостным и нужным. Он продал свой любимый Харлей, продал свою шикарную яхту с палубами из красного дерева. Продал свой шестисотый мерседес. Оставил только квартиру и автошколу. Потому что больше всего на свете он любит водить.

В последнее время Геннадий сильно сдал. Он похудел, стал медлительнее, в лице появилась какая-то растерянность, будто застыл вопрос, на который никто не отвечает. Да и вопрос он тоже забыл.

Геннадий ко мне проникся, потому что меня зовут, как его маму, а лицом я напоминаю его Раю. После первого же занятия он сказал, что я умею водить, и мне надо записываться на экзамен. Нам оставалось с ним только поездить по маршрутам,

которые так любят экзаменаторы, чтобы запомнить все хитрости и ловушки.

— Я не буду учить тебя водить, ты и так умеешь. Ты отличный водитель, я с тобой чувствую себя в полной безопасности. Ты спокойная и уверенная. Я буду учить тебя, как сдать экзамен.

Мы ездили от ГАИ то вправо, то влево, то по одной улице, то по другой.

— Вот здесь, обрати внимание, есть поворот на улицу, совсем незаметный, кажется, что это выезд со двора, но нет. И здесь закругленный бордюр, значит, ты должна пропустить, кто оттуда будет выезжать.

— Когда смотришь влево или вправо, делай это преувеличенно, чтобы экзаменатор видел. Я знаю, что ты умеешь водить и видишь все, что происходит вокруг, но экзаменатор этого не знает. Ты должна ему показать. Главное, не переигрывай.

— Краем глаза всегда смотри на мои руки. Если ты слишком быстро едешь, я буду показывать вот

так, если слишком медленно, то вот так. Но я в тебе уверен, ты точно сдашь, у меня сомнений нет.

Он всегда очень спокойно объяснял, какие где могут быть ошибки, всегда хвалил, когда я сама, без подсказок, делала все правильно. Когда я жаловалась на Томаса, он деликатно говорил:

— Томас хороший инструктор, но у него другая манера учить. Он исправляет ошибки, а я их предупреждаю.

— Ну похвалить он мог бы меня хоть раз? А то я только негатив от него получала.

— Не все преподавали в университете и знают психологию, как я. Он первоклассный водитель, но это все, что он умеет.

Однажды после занятия, когда я припарковалась у автошколы и собралась выходить из машины, он вдруг сказал, что ему нехорошо. Как будто резко устал. Жаловался на шум в ушах, и вид у него был такой потерянный и испуганный, что я не могла уйти. Он все говорил, говорил, а я слушала, кивала и сочувственно улыбалась.

— Никогда я себя так не чувствовал, — сетовал он. — Но и 74 мне никогда раньше не было.

Время от времени он спрашивал:

— Я тебя не задерживаю?

Я отрицательно качала головой, хоть это было и не так. Но нельзя было оставлять его в таком состоянии.

— Спасибо тебе, что сидишь тут со мной. Одному мне было бы хуже. У тебя аура хорошая, успокаивающая.

Он злился на себя, стучал пальцем по лбу: перестань шуметь, хватит! Недавно он ехал с работы домой, как делал миллион раз. И вдруг поймал себя на том, что не знает, где он и как ехать дальше. Пришлось включить навигатор.

Экзамен я сдала со второго раза. Но с Геннадием мы потом продолжали переписываться. Ему ужасно нравилась моя аватарка в Вотсаппе, где я держала на руках близнецов, и все мы улыбались во весь рот. Геннадий говорил, что, когда ему грустно, он всегда смотрит на это фото, и настроение улучшается.

Рождество в Испании

На рождество старшие уехали к папе на каникулы, а мы с Олей и с младшими поехали в Испанию. Сняли квартиру в Кастельдефельс (Castelldefels), под Барселоной, забронировали машину, чтобы поехать по окрестностям. Но все пошло не так с самого начала. В аэропорту Барселоны больше часа ждали коляску и автокресла. Потом оказалось, что надо было ждать с другой стороны зала, и почему нас отправили именно сюда, непонятно. Потом пошли искать стойку конторы, которая должна была сдать нам в аренду машину. На сайте и в ваучере написано, что они прямо в аэропорту. Мы пошли по указанному направлению, но такой конторы не было. Спросили у других стоек. Нам сказали, что к ним надо ехать на шаттле, но они не знают, откуда шаттл идет. Мы с коляской, чемоданами, детьми и креслами пошли искать шаттл. Нас отправили на какую-то отдаленную парковку. Там ни указателей, ни вывески — ничего. Приезжают шаттлы других фирм,

и все они говорят, что мы пришли правильно, но нужный нам шаттл все не шел. Мы прождали час. Постоянно звонили в офис, но там был только автоответчик, никого живого. Все явно уже ушли домой — ведь был сочельник. Мы вернулись в аэропорт. Поели, а то сил уже не было. Попробовали арендовать машину в другой конторе, но нам отказали, потому что нужна кредитная карта, а у нас с собой были только дебетовые. Оля была ужасно злая. Ругала страну, испанцев, все эти тупые правила. Пришлось брать такси.

Квартиру мы сняли небольшую, зато с видом на море. Кое-как разместили кровати, уложили мелких. Заказали невкусную еду на дом. Фух.

Но мы рано выдохнули. Малыши плохо спали на новом месте. Из-за холода мы включали нагреватель, но он быстро начинал жарить, как в бане, приходилось вставать и выключать, но потом скоро снова становилось очень холодно.

Зимой в испанских квартирах всегда холодно. Днем светит солнце и бывает, что разогревает так,

что мы открывали дверь на балкон. Но по утрам и вечерам пол был такой холодный, что малышам приходилось ползать полностью одетыми, и им это очень не нравилось. Проблемой также было их накормить. Они привыкли есть, сидя в специальных стульчиках. А тут их не было. Мы пробовали и так, и сяк, но получалось хоть что-то в них впихнуть, только когда они смотрели мультики. Никогда они столько не смотрели мультики, как в Испании.

Вокруг очень красиво. Пляж и море всего лишь через дорогу. Мы гуляли по набережной, малыши играли с песочком. Повидались с моими друзьями: с кем-то пообедали, кто-то приезжал к нам в гости. Были прекрасные минуты. Но они тонули в бесконечном оре, стоне и нытье, в усталости и в недосяпе. Была одна ночь, когда я не спала совсем. Лука постоянно просыпался и безутешно рыдал. Полчаса орет, потом полчаса спит, потом опять орет. И так всю ночь. Мы уже и в свою кровать его забрали, но ничего не помогало. Уже на третий день «отпуска»

мне хотелось лечь и никогда не вставать. Было ощущение, что по мне проехал бульдозер. Режим выживания снова перешел в положение вкл.

Иногда было чуть легче. Утром мы встречали рассвет. Солнце сначала долго крадется к линии горизонта, а потом за секунду выныривает ослепительный шар и еще через пару секунд он уже виден полностью, будто всегда там был. Мы шли вдоль моря: пустой пляж, песок уже выровнен трактором, нарисовавшим идеальный круг. Если на небе были облака, то там, где они порвались просыпались палки лучей. Иногда Оля оставалась дома с Лукой, а я брала Марка и шла в кофейню рядом со станцией. Она рано открывалась, и там был вкусный кофе. Я сажала Марка в стульчик и давала ему что-нибудь пожевать. Он строил глазки посетителям, и я могла спокойно попить кофе с булочкой в тишине. Минут пять.

А за день до отъезда из Испании Оля заболела. Подхватила какой-то вирус. Ее тошнило, слабость

такая, что она с постели не могла встать. В день отъезда нам надо было сдать квартиру в 11. Оля лежала бледная и несчастная, а я одной рукой собирала вещи и прибирала квартиру, другой развлекала и собирала детей. Самолет у нас был только вечером, так что надо было как-то скоротать время после выселения. Мы доехали до Барселоны, погуляли там в небольшом парке, но Оля не могла долго ходить. Я оставила ее на скамейке с уснувшим Марком, а сама нарезала круги с Лукой. Зато, когда малыши проснулись, Оле вдруг стало лучше. Мы смогли дойти до кафе, перекусить, попить кофе.

Перелет прошел вполне терпимо. Кто-то из малышей капризничал, кто-то спал. Прилетели, сели в такси, доехали до дома, уложили малышей. Они моментально уснули, явно счастливые вернуться в свою комнату и родные кровати. А мы рухнули на диван и одновременно задали один и тот же вопрос:

— Что это было?

А ночью я заболела. Те же симптомы, что у Оли. Меня всю ночь полоскало, потом я все воскресенье

лежала в лежку. Няня помогала Оле с детьми и с уборкой. Ведь это было 31 декабря, вечером мы ждали гостей. Которых мне уже не надо было. Мне хотелось просто лежать на диване с Олей в обнимку и смотреть старые советские фильмы. Это был самый короткий праздник в моей жизни. Почти весь вечер я пролежала на диване. В полночь сделала глоток шампанского и пошла спать. А Оля просидела с гостями до 3 утра. Говорит, было весело. На следующий день мне стало лучше физически, но начался новый депрессивный эпизод.

Я очень странно себя чувствовала, и все вокруг было странное. В голове все время крутились слова Мэтью Перри из его автобиографии: *I'm not enough*. Как будто я делаю недостаточно, люблю недостаточно. Потому что *I'm not enough*. Что я не заслуживаю любви и заботы. Не нравлюсь себе совершенно. Ни психически, ни физически. Постоянно собой недовольна. Все кажется, что Оле со мной тяжело. Мне страшно потерять эти отношения, эту семью. Я бы этого не пережила. От страха закрываюсь и делаю

только хуже. А еще ужасно стыдно за депрессию. Потому что это стыдная болезнь. Она означает, что я слабая, я не справляюсь. Значит, я недостаточно благодарна мирозданию, а значит, я не заслуживаю этого счастья, этой семьи, этих детей, этой жены. Всё это и все они слишком прекрасны для меня, раз я не могу просто радоваться. И я боюсь, что, если я не могу просто радоваться, у меня могут это все просто забрать.

Зима

Еще эта зима. Небо Берлина замазано серо-белым, и голые ветки деревьев на этом фоне, будто черные штрихи. Лужи покрылись ледяной коркой. Дома набухли и нависли над улицей, грозя сомкнуться прямо над тобой, если не ускоришь шаг. Семенишь скорее по холодной улице, спрятавшись в шарфе по самые уши и нос, а как заходишь в кафе, то на тебя сразу нахлобучивается тепло и гомон. Только тогда перестаешь хмуриться и растекаешься на стуле, потягивая кофе.

Этот депрессивный эпизод был довольно коротким. А зима снежной. После обычной серости, покрывавшей пленкой все вокруг, белый цвет добавляет света и красок. Выглядываешь утром в окно, а там улица притихла, боясь стряхнуть с себя белый пух. Жаль, подолгу редко лежит, обычно тает через день-два. Но в этом году в январе выдались две морозные недели. Погода стояла минусовая, и снег

держался. Дома, деревья и машины будто кто-то обвел белым. Сугробов нет, снега мало, но достаточно, чтобы скрипеть под ногами. Как в детстве. На основных площадях и улицах города все еще работали рождественские ярмарки. Повсюду пахло глинтвейном, корицей, карри вurstом и сладостями.

А еще в январе малышам исполнился год. Не верилось, что мы выжили, что они уже такие большие. Человеки. Правда, между собой мы с Олей называли их «письки». Ну потому что они маленькие письки. За год у нас сложилась своя рутина. Ночью я вставала к малышам, если кто-то просыпался. Оля спала с берушами. Зато утром, когда они просыпались, к ним уже выходила Оля, и я могла немного доспать. Оля обычно не сразу их доставала из кроваток. Сначала она давала им какие-нибудь игрушки прямо в кроватки. Когда им надоедало, и они начинали капризничать, она доставала их на пол, чтобы они могли еще немного поиграть сами. А потом я вставала, кормила близнецов, а Оля разводила старших по школам.

Просыпаясь, я спрашивала, в какой стадии близнецы — от этого зависело, сколько времени у меня есть до того, как надо их кормить. Вопрос звучал так:

— Письки достаны?

И ответ:

— Письки достаны и покакали.

Внешне сильно похожие, они все-таки были очень разные. Каждый со своим характером, привычками и даже словечками. Оба любят играть с машинками. Лука называет их «Брррр», а Марк «Би-би». Лука любит быть в центре внимания, чаще капризничает. Бывает, что он заливается горячими слезами, потому что мама вышла из комнаты, а Марк спокойно играет с игрушкой и только поглядывает на Луку удивленно, мол, ты чего это? Марк более спокойный, иногда даже флегматичный. Но если что-то не получается или делают не то, что он хотел, он очень злится. Кричит и кидает вещи. Он не такой ловкий, как Лука, но все старается за ним повторять. Самое сладкое — это когда они только что

проснулись, выпавшиеся, довольные. Улыбаются и щурятся со сна. Они любят песню The wheels on the bus. Особенно любят движения: open and shut — хлопают в ладошки, the wipers on the bus go swish, swish, swish — машут ручкой, the people on the bus go up and down — задирают ручки вверх. Выучили, как крутить головой, говоря “нет”. Умеют хлопать в ладошки и с удовольствием показывают «полетели-на-головку-сели». Если просишь показать волосики, показывают. Но еще больше любят показывать, где у них писька. Часто встают в кроватках, лицом друг к другу и хохочут, иногда перекидывают друг другу бутылочки или подушки. Теперь их уже можно оставлять минут на 30–40 одних в комнате, и они спокойно сами себя развлекают. Марк может дольше играть один, а Лука, когда устает, хочет к маме на ручки. Обнимает за шею и прижимается щечкой. Хотя на руках они оба любят быть — высоко и все видно. Показывают тогда рукой, мол, туда иди, то покажи. Раньше Марк подползал по-пластунски и начинал дрыгать ручками и ножками — это значит

«возьми меня на руки». Сейчас они садятся у тебя в ногах и задирают ручки. Марк стал много болтать, как будто изображает, что читает книжку. Книжки, кстати, — это любимые игрушки. И сами любят смотреть, и слушают, открыв рот, когда им читаешь. А Лука недавно начал говорить «мама». Нежно так. Я млею, конечно. Когда приходит кто-то незнакомый или кого давно не было, малыши сразу бегут ко мне на руки или прячутся за меня, осторожно выглядывая и изучая незнакомца. Лука быстрее осваивается, он более общительный. На прогулках всем прохожим машет рукой и очень радуется, когда ему машут в ответ. Марк более осторожный и опасливый. Будет сначала незнакомца изучать, и только когда убедится, что все нормально, может поиграть.

Саманта

А еще малыши обожают нашу кошку Саманту. Она прямо завораживает их. Стоит им увидеть или услышать Саманту, как они без конца повторяют тоненькими голосками «мяу-мяу» и несутся к ней, сломя голову. Если могут достать, то в лучшем случае гладят, в худшем хватают, за что придется — за ухо, за усы, за хвост. Приходится кошку спасать. Им очень нравится, что она такая мягкая и пушистая. Они и мягкие игрушки, и подушки обожают — валяются на них, смешно поджав ручки. А тут мягкая, да еще и живая.

Жаль, недолго она с нами была. Ровно через месяц после дня рожденья малышей, когда им исполнилось 13 месяцев, нашей Саманты не стало.

У Саманты была своя трагическая история. И у меня была своя. У меня умерла кошка Дуся, которая была со мной почти 16 лет. Самое верное, преданное и нежное существо на свете. Мое горе было таким сильным, что понадобилось несколько сеансов

терапии, чтобы боль стала хотя чуть-чуть выносимее. Но пустота навсегда осталась, тут уж ничего не поделаешь. Антоша очень переживал, когда Дуси не стало. Он очень любит котиков. Так что он часто спрашивал, когда мы заведем нового котика. А я не могла об этом не только говорить, даже думать. Я только сказала, что, когда придет время, наш котик сам нас найдет. И вот через полгода я получаю на работе рассылку о том, что наша коллега, которой было всего 30, внезапно умерла. У нее нет родственников, никого. Только кошка, которой 10 лет и которая осталась совсем одна. Я предложила Оле посмотреть кошку, и если будет контакт, то, возможно, взять ее. Она, как я, потеряла близкого члена семьи. С учетом ее возраста, шансов, что ее кто-то возьмет, не очень много.

Когда мы впервые ее увидели, Саманта была очень грустной, но погладить себя позволила, и была довольно ласковой. Нам рассказали, что, когда нашли ее хозяйку без сознания в квартире, про кошку все забыли. Хозяйку забрали в больницу, она

впала в кому. Только через несколько дней вспомнили про кошку. То есть бедное животное несколько дней было без воды и еды и без своей любимой хозяйки. Когда ее забрали в кошачий отель, она там была совсем тихая, даже голоса не подавала. Но в одну ночь будто с цепи сорвалась: бросалась на дверцу клетки, кричала, дергала ее лапами. Она так шумела, что хозяйка отеля боялась, как бы соседи в полицию не пожаловались. А потом вдруг резко затихла. А утром узнали, что хозяйка Саманты умерла в больнице.

Мы забрали Саманту в тот же вечер. Она была очень красивой благородной окраски: черная с белым, подшерсток бело-серебристый, от чего ее шерсть была похожа на ангорку или песца. Взгляд у нее был слегка презрительный, и вообще, когда пообвыклась, она оказалась очень требовательной кошкой. Любимым ее местом для сна была моя грудь. Лапы при этом она упирала мне в шею и часто выпускала коготки. Потом она могла уйти в ноги или

лечь рядом, но если ее заденешь, то могла и разозлиться, могла даже больно укусить или оцарапать. За что получила прозвище «наше чудовище». Это прозвище она подтвердила на первом же приеме у ветеринара — кровь, крики, рычание. Так мы поняли, что без успокоительного с этой кошкой приходить к врачу бесполезно. А еще она не любила детей. Каждый раз, как кто-то из детей проходил рядом, она бухтела и ворчала, как старая бабка. И мужчин она тоже не любила. Ее хозяйка была одинокой, возможно, Саманта никогда не видела ни детей, ни мужчин. Саманта была, конечно, вредина, но она была наша вредина. И нас с Олей она действительно любила и была с нами очень ласковой. Спала всегда в нашей кровати. Сначала, в основном, на мне. Когда я забеременела, мне уже тяжело было с ней, приходилось сгонять. Тогда она стала спать между нашими с Олей подушками. Можно было уткнуться нос в ее спинку и обнять одной рукой.

Когда родились близнецы, как ни странно, Саманта на них не бухтела. Наоборот, всегда старалась

быть поблизости. Могла спать у них в ногах, если они были на кровати или на диване. Когда они подросли и могли схватить за ухо или за хвост, тогда, конечно, уже стала ворчать и ретироваться. Но в целом, относилась к ним благосклонно. С возрастом, она и Антошу признала. Он часто ее кормил, так что она стала позволять ему себя гладить.

Последние несколько недель она чувствовала себя все хуже. Наша ветеринар говорила, что помочь ей нельзя, что у нее постепенно отказывают почки. Из-за высокого давления она совсем ослепла. Ходила по стенкам, врезалась в предметы. Ела вроде нормально, но все равно сильно похудела.

В тот день нас не было дома, вернулись мы поздно вечером. А она уже лежала почти без сознания, перебирая лапками. Я пыталась поить ее с рук, но она только тыкалась в миску носом. Тогда я прыгнула в такси и поехала в круглосуточную ветклинику. Там у меня сумку с кошкой подхватил врач — он сразу увидел, что ей очень плохо. Мы побежали в смотровую. Я так разволновалась, что объясняла

как-то сбивчиво, обрывками. Он что-то говорил про то, что надо сделать рентген, но так как сейчас ночь, то это будет стоить дорого. Я сказала, что мне все равно, сколько это будет стоить, но я не хочу ее мучить зря. Он сказал, что такая вероятность очень велика. Возможно, мы сможем ее привести немного в чувство и облегчить ее страдания, но неизвестно, на какой срок и насколько нормально она будет себя этот срок чувствовать. Потому что о «хорошо» речи уже не было. Я знала, что вопрос уже стоит: облегчить ей страдания сейчас и усыпить или стараться спасти, что, скорее всего, означает продлить ее мучения. Но я была еще не готова. Я попросила сделать рентген. Она очень тяжело дышала, со свистом. Рентген показал, что у нее серьезная проблема с легкими, но непонятно, в чем источник. И тогда он поставил этот вопрос передо мной. Эту страшную глыбу. Сказал, что можно оставить ее у них на ночь, они будут продолжать обследования и проводить лечение. Возможно, лечение поможет. А может, и это очень вероятно, она не доживет до утра. Решайте. Мне никогда в жизни не приходилось

усыплять животное. Это очень страшно. Тебя спрашивают: ты хочешь, чтобы мы убили твоего члена семьи, вот это беззащитное существо? Или ты хочешь, чтобы мы мучили ее, причиняли ей страдание? Оба вопроса для ее же блага. И оба один другого страшнее. Я знала, что я отвечу, но я все еще была не готова. Я попросила несколько минут. Позвонила Оле, мы поговорили. Она была того же мнения, что и я. Саманта последние недели не жила, а доживала. Я вернулась в смотровую. Доктор посмотрел на меня вопросительно. Я что-то промычала. Я даже не смогла это выговорить. Он понимающе кивнул, и все вышли, чтобы я могла с ней попрощаться. Ей вкололи обезболивающее, и она стала дышать чуть ровнее, лапками уже не дергала. Но дышала. Я гладила ее, говорила с ней, но она уже меня не слышала. Хотя я надеюсь, что это не так. Потом доктор вернулся. Он сказал, что она просто уснет. Перед тем, как ввести лекарство в катетер в лапке, он снова спросил: ввожу? Я кивнула. Он медленно ввел прозрачную жидкость. Я держала ее голову в ладонке. Другой рукой гладила. Она перестала дышать.

Доктор послушал сердце. «Все», — сказал он. Всего пара секунд и ее больше нет. Потом он опять ушел, чтобы я могла побыть с ней одна. Я сложила ее лапки аккуратно вместе, как будто она спит клубочком. Там что-то потом было про кремацию, про оплату. Доктор показал мне ее рентген. Там было огромное белесое пятно в легких. Сказал, что, скорее всего, пришлось бы делать операцию, которую она бы стопроцентно не пережила. Так что я сделала все правильно. Так он сказал. Но остальное я не так хорошо помню, все было в тумане. Я не смогла взять пустую сумку. Везти ее домой. Без кошки. Оставила там. Вместе с пледами и подушкой.

Ночью я плохо спала. Снились тревожные сны. Я постоянно просыпалась — все казалось, что слышу цоканье коготочков в коридоре. Или что чувствую осторожные шаги по одеялу, когда она выискивала себе уютное место для сна. Но это только казалось.

Голосование

А на следующий день была новость, которая оглушила всех. Как будто из сотен тысяч, если не миллионов, людей сразу одним общим выдохом ушла надежда. Как будто мы все разом потеряли близкого человека. Умер Алексей Навальный.

Мы так привыкли к тому, что он где-то там есть, что он страдает, но он живой, он на виду, и пока он на виду, они не посмеют его тронуть. Мы ошибались.

В день его смерти во многих городах, где есть русские эмигранты, были митинги. В России люди действовали осторожнее: в Москве были очереди, чтобы положить цветы к памятнику жертвам политических репрессий. В Воронеже цветы клали к памятнику Мандельштама. За это пока не сажают. В день его похорон была многокилометровая очередь на кладбище. Его мать сидела у могилы и отказывалась уходить, пока не пройдут все желающие про-

ститься. А они все шли и шли. До самого вечера. Потом на следующий день. И на следующий. На могиле выросла огромная гора цветов.

В Берлине был митинг напротив посольства РФ. Многие плакали. Было много цветов и свечей. И людей было тоже много. Одна девушка рассказывала, как в 2011 году на митинге, когда полиция стала ловить и запихивать людей в автозаки, Навальный помог ей и нескольким девушкам перелезть через забор и убежать.

У меня сдавливалось в горле, так что я не могла слово сказать, когда скандировали:

- Не забудем, не простим!
- Россия будет свободной!

Все страшнее моя родина. Очень горько сознавать, что, возможно, я уже никогда не буду жить в России.

Недавно одна подруга спросила меня, нравится ли мне жить в Германии. Я ответила: «У нас нет выбора». Мы остались без родины, так что теперь мы живем там, где можем. Жить можно где угодно. И в

России люди живу. Некоторые вполне счастливы. Мы поняли, что свобода для нас важнее. Но главное, у нас была возможность уехать. У многих оставшихся ее не было. В Германии не все идеально, да и везде не идеально. Везде есть и хорошее, и плохое. И удобное, и неудобное. И понятное, родное, и чужое. Здесь мы свободны. И я хочу, чтобы мои дети тоже были свободны. В самом полном смысле этого слова.

17 марта я ходила на выборы президента РФ 2024. Многие, как и я, пришли к полудню. Я встала в очередь на голосование в 12:20. Мне повезло, это был не самый хвост, хоть и далеко от середины — там стояла подруга с друзьями. Посольство РФ занимает целый квартал. На тот момент очередь огибала почти все посольство: по Unter den Linden, дальше сворачивала на Глинкаштрассе (Glinkastraße), потом на Беренштрассе (Behrenstraße), и потом хвост уходил все время прямо по Вильгельмштрассе (Wilhelmstraße) до самого Мемориала холокосту. Я встала в очередь на

Вильгельмштрассе, недалеко от перекрестка с Беренштрассе. Когда наша очередь перешла перекресток, то весь кусок Беренштрассе вдоль посольства перекрыла полиция и на проезжей части была организована змейка в три ряда. Мы стояли на солнечной стороне. Настроение у всех было тоже солнечное, радостное даже. Нас было так много, что ощущалась причастность к чему-то очень важному. Мы не говорили о политике. Мы обсуждали кино и книги, рассказывали всякие берлинские бюрократические байки. Правда, очередь стала двигаться сильно медленнее. Когда наша очередь подошла к перекрестку с Мауэрштрассе (Mauerstraße), было уже 15:30. Солнце скрылось за зданиями, стало холодно. Я застегнулась на все пуговицы и замоталась в шарф до самого носа, но меня все равно начинала бить дрожь. Оля приехала со старшими, но ко мне ей пройти уже было нельзя, не пускали. Она поспрашивала у очереди, что стояла ближе ко входу на территорию посольства, и получалось, что мне еще стоять не меньше 5 часов. С учетом, что голосование до

20:00, был велик шанс не успеть и простоять зря. Говорили, что вроде бы с детьми пускают без очереди, и я решила рискнуть. Выбралась из очереди, взяла Ваню и спокойно прошла. Я боялась, что с таким взрослым ребенком могут не пустить. Но он был такой возбужденный, что было ясно, что он не обычный ребенок, так что все пропускали без вопросов, я даже не успевала попросить. На входе в здание посольства нужно было сдать рюкзак. Внутри пускали только с паспортом, больше ничего нельзя — ни мобильник, ни помаду, вообще ничего. Сдаешь рюкзак, получаешь номерок, потом проходишь рамку, после рамки тебя еще дополнительно обыскивают. А потом заходишь внутрь через главный вход: высоченный холл, широкая лестница с красным ковром, богато украшенные стены, мрамор, золото. Будто Большой театр. Потом заходишь в просторный зал, где по одной стенке столы, а по другой кабинки для голосования. За столом тебя вносят в журнал и проверяют, что ты не голосовал электронно. Потом дают бланк, и ты идешь в кабинку, задерживаешь

шторку и ставишь галку в бланке. Выходя из зала, кидаешь бланк в одну из двух урн и все. Везде стоят очень вежливые охранники, все стараются, чтобы ты не задерживал никого и делал все быстро. Я так волновалась, что, когда протянула дрожащую руку с бланком, он выпал и раскрылся. Я быстро его подняла и опустила в урну, надеясь, что охранники не успели разглядеть, за кого я проголосовала. Потом с номерком забрала рюкзак и вышла на улицу. Весь процесс голосования со сдачей вещей и рамкой у меня занял 15 минут. Но все это не так важно. Важнее были те часы, что я простояла в очереди. Я видела Юлю Навальную. Она пришла раньше и стояла ближе ко входу, так что успела проголосовать, но простояла в очереди 6 часов. Сильно позади меня была Екатерина Михайловна Шульман. Я ее не видела, но читала потом ее посты. Она не успела проголосовать, до нее очередь так и не дошла. Пока мы стояли, очередь скандировала «Нет войне», «Россия без Путина», «Путин — уходи». У некоторых были флаги с двумя белыми полосами и одной голубой —

антитриколор. Кто-то был с лозунгами или просто с портретом Алексея Навального. Кто видел Юлю, кричали «Юля, мы с тобой» или просто «Наваль-ный». Были журналисты, в основном, около Юли. Кто-то видел Ходорковского, не знаю, успел ли он проголосовать. Когда голосование закрыли, многие долго стояли потом у посольства и кричали «Где мой голос?». Но обошлось все мирно. Странное это ощущение. Ты вроде понимаешь, что ничего ни твой, ни всех этих людей голос не изменит, но видеть, что ты не один, что в одном только Берлине нас тысячи, — это многого стоит. У меня был такой адреналин в крови, что я потом долго не могла уснуть. Все вспоминала, как сжимается горло, когда скандируют. Нас много, значит, наверно, еще не все потеряно.

Что дальше?

С апреля близнецы пошли в немецкий детский сад. Скорее всего, для них родными будут сразу два языка — русский и немецкий. Иногда мне становится тоскливо от этого, не знаю, почему. Наверно, потому что так сложилось, что у нас будут разные родины. Моя — Россия до 24.02.22. Их родина будет Германия. Дома мы, конечно, будем стараться привить им русскую культуру: говорить только на русском, обязательно научим их читать и писать по-русски, будем читать им русские книжки, показывать русские мультики и кино. Но менталитет у них точно будет другой, не такой, как у нас. И, наверно, это хорошо и так лучше. Зато они вырастут свободными. И, может быть, когда-нибудь смогут вернуться в Россию и построить там с другими такими же свободными людьми новую свободную страну. Где каждый важен, где каждый имеет право быть. И они пойдут на гей-парад в центре Москвы, на Тверской, и будут танцевать и петь.

А пока мы живем здесь. Осваиваем немецкий, привыкаем к местным традициям и дружим с такими же эмигрантами, как и мы. И все у нас будет хорошо, потому что мы есть друг у друга. А со всем остальным мы справимся.